

А.В. Куза

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Annotation

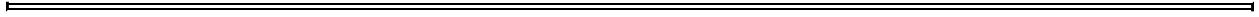
Публикуемая диссертация кандидата исторических наук, защищенная Андреем Васильевичем Кузой (1939–1984) в Институте археологии АН СССР в 1970 г., является первым всеобъемлющим исследованием древнерусского рыболовства в российской историографии. Автор проанализировал все доступные источники: письменные, археологические и этнографические, выстроив на основе их сравнительного исследования картину развития рыбного промысла с X до начала XVI в. давая целостную картину изменений орудий лова (крючки, остроги, грузила). Автор обосновывает вывод, касающийся экономики Древнерусского государства в целом: для VIII–X вв. рыбный промысел носил частный характер, с укреплением княжеской власти рыболовство начало играть серьезную роль в хозяйстве целых регионов. Рыбный промысел приобрел профессиональные черты, рыболовство стало одной из форм феодальных повинностей.

Для специалистов в области археологии, истории, этнологии.

- [Андрей Куза](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Введение](#)
 - [Глава I. История изучения древнерусских промыслов. Обзор источников](#)
 - [Вопросы истории промыслов в русской и советской историографии](#)
 - [Источники сведений о рыбном промысле в Древней Руси](#)
 - [Глава II. Рыболовство в хозяйстве восточных славян накануне образования Древнерусского государства](#)
 - [Природные условия, водоемы и ихтиофауна Восточной Европы](#)
 - [Рыболовство у праславян](#)
 - [Место рыболовства в хозяйстве восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.](#)
 - [Глава III. Промысловые орудия и снаряжение древнерусских рыбаков](#)
 -

- [Коллющие орудия](#)
 - [Крючные снасти](#)
 - [Сети](#)
 - - [а\) Отцеживающие сети](#)
 - [б\) Объячеивающие сети](#)
 - [Ловушки, преграды, запорные системы](#)
 - [Вспомогательное рыболовное снаряжение и оборудование промыслов](#)
 - [Глава IV. Промысловые рыбы, сезоны и места лова. Способы хранения и переработки рыбы](#)
 - [Глава V. Рост общественного разделения труда в Древней Руси и превращение рыболовства в самостоятельную отрасль хозяйства](#)
 - [Рыбный промысел во взаимосвязи с общей системой древнерусской экономики на разных этапах ее развития](#)
 - - [а\) Рыболовство в крестьянском хозяйстве](#)
 - [б\) Рыбный промысел в феодальной вотчине](#)
 - [в\) Развитие рыболовства в древнерусских городах](#)
 - [Феодальные повинности, связанные с рыболовством, и их эволюция под воздействием развивавшихся товарно-денежных отношений](#)
 - [Торговля рыбой и продуктами ее переработки](#)
 - [Корпоративные объединения рыболовов и торговцев рыбой в Древней Руси](#)
 - [Заключение](#)
 - [Список сокращений](#)
 - [Архивы и хранилища](#)
 - [Издания](#)
 - [Список литературы и источников\[633\]](#)
 - [Альбом иллюстраций](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [632](#)
- [633](#)

Андрей Куза

Рыбный промысел в Древней Руси

© А. В. Куза, наследники, 2016

© В. А. Куза, предисловие, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Предисловие

Работа Андрея Васильевича Кузы (1939–1984) «Рыбный промысел в Древней Руси» была защищена им в качестве кандидатской диссертации в Институте археологии АН СССР в 1970 г. По сути, она явилась первым всеобъемлющим исследованием древнерусского рыболовства как в дореволюционной, так и в советской историографии. И сегодня, спустя почти полвека после ее написания, она продолжает представлять большой научный интерес для исследователей Древней Руси, несмотря на значительно расширившуюся информационную базу. В чем же причина такого долголетия данной работы?

Для начала нельзя не отметить, что автор проанализировал абсолютно все доступные источники: письменные, археологические и этнографические. В результате сравнительного их исследования получилась объемная картина развития рыбного промысла с X до начала XVI в. Причем в работе каждый из источников постоянно информационно дополняет другие.

Дело в том, что как в письменных известиях, так и в общей массе археологических находок сведения о рыболовстве получить очень сложно. Их приходилось буквально по крупицам вычлнять из огромного массива данных, а многие артефакты удалось интерпретировать только при помощи этнографических наблюдений. Андрей Васильевич в прямом смысле «просеял» десятки археологических коллекций, полученных в результате раскопок раннеславянских и древнерусских памятников, чтобы выявить находки, относящиеся к рыбной ловле. А если учесть, что коллекции таких экспедиций, как Новгородская, насчитывают не одну тысячу единиц хранения, можно представить себе, какого титанического труда это стоило автору.

Что же касается анализа письменных источников, то исследователь сумел сопоставить и летописные свидетельства, и все найденные на тот момент берестяные грамоты, и писцовые книги, в которых порой подробно описывались рыбные угодья отдельных монастырей и хозяйств, и актовый материал. А. В. Куза на основе этнографических данных доказал, что рыболовство в средневековье было достаточно патриархальным по своим формам и основные приемы лова сохраняло столетиями, хотя орудия лова с развитием ремесла, конечно же, совершенствовались.

Еще одним достоинством данной работы можно смело назвать

географическую широту охвата исследования. По сути, в него попала вся территория Древнерусского государства: от Карпат и Подунавья на западе до Днепровского левобережья на востоке. Автор не стал ограничивать исследование какой-нибудь наиболее изученной территорией, например Новгородской землей, а постарался включить в работу все доступные на тот момент сведения, полученные археологическими экспедициями, проводившимися в Европейской части СССР. И это также дало свой результат: исследователь на примере изменений орудий лова (крючки, остроги, грузила), нанеся соответствующие находки на карту, сопоставив их с датировками памятников, максимально используя письменные данные о рыбных угодьях и поселениях около них, получил динамическую картину развития древнерусских земель.

И, наконец, А. В. Куза в своей работе пришел к важным историческим выводам, касающимся всей экономики Древнерусского государства. Если на раннеславянских памятниках VIII–X вв. рыбный промысел носил частный характер, т. е. служил для удовлетворения потребностей в рыбе отдельных семей, то с укреплением княжеской власти рыболовство начало играть серьезную роль в хозяйстве целых регионов. Рыбный промысел приобрел профессиональные черты, в нем были задействованы порой десятки, а то и сотни человек, а само рыболовство стало одной из форм феодальных повинностей.

В заключение хочется сказать, что данная работа подготовлена к печати в год 75-летия Андрея Васильевича. Ему не довелось увидеть опубликованными свои книги: «Малые города Древней Руси», «Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников», однако сделанные ученым выводы и его, порой ювелирные, методы исследования актуальны и очень востребованы в наши дни.

В. А. Куза

Введение

Всестороннее изучение социально-экономического быта Древней Руси остается в числе насущных задач нашей исторической науки. Успехи, достигнутые в этой области в последние десятилетия, не снимают с повестки дня дальнейшего целенаправленного и углубленного исследования многогранной экономики русского феодального государства.

Трудами советских ученых давно опровергнуты взгляды об охотничье-рыболовческом по преимуществу характере хозяйственной деятельности восточных славян. Определяющая роль земледелия и скотоводства в процессе становления у них новых, более прогрессивных форм хозяйства теперь не вызывает сомнений. Однако реконструировать в полном объеме экономическую структуру жизни огромной страны, уловить на протяжении нескольких веков динамику ее изменений – дело не из легких. Не только отсутствие исчерпывающих источников, но и слабая изученность отдельных отраслей хозяйства в ходе их исторического развития ограничивают возможности широких социально-экономических построений. В частности, далеко не полностью выяснено значение промыслов.

Внимание большинства исследователей приковано к проблемам истории земледелия и ремесла – основных составляющих экономического базиса феодального общества. Промыслам, как правило, отводится роль второстепенная – подсобных или дополнительных отраслей производства. Этим как бы предопределяются их несущественная хозяйственная значимость и малый удельный вес в общем экономическом балансе. Здесь-то, по-видимому, и кроется опасность упрощенного понимания сложных явлений. Ведь натуральное, замкнутое хозяйство периода феодализма имело типичное для средневекового хозяйственного режима сочетание земледелия с домашними промыслами. Всё в нём было тесно связано между собой, сплеталось в единый клубок. В строгой последовательности сменяли друг друга циклы полевых и домашних работ. При всей своей патриархальности и неразвитости такое хозяйство являлось вполне рациональным организмом, если понимать под этим термином отсутствие всего лишнего, ненужного в повседневной жизни. Его конкретные формы, соотношения отдельных отраслей обуславливаются в каждом определенном случае трудовым опытом многих поколений. В иных районах в известное время года промыслы становились важнейшим и

первостепенным делом. По словам М. Н. Тихомирова, рыбные и лесные богатства на севере и в центре России восполняли недостаток в хлебе^[1]. Легко представить себе, в каком тяжелом положении оказывался крестьянин на исходе зимы – в начале весны, когда уже кончились запасы старого хлеба, а он не смог своевременно наловить впрок рыбы, набить дичи, собрать мед, грибы, ягоды... Поэтому, отнюдь не ущемляя ведущей роли земледелия, следует подчеркнуть комплексный характер средневекового крестьянского хозяйства. И промыслы занимали в нём далеко не последнее место.

Уже высказанные соображения заставляют нас более пристально взглянуть на историю промыслов. Однако у рассматриваемого вопроса есть и другая, не менее существенная сторона. Важно не только уяснить значение промыслов в древнерусской экономике, но и проследить путь их развития до времени зарождения товарного хозяйства и формирования местных рынков как главной предпосылки становления единого внутреннего рынка России.

В настоящей работе указанная задача не решается в полном объеме. Автор ограничил исследование одним, но, пожалуй, наиболее массовым из добывающих промыслов – рыболовством. В нашей историографии добыча рыбы не стала предметом специального изучения, хотя не раз отмечалось ее повсеместное распространение.

История рыбного промысла в Древней Руси, исследуемая под углом общих закономерностей развития трудовой производственной деятельности населения русских земель, представляется вполне самостоятельной проблемой. На современном этапе она завершилась созданием разветвленной рыбной промышленности, оснащенной новейшей техникой и занимающей десятки тысяч рабочих рук. Ее начало уходит вглубь тысячелетий, когда лов рыбы, несмотря на примитивные орудия, вместе с охотой и собирательством являлся экономической основой хозяйства. Между этими полюсами лежит длительный путь развития, многие фазы которого не попали в поле зрения науки.

Уступив ведущее место в экономике производящим способам ведения хозяйства – земледелию и скотоводству – рыболовство не исчезло, не выродилось в третьестепенную отрасль, а приняло качественно новые формы. Исследователи, изучающие социально-экономическое положение Руси в XVII веке, согласно фиксируют: наличие промысловых деревень и слобод, населенных специалистами-рыболовами; значительный процент профессионалов-рыбаков среди посадского люда; оживленную торговлю рыбой на городских рынках; всевозможные повинности, взимавшиеся

рыбой феодалами с подвластных селений, и т. д.^[2] Наглядным свидетельством большой ценности рыбных угодий служат актовые материалы и другие письменные источники, придирчиво регистрировавшие не только крупные водоемы, но и пруды, и мелкие лесные озёра. Поэтому вывод Г. Е. Кочина о том, что «рыба – важнейший продукт питания в Древней Руси, и продукция рыболовства занимала важное место в рационе ее населения, в том числе и господствующего класса», – кажется весьма обоснованным^[3]. Однако картину, отраженную источниками времени сложения русского централизованного государства, нельзя механически перенести в более ранние эпохи. Исходные позиции наметившегося процесса скрыты внутри предшествовавшего периода – сложной и подчас малоисследованной истории Киевской Руси. Лишь привлечение самого широкого круга источников и прежде всего данных археологии позволит разобраться в этом вопросе.

При изучении социально-экономического строя в целом или одной из его сторон в узких хронологических рамках всегда существует опасность получить не развернутую картину явления в его движении, а статичный слепок достигнутого уровня. Пытаясь преодолеть этот недостаток, автор раздвинул границы исследования от последних столетий первого тысячелетия н. э. до начала XVI в. включительно, т. е. от времени зарождения государственности у восточных славян до становления Московского централизованного государства. Столь продолжительная историческая эпоха выбрана не случайно. Именно на нее, по мнению ряда ученых, падает «восходящая» стадия феодальной формации в России^[4]. Перелом наступил, по-видимому, в конце XVI–XVII в., когда под воздействием товарно-денежных связей отчетливо обозначились признаки разложения натурального хозяйства^[5]. Эти выводы опираются на тонко подмеченные сдвиги в характере производственных отношений как в земледелии, так и в ремесле, на видоизменения в структуре феодальной ренты, на всё более усиливавшееся влияние рынка. Было бы интересно сравнить параллельные материалы из сферы промыслов, например, рыболовства. Если указанные явления имели характер всеобщей закономерности, то и здесь они должны проступить не менее четко. Причем, наблюдая за развитием рыболовства на протяжении длительного отрезка времени, мы получим действительно твердые критерии, чтобы отличить случайное и спорадическое от повсеместного и главного. До сих пор такая работа не проводилась, но в свете дискуссии о генезисе капитализма в России она не кажется бесполезной.

Поднятую проблему можно рассмотреть и в другом аспекте: сколь глубоко затронул русскую действительность изучаемого периода рост общественного разделения труда, коснулся ли он рыбного промысла? Значит, надо последовательно проанализировать всю совокупность накопленных материалов, реконструировать рыбацкую технику, выявить системы рыболовства, установить их географию и т. д. Исследуя лишь верхний пласт сохранившихся сведений о рыболовстве – данные по феодальным повинностям и оброкам – мы столкнемся с конечными результатами, а не со скрытыми под ними движущими силами интересующего нас процесса.

Если автору удастся хотя бы частично ответить на поставленные вопросы, то его задача будет выполнена.

Исследовательская часть работы состоит из четырех разделов. В первом кратко охарактеризованы природные условия областей Древней Руси в отношении перспектив развития там рыболовства. Следует оговориться, что эта территория меняла со временем свою конфигурацию. В домонгольскую эпоху она включала Правобережье Днепра вплоть до низовьев Дуная и Карпатских гор. В XIV–XVI вв. рубежи русского государства отступили далеко на восток, в пределы Днепровского левобережья. Зато потом к ним присоединились земли Поволжья и Заволжья. На севере таких существенных изменений не произошло, но колонизация края продолжалась быстрыми темпами. Поэтому географический фактор постоянно учитывался в работе. Заканчивается первый раздел обзором состояния рыболовства у ранних славян и у археологически известных групп восточного славянства накануне образования у них государства.

Следующие две главы целиком посвящены развитию древнерусской рыбацкой техники, способам изготовления снастей, промысловым рыбам, приемам ее переработки и хранения. В четвертом очерке с социально-экономической точки зрения подведены итоги первых трех. Работа проиллюстрирована таблицами, а также альбомом рисунков. К ней приложен список литературы и использованных источников.

Глава I. История изучения древнерусских промыслов. Обзор источников

Вопросы истории промыслов в русской и советской историографии

История изучения промыслов неотделима от общих исследований в области древнерусской экономики, главным образом сельского хозяйства. Широко распространенное в дореволюционной историографии мнение об отсталом характере земледелия у восточных славян выдвигало добывающие промыслы на одно из первых мест в их хозяйственной жизни. В той или иной степени эта точка зрения присуща большинству представителей русской исторической науки XIX – начала XX в. Не избежал ее и основоположник отечественной историографии С. М. Соловьёв^[6].

Наиболее ярко, отчетливо и последовательно сформулировали «охотничью теорию» И. А. Рожков и его последователи^[7]. Они считали, что до конца XII в. в хозяйстве славян безраздельно господствовали охота, рыболовство и бортничество. Земледелие же – подсечное, огневое – играло подчиненную роль^[8]. Произвольно оперируя выдержками из письменных источников, Н. А. Рожков пытался доказать справедливость высказанных положений. Не возвращаясь к существу спора, давно уже решенного наукой, следует подчеркнуть крайне узкий круг сведений раннего времени, привлекавшийся школой Рожкова. Археологические материалы, впрочем, в то время разрозненные и несистематизированные, не принимались во внимание. На столь ограниченной источниковедческой базе было трудно сколько-нибудь фундаментально решать сложные вопросы экономического быта Древней Руси.

Промыслы – рыболовство, охота, бортничество – почти никогда не являлись предметом специального, целенаправленного исследования. Как правило, вопросы их истории включались в качестве разделов в более широкие труды, посвященные древнерусскому хозяйству. Одной из таких первых и удачных сводок была вышедшая в 60-х годах XIX столетия книга Н. Я. Аристова «Промышленность Древней Руси»^[9]. В своих общих выводах автор следовал за установившейся традицией, рассуждая о постоянных передвижениях русских крестьян, о широком распространении подсечного земледелия и т. д. Однако ему удалось собрать ценные сведения о ремесле, торговле, сельскохозяйственных промыслах (в частности, о рыболовстве). Он стремился разобраться в

существо дела, вникнуть в технику древнего производства. Аристов описал ряд рыболовных орудий и способов добычи и пришел к интересному заключению, что «в Древней Руси рыбная ловля была отдельной отраслью промышленности и она занимала много рук, так что образовался определенный класс рыболовов»^[10].

Более или менее подробно о рыболовстве писали многие исследователи конца XIX – начала XX в., изучавшие быт Древней Руси XIX–XVI столетий. Среди этих работ на первом месте стоит содержательная книга А. И. Никитского об экономике Новгородской земли^[11]. Он обратил внимание на благоприятные природные условия – обилие лесов, рек, озер, способствовавших повсеместному развитию добывающих промыслов в Северо-Западной Руси. Основываясь на данных Новгородских писцовых книг конца XV–XVI вв., А. И. Никитский подчеркнул большое значение рыболовства, перечислил некоторые орудия и приемы рыбной ловли, а также способы хранения и переработки рыбы. Кроме того, проанализировав письменные источники, он составил список рыб, вылавливавшихся древними новгородцами. Вообще, публикация писцовых книг и разнообразных актовых материалов дала толчок целому ряду исследований, в центре внимания которых стояла трудовая деятельность сельского населения Древней Руси во всем ее многообразии. В этой серии нельзя пройти мимо работы А. Я. Ефименко, широко использовавшего двинские акты XV–XVI вв. и этнографические наблюдения^[12]. Интересны книги Тихомирова (архимандрита Сергия)^[13] и А. М. Гневушева^[14].

Особый раздел составляют очерки этнографического характера, стоящие на грани «источников» и исследований. К материалам этого типа относятся различные обозрения о рыболовстве и орудиях промысла в старой России. Авторы подобных трудов и пособий фиксировали современное им состояние промыслового и любительского рыболовства, но попутно подробно описывали снаряжение рыбаков, всевозможные приемы добычи рыбы, календарные сроки лова, высказывали ценные замечания об истории отдельных орудий и организации промысла. Центральное место в ряду этих работ занимает 9-томное издание «Исследования о состоянии рыболовства в России», предпринятое Министерством государственного имущества в 60-х – 70-х годах прошлого столетия и снабженное прекрасными альбомами с рисунками^[15]. К участию в нём были привлечены лучшие научные силы того времени: академик К. М. Бэр, Н. Я. Данилевский. «Исследования» являются

подлинной энциклопедией, незаменимой при изучении распространения в России тех или иных систем рыболовства, определении назначения рыболовных орудий и т. п. Авторы капитального труда использовали исторические сведения, устные предания рыбаков, личные впечатления и огромный фактический материал. Поэтому их выводы о глубокой древности и традиционности определенных форм и типов рыболовных снастей заслуживают самого серьезного внимания.

Важные замечания, касающиеся истории рыболовства, можно найти в работах Н. Г. Богословского^[16], Э. А. Гримма^[17], Л. П. Сабанеева^[18]. Конечно, этим перечнем не исчерпывается список исследований и публикаций, содержащих сведения исторического характера. Статьи интересующего нас направления часто появлялись на страницах периодической печати, особенно в «Вестнике рыбопромышленника» и в «Журнале Министерства внутренних дел». Однако не следует останавливаться на каждой из них в отдельности, поскольку их авторы никогда не ставили перед собой задачу дать целостную картину развития рыболовства в России с древнейших времен, а тем более поднять какие-нибудь узловые вопросы социально-экономического порядка. Они, как правило, ограничивались указаниями на древность тех или иных приемов и обычаев, обнаруженных ими в среде рыболовов разных местностей.

К рубежу XIX–XX вв. относятся и первые успехи в приложении данных археологии к изучению народного быта и хозяйства. В первую очередь здесь должна быть названа прекрасная работа У. Т. Сирелиуса, посвященная рыболовству у финских народов^[19].

Ее ценность заключается не только в объеме исследования, охватывающего огромную территорию от Сибири до Скандинавии, но и в том, что с помощью археологических и этнографических наблюдений автор стремился проследить историю каждого орудия, каждого способа добычи рыбы в их развитии и взаимосвязи. Помимо примеров из жизни угро-финских народностей он привлекал материалы из смежных областей. Много полезных сведений можно почерпнуть из книги А. Биленштейна^[20]. Но, пожалуй, наиболее полно в интересующем нас плане нашли отражение археологические источники в работе известного историка-слависта и археолога Л. Нидерле^[21]. Он первый на строго научной основе попытался выяснить место и значение промыслов в хозяйственной деятельности славянских племен. Опираясь на сумму собранных им фактов, Нидерле пришел к выводу, что промыслы, включая рыболовство, были широко развиты у славян уже в I тысячелетии н. э.^[22], а рыба являлась важной

составной частью их пищевого рациона^[23].

Подводя итог обзору русской и зарубежной дореволюционной историографии по вопросам изучения системы хозяйства Древней Руси, необходимо подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, несмотря на определенный интерес к указанной проблеме, и история древнерусской экономики в целом, и история сельского хозяйства в отдельности оказались неразработанными. Лучшие работы в этой области лишь умножали количество фактического материала, но не раскрывали его социальную сторону. Во-вторых, внимание исследователей было приковано главным образом к земледелию, развитие которого представлялось в совершенно искаженном виде. Другие отрасли хозяйственной деятельности получили еще меньшее освещение. О рыболовстве, охоте, бортничестве судили, полагаясь на отрывочные сведения письменных памятников. Остро ощущалась потребность в расширении круга источников с одной стороны, и пересмотра с современных научных позиций всех имевшихся факторов – с другой.

Советская историография успешно справилась с поставленной задачей. Господство земледелия, причем земледелия пашенного уже в эпоху Киевского государства было подтверждено неопровержимыми доказательствами. Роль археологии в решении этого вопроса недооценить трудно. Развернувшиеся в послереволюционные годы раскопки древнерусских памятников представили в руки исследователей разнообразный массовый материал, ярко характеризующий как быт, так и трудовые процессы далекого прошлого. Одним из первых широко использовал археологические данные академик Б. Д. Греков, заслуги которого в борьбе с ошибочным представлением об отсталости сельского хозяйства в Древней Руси общеизвестны^[24].

Решение вопроса о земледелии как фундаменте всей экономики Древнерусского государства способствовало правильному пониманию социальных аспектов его развития. Проблемы истории народного хозяйства прочно вошли в круг интересов советской науки, в частности археологии. Среди посвященных этой теме работ первостепенное значение имеет монография Б. А. Рыбакова о ремесле в Древней Руси^[25]. На огромном фактическом материале в ней дана красочная картина становления и расцвета второй важнейшей отрасли хозяйства восточных славян – ремесленного производства. Причем Б. А. Рыбаковым убедительно показано совпадение основных этапов прогрессивного развития ремесла и сельского хозяйства, что подчеркивает единую

закономерность исторических процессов. Со времени выхода в свет этой книги в археологической литературе определились два направления в изучении древнерусской экономики. С одной стороны, усилилось внимание к истории земледелия и скотоводства^[26]. С другой стороны, выводы Б. А. Рыбакова о русском ремесле позволили предпринять специальные изыскания по его разделам; черной металлургии, ювелирному делу, производству стекла, гончарству и т. д.^[27]

Однако некоторые важные виды хозяйственной деятельности, включая промыслы, выпали из поля зрения исследователей, что, конечно, отразилось на комплексном изучении системы хозяйства Древней Руси. Правда упоминания о рыболовстве, охоте, бортничестве рассеяны по многим работам. Но все они сводятся к двум-трем фразам, констатирующим отсутствие или наличие последних. Как правило, промыслам отводится роль дополнительных или второстепенных средств пополнения пищевых запасов, а также источников пушнины и воска.

Более подробно рыболовство, охота и бортничество охарактеризованы в работах П. Н. Третьякова^[28] и В. А. Мальм^[29]. В первой дан общий очерк истории сельского хозяйства и промыслов сначала для времени сложения Киевского государства, затем для периода его расцвета. Касаясь рыболовства, автор перечисляет некоторые из употреблявшихся орудий лова и виды добывавшихся рыб. Он отмечает более интенсивный характер промысла в северо-западных и северо-восточных районах страны, стремление духовных и светских феодалов захватить рыбные угодья; подчеркивает влияние христианских постов в XI–XIII вв. на увеличение объема рыболовства. Изложение дает общее представление о содержании вопроса и опускает какие бы то ни было подробности, т. к. главный упор сделан на историю земледелия и скотоводства. Работа В. А. Мальм специально посвящена промыслам древнерусской деревни и сохраняет значение первой обобщающей сводки. В ней наряду с археологическими материалами использованы данные письменных источников. Раздел о рыболовстве распадается на две части. Большая по объему содержит классификацию рыболовных орудий (впрочем, не свободную от недочетов и ошибок^[30]). Археологические находки иллюстрируют отдельные положения. Во второй части на основании письменных документов говорится о том, как в процессе феодализации русских земель князья, бояре и монастыри захватывали лучшие рыбные угодья; о натуральных поборах рыбой и принудительных повинностях крестьян обслуживать феодальные промыслы. Большинство примеров почерпнуто из источников

XV–XVI вв., но их действие распространено и на более раннее время. Правомерность такого подхода требует дополнительных доказательств. Наконец в нескольких предложениях описаны способы переработки и сохранения рыбы. В заключении автор приходит к традиционному выводу, что «охота, рыболовство и бортничество, являясь побочными занятиями деревни, играли важную роль в экономике Руси»^[31]. Несмотря на указанные недостатки, труд В. А. Мальм, как первый опыт изучения древнерусских добывающих промыслов, заслуживает положительной оценки^[32].

Как уже отмечалось выше, в современной археологической литературе рыболовство упоминается вскользь в перечне занятий населения исследованных памятников. Лишь иногда этот вопрос трактуется несколько шире. Так, например, в монографии Н. Н. Воронина о древнем Гродно, при раскопках которого собрана богатая коллекция рыболовных орудий, костей и чешуи рыб, подчеркнуто, что добыча рыбы в XII–XIII вв. превратилась в специализированный промысел и занимала важное место в хозяйстве горожан^[33]. К аналогичным выводам пришел и исследователь Старой Рязани А. Л. Монгайт, указавший затем и на широкое распространение рыболовства по всей Рязанской земле^[34]. Более подробно, хотя и в разных работах, охарактеризован рыбный промысел древнего Новгорода^[35]. Также следует упомянуть раскопки В. В. Седова в Перыне под Новгородом, обнаружившие в слоях над языческим святилищем поселение пригородных рыбаков-профессионалов^[36]. Им же получены не менее интересные результаты при археологическом изучении Ярополча Залесского на Клязьме, где рыболовство было одним из важнейших занятий жителей посада и близлежащего поселения. По мнению авторов книги о Воине, и в этом древнерусском городе лов рыбы входил в число ведущих отраслей хозяйства^[37].

Если перечень трудов, касающихся городского рыболовства в Древней Руси, можно и продолжить, то с сельскими поселениями дело обстоит значительно хуже. Показателен уже тот факт, что В. А. Мальм, описывая рыбную ловлю домонгольской деревни, привлекал археологические материалы прежде всего из раскопок городов. Объясняется это, конечно, меньшей изученностью сельских памятников. Письменные источники XII в. с несомненностью свидетельствуют о широком распространении рыболовства в крестьянском хозяйстве^[38]. Немногочисленные археологические данные вполне им соответствуют^[39].

Сложнее решается вопрос о месте лова рыбы в хозяйственной

деятельности восточных славян накануне образования Киевского государства. В нашей историографии ему почти не уделяется внимания. Большинство материалов, связанных с рыбным промыслом, происходит с Левобережья Днепра из раскопок роменско-боршевских памятников^[40]. В их интерпретации наметилось два мнения: И. И. Ляпушкин полагал, что рыбная ловля не играла существенной роли и ею занимались отдельные рыболовы-любители^[41]; А. Н. Москаленко, напротив, считает лов рыбы присущим каждой семье^[42]. В последней работе И. И. Ляпушкин изменил свою точку зрения, указав на повсеместное распространение рыболовства у восточных славян в VIII–IX вв.^[43] Раскопки недавних лет значительно расширили круг археологических источников по славянскому рыболовству раннего времени на Правобережье Днепра и в Поднестровье^[44]. И здесь вновь полученные материалы свидетельствуют о важном значении рыбы в пищевом рационе населения этих территорий^[45].

Еще одна категория работ непосредственно затрагивает историю рыболовства в Древней Руси. Обнаруженные при раскопках костные остатки и чешуя рыб исследуются с биологической точки зрения специалистами по палеоихтиологии. Поэтому перед нами не стоит в полном объеме задача широких исторических обобщений. Тем не менее в монографии В. Д. Лебедева^[46] и в ряде статей других авторов^[47] содержится много ценных замечаний о видовом составе рыбьего стада, на котором базировался древний промысел, его интенсивности, времени и способах добычи рыбы и т. д. В содружестве с археологом такие труды приобретают характер всестороннего исследования истории рыболовства того или иного археологического памятника^[48]. Таким образом, наблюдения над ископаемыми останками рыб – непосредственным объектом промысла – существенно дополняют наши представления о различных аспектах древнерусского рыболовства.

В специальной археологической и этнографической литературе, преимущественно зарубежной, встречаются работы, посвященные истории развития рыболовной техники в Европе, включая и ее восточные пределы. Из них наиболее интересна сводка Г. Кларка «Развитие рыболовства в доисторической Европе»^[49], вошедшая затем в качестве раздела в его монографию об экономике древнего общества^[50]. Она охватывает период от возникновения рыболовства в верхнем палеолите до раннего средневековья. На основании многочисленных археологических находок, а также сведений письменных источников Г. Кларк попытался проследить появление и совершенствование различных орудий лова, влияние рыбного

промысла на другие отрасли хозяйства, установить территориально и во времени места его наибольшей концентрации. Таким образом, эта работа служит фундаментом для исследования рыболовства в более поздние эпохи, позволяя увязать всё в единый исторический процесс. Типологию древних и современных колющих орудий лова – острог, гарпунов, багров изучила М. Знамеровская-Прюфферова. В заключение она пришла к выводу, что колющие орудия некогда «принадлежали к основным орудиям производства, выполняющим важную роль в хозяйстве населения, жившего у больших водоемов»^[51]. Хорошо аргументированные историческими примерами наблюдения над способами применения всевозможных рыболовных снастей содержатся в трудах И. Маннинена, Г. Рэнка, К. Вилькуна и др.^[52] Словом, в литературе, посвященной истории рыбного промысла смежных с Русью территорий, можно найти отправные точки и определенные параллели, способствующие решению аналогичной проблемы в средневековом хозяйстве восточных славян.

Мало изучен другой вопрос: о существовавших в древности приемах хранения и переработки рыбы. Коротко его касались многие исследователи, ограничиваясь несколькими ссылками на показания письменных источников. Более подробно писал об этом В. Ф. Ржига, полагавший, что «рыба занимала видное место в питании»^[53]. Некоторые из способов приготовления рыбы названы в работах Н. Н. Воронина и В. А. Мальм^[54]. Недавно опубликован труд Збигнева Буковского о консервировании рыбы у славян^[55]. Автору удалось собрать значительный археологический и этнографический материал, характеризующий процесс копчения, вяления и посола рыбы.

При общей оценке степени исследованности промыслов домонгольской Руси приходится констатировать, что в этом направлении сделаны лишь первые шаги. Большинство работ носит фрагментарный, скорее иллюстративный, а не исследовательский характер. Несколько лучше обстоит дело для более поздней эпохи – конец XIII – начало XVI в. Возросшее число письменных источников этого времени позволяет глубже и обстоятельнее ознакомиться с развитием древнерусского хозяйства. Существует целая серия работ, в центре внимания которых стоят коренные проблемы истории экономического быта периода становления русского централизованного государства. Немало места отведено в них и промыслам.

Особенно успешно в послевоенной советской историографии изучалось сельское хозяйство Новгородской земли. С этой темой связаны

две монографии – Л. В. Даниловой и В. Н. Бернадского^[56], а также несколько исследований более частного порядка^[57]. Используя такой содержательный источник, как Новгородские писцовые книги, авторы указанных работ внесли много нового и в понимание роли и значения промыслов. Вывод В. Н. Бернадского о том, что часто «основой для отделения от сельского хозяйства являлось не ремесло, а развитие рыболовства»^[58], заслуживает серьезного внимания. Именно рыболовство послужило причиной превращения многих сёл в рядки и города. К сходным результатам пришла и Л. В. Данилова, отмечавшая лов рыбы как главное занятие жителей некоторых поселений^[59]. Не менее интересны наблюдения А. П. Пронштейна, выяснившего широкое распространение профессии рыбников в Новгороде конца XVI в., связанное с возросшими потребностями горожан в рыбе и других сельскохозяйственных продуктах^[60]. Дополняют воссозданную картину оживленного рыбного промысла в Новгородских землях две более ранних работы Б. Д. Грекова о хозяйстве Софийского дома и помещечьем хозяйстве XV–XVII вв.^[61]

Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси посвящены книги А. М. Сахарова^[62] и А. Д. Горского^[63]. В первой речь идет о городах и их экономическом развитии в XIV–XV вв. По мнению А. М. Сахарова, «связь городских ремесленников с земледелием типична для феодальных городов», а добавочные промыслы (охота и рыболовство) – неперенные спутники хозяйства горожанина^[64]. Исследователь экономического положения крестьян А. Д. Горский полагает, что «рыболовство в XIV–XV вв. было очень распространено в Северо-Восточной Руси и занимало в народном хозяйстве очень большое место»^[65]. Он перечисляет различные типы рыболовных угодий и орудий лова, известные по письменным источникам, а также виды промысловых рыб; называет повинности и поборы, связанные с рыболовством, упоминает участие крестьян в торговле рыбой.

Сжатый, но содержательный очерк о рыбном промысле в системе древнерусского хозяйства конца XIII – начала XVI в. дан в монографии Г. Е. Кочина^[66]. Впервые автор установил три основные формы рыболовства, существовавшие в это время: рыболовство промысловое, специализированный промысел в феодальных вотчинах и лов рыбы в мелком крестьянском хозяйстве^[67]. Выводы Г. Е. Кочина подкреплены ссылками на массовые показания источников. Всё это выгодно отличает указанную работу от предыдущих исследований.

Заканчивая обзор трудов по истории древнерусского хозяйства,

следует указать, что приведенными примерами не исчерпывается список работ, так или иначе касавшихся развития рыболовства^[68]. Но вкрапленные в них отдельные наблюдения и замечания не меняют общего впечатления от степени изученности данного вопроса.

Советская историография прошла большой путь в деле исследования народного хозяйства в феодальный период. Однако на повестке дня стоит еще много нерешенных проблем, в том числе детальная разработка истории промыслов, значение которых в хозяйственной деятельности населения Древней Руси далеко не выяснено. Рыболовство как вид промыслов привлекало внимание исследователей. Собраны интересные материалы, характеризующие орудия лова, имеются сведения об организации промысла, о феодальных повинностях и оброках, взимаемых рыбой, о торговле рыбой и продуктами ее переработки. Рыболовство эпохи становления Киевского государства и до татаро-монгольского нашествия исследовалось преимущественно археологами. Естественно, что они опирались главным образом на археологические находки. Последнее обстоятельство сказывалось на достоверности выводов. На большинстве памятников не сохраняются органические вещества, и в руки археологов попадают лишь металлические и каменные предметы. Конечно, они не дают полного представления ни об использовавшихся снастях, ни о хозяйственной роли рыболовства. Пытаясь восполнить этот пробел, авторы привлекают показания письменных источников (как правило, более поздних), ничем не оправдывая подобную методику. В результате складывается искаженная картина, не соответствующая исторической действительности.

Сведения о рыбном промысле XIV–XVI вв. встречаются в работах специалистов по истории Московской Руси. Письменные документы этого времени значительно чаще упоминают рыболовство, что позволяет глубже проникнуть в существо вопроса. Тем не менее и здесь в его изучении сделаны лишь первые шаги. С той или иной степенью полноты зафиксировано наличие рыбного промысла на исследуемых территориях, дан краткий перечень орудия лова, список добывавшихся рыб, затронуты некоторые проблемы социального порядка. Но окончательные выводы не могут считаться удовлетворительными, т. к. они рисуют статичное, застывшее явление. Получилось, что рядом с постоянно развивавшимся земледелием и ремеслом существовало в качестве добавочной отрасли хозяйства рыболовство, почти не претерпевшее никаких изменений с X в. За редким исключением этот недостаток присущ большинству работ, в которых данные археологии и письменных источников лишь взаимно

иллюстрируют друг друга. Преодолеть его можно в специальном исследовании, охватывающем всю территорию Древней Руси в широком хронологическом диапазоне. Существующие ныне краткие сводки по этому вопросу представляют собой конспект настоящей работы^[69].

По-видимому, успешное решение поставленной задачи зависит от нескольких условий. Во-первых, требуется исторический, а не описательный подход к имеющемуся материалу. Причем прежде следует установить его пригодность в интересующем нас плане, возможность непосредственно использовать полученные факты. Во-вторых, из сказанного вытекает, что без привлечения всех доступных видов источников – археологических, письменных, палеоихтиологических, этнографических, лингвистических, – без их перекрестной проверки и корреляции трудно выполнить намеченный план.

Источники сведений о рыбном промысле в Древней Руси

Составить правильное представление о развитии рыбного промысла в Древней Руси нельзя без предварительного знакомства со всеми видами источников. Среди них особенно важны археологические находки, являющиеся для VIII–XIII вв. почти единственным массовым материалом, поддающимся целенаправленному исследованию. История всякого производства – это в первую очередь история орудий труда, путь их развития и совершенствования, смена одних типов орудий другими. Этот процесс как раз и отражают добываемые археологами вещественные памятники. В досоветский период количество раскопанных древнерусских поселений исчислялось единицами, в послереволюционное время оно возросло в десятки и сотни раз. Без преувеличения можно сказать, что советская археология располагает первоклассным фактическим материалом, красочно характеризующим многие стороны жизни Киевской Руси. Поиски и изучение орудий труда стали одной из ее основных задач.

Рыболовные орудия (крючки, остроги, грузила) относятся к числу самых распространенных находок. Однако следует учитывать, что в руки исследователей прежде всего попадают вещи, изготовленные из металла, камня и обожженной глины, реже из кости. Деревянные предметы, нити, ткани, кожа, лыко и другие органические вещества, как правило, не сохраняются. А ведь из них и делалось большинство рыболовных снастей, причем самых уловистых (например, сети), широкое применение которых определяет степень развитости промысла. Поэтому всякие выводы об экономической значимости рыболовства, основанные только на археологических данных, могут оказаться поспешными. Не менее существенной является правильная оценка извлеченных из земли орудий или их частей, обнаруживаемых значительно чаще. Найденный обломок или деталь необходимо достоверно реконструировать, т. е. представить, как тот или иной промысловый снаряд выглядел в целом, какая работа им выполнялась. Письменные источники сообщают только наименования этих орудий: невод, мережа, ез, закол, уда и т. д. Однако этим не исчерпываются трудности при обработке археологических источников. Находки с большинства памятников датируются суммарно: в пределах одного, а то и двух-трех столетий. Лишь изредка, благодаря прекрасным стратиграфическим условиям (Новгород)^[70], хронологические границы

культурных напластований устанавливаются более твердо. Не приходится говорить, сколь важны точные датировки при изучении хозяйства. При отсутствии таковых теряют временную связь сложные процессы смены одних форм хозяйствования другими, становления новых отраслей производства и распространения более прогрессивных систем промысла.

Но всё-таки главным препятствием на пути детального исследования истории древнерусского рыболовства является фрагментарность археологического материала. Раскопки последних десятилетий в Новгороде, Пскове, Белоозере, Смоленске, Торопце и на других памятниках, где хорошо сохраняется органика, позволяют совершенно по-иному представить себе быт и хозяйственную деятельность древнерусского поселения. Например, если бы новгородский культурный слой не консервировал дерево, то обнаруженные на огромной площади Неревского раскопа два с половиной десятка рыболовных крючков, около 10 обломков железных острог и немногим более 150 каменных и глиняных грузил от сетей свидетельствовали бы о весьма скромном удельном весе рыболовства в хозяйстве горожан. Но прибавив к ним свыше 40 крупных деревянных поплавков от неводов, более 500 прошитых берестяных поплавков от сетей, массу неучтенных поплавков из бересты, свернутой в трубочку, около 230 поплавков из сосновой коры, свыше 350 ботал, около 110 грузил из камней, оплетенных берестой и вставленных в круг из прута, и т. д. ^[71], мы получим совершенно противоположные выводы. Этот факт необходимо постоянно учитывать, касаясь истории древнерусского рыболовства. Отсутствие среди раскопчного материала орудий лова еще не является аргументом, отрицающим какое бы то ни было развитие рыбного промысла. Лишь совокупность всех доступных данных допускает категорические высказывания.

Оценивая в целом накопленный археологический вещевой материал по исследуемому вопросу, нужно отметить следующее. Во-первых, несмотря на указанные недостатки, археологические находки представляются важным историческим источником, характеризующим рыбный промысел с конкретной, производственно-технической стороны. Таким образом, исследователь имеет дело с объективной информацией, требующей при обработке лишь соответствующих корректив. Во-вторых, массовость археологических данных позволяет применять к ним методы математической статистики, картографирования и т. д. Всё это открывает возможность приступить к историко-техническому изучению указанной проблемы и во времени, и в пространстве. Труднее поддаются исследованию вопросы общественно-социальной жизни. Специфика

археологического материала ограничивает достоверность выводов этого порядка.

В данной работе автор стремился как можно более полно использовать все доступные археологические коллекции из раскопок древнерусских памятников, учесть и выявить в них предметы, связанные с рыбным промыслом. В результате привлечено свыше 6000 таких находок, главная масса которых (около 4500) относится к домонгольскому периоду. Среди них свыше 1000 железных рыболовных крючков и блесен, около 150 деталей железных острог, тысячи каменных и керамических грузил от сетей, сотни берестяных и деревянных поплавков и т. д. Сведения о материале почерпнуты в имеющихся публикациях^[72], в архивах^[73], в фондах Института археологии АН СССР (Москва и Ленинград), Института археологии АН УССР (Киев) и музеев: Государственного исторического, Эрмитажа, Киевского государственного исторического, Новгородского, Псковского, Вологодского, Владимирского, Переяславского, Ростовского, Ярославского, Смоленского, Воронежского, Орловского, Курского, Калужского, Гомельского, Черниговского, Сумского, Путивльского, Житомирского и т. д.

По изложенным выше причинам опорными в настоящем исследовании стали коллекции Новгородской археологической экспедиции, а также обширные вещевые комплексы из раскопок Пскова и Старой Ладogi. Весьма обильно представлен рыболовный инвентарь в находках из Гродно, Старой Рязани, Чернигова, Родни, Ярополча Залесского, Белоозера, Старой Руссы, Воиня, Ярославля, Вщижа и др. Территориально вещевой материал, хотя и не равноценный, происходит из всех древнерусских земель, что обеспечивает не выборочный, а сплошной фронт обследования. Количественно бóльшая часть находок падает на города и укрепленные поселки, меньшая – на сельские поселения и совсем незначительная – на могильники. Такое распределение находок несколько искажает картину развития рыбного промысла, но, конечно, не обесценивает общие выводы.

С археологическими материалами непосредственно смыкается другая категория источников по данному вопросу. Речь идет о костях и чешуе рыб, собранных при раскопках. Они довольно часто встречаются в культурных напластованиях древнерусских памятников, правда, не всегда становятся предметом научного изучения. Использование этого специфического вида находок для широких исторических обобщений немыслимо без привлечения соответствующих специалистов. Методика определения по ископаемым костям и чешуе видов рыб, а также их размеров и приблизительного веса разработана на кафедре ихтиологии

Биологического факультета МГУ при непосредственном участии Г. Н. Никольского и В. Д. Лебедева. Впервые в России палеоихтиологические находки с древних поселений, открытых А. А. Иностранцевым по берегам Ладожского озера, изучал в прошлом веке профессор К. Ф. Кесслер. С тех пор в этом деле достигнуты значительные успехи. В историографическом разделе отмечено важное значение работ, выполненных ихтиологами по ископаемым остаткам рыб. Здесь следует остановиться на особенностях и еще не раскрытых возможностях палеоихтиологических данных для выяснения некоторых существенных сторон истории древнерусского рыбного промысла. К сожалению, этот материал исследован далеко не полностью. Во-первых, кости и чешуя рыб не только иногда не извлекаются из просмотренного грунта, но и не фиксируются. Во-вторых, как правило, отбор производится произвольно: не целиком, а частично. Кроме того, на многих памятниках из-за неблагоприятных почвенных условий рыбы кости не сохраняются. Если учесть, что и добытые в раскопках ихтиологические коллекции редко поступают в распоряжение специалистов, то трудности в работе с этим видом источников выступают вполне отчетливо. Желателен, конечно, сквозной обзор всех подобных находок изучаемого периода. Однако и опубликованные уже сведения по Новгороду, Пскову, Ладоге, Гродно, Старой Рязани, Воиню, Шестовицам, Родне, Титчихе и некоторым другим поселениям^[74] дают возможность для сравнений и выводов. Наиболее полно с палеоихтиологической точки зрения обследованы районы Северо-Западной и Западной Руси, затем Левобережья Днепра (реки Десна и Сула). С других территорий есть лишь отдельные, а не серийные определения, и чешуя рыб. Помимо чисто биологических показателей, знакомство с этими данными позволяет установить видовой состав рыб, охваченных промыслом, их возраст и размеры, вероятные способы добычи рыбы. В ряде случаев удастся узнать время лова и его интенсивность. Весьма перспективно сопоставление имеющихся определений для выяснения местных особенностей и путей развития рыболовства в различных древнерусских землях. Не менее интересные результаты могут быть получены при сравнении ихтиологических находок из разновременных слоев одного и того же или рядом расположенных памятников. При этом появляется возможность уловить характер воздействия человека на рыбье стадо: сокращались или увеличивались уловы, на каких видах рыб в тот или иной период существования поселения базировался промысел, сколь велика была его интенсивность и т. д. Правда, анализ такого рода требует достаточных статистических данных, а

они не всегда имеются в наличии.

Нельзя пройти мимо еще одного вопроса. В некоторых археологических работах (например, о городище Новотроицком или древнерусском городе Воине) выводы об экономической значимости рыболовства ставятся в прямую зависимость от количественного соотношения найденных рыбьих костей с прочим остеологическим материалом. Как правило, преобладание последнего является подавляющим и на долю первых приходятся части процента. Тем не менее всякие поспешные суждения будут здесь преждевременными. Кости и чешуя рыб в значительно большей степени подвержены силам разрушения, и их присутствие в культурном слое само по себе свидетельствует о важной роли рыбного промысла. По-видимому, лишь рассмотрев совокупность всех фактов, можно найти объективные критерии для решения столь сложного вопроса.

Итак, палеоихтиологические материалы выступают перед нами как ценный, но еще малоизученный исторический источник. В сочетании с вещевыми находками, показаниями письменных памятников и другими данными они составляют источниковедческий фундамент настоящего исследования.

При уточнении и правильном понимании различных способов добычи рыбы, устройства рыболовных снарядов, самого процесса лова, форм организации производства существенное значение имеют этнографические наблюдения. К ним относятся в первую очередь уже упоминавшиеся выше капитальные «Исследования о состоянии рыболовства в России», многочисленные обзоры и пособия по рыбному хозяйству, опубликованные как отдельно, так и в периодической печати. Вся эта литература лишь условно относится к категории «источников», на деле являясь практическим руководством для рыболовов и рыбопромышленников своего времени. Она восполняет отсутствие специальных этнографических работ, посвященных данному вопросу. Конечно, использование этнографических параллелей XIX в. по отношению к XII или даже XV в. требует особой осторожности, тем более привлечение примеров из мест, отстоящих на сотни и тысячи километров друг от друга. Однако некоторая консервативность определенных приемов и орудий рыболовства оправдывает такую методику. Сошлемся на один частный случай. Этнографам хорошо известен у многих народов мира способ добычи хищной рыбы на крючок, изготовленный из раздвоенного сучка. В конце прошлого века его подробно описал как широко распространенный в среде центральнорусских и финских рыболовов Л. П. Сабанеев^[75]. Точно такие

же крючки найдены в слоях XII–XV вв. древнего Новгорода^[76], в напластованиях рубежа н. э. низовьев Оби^[77] и в неолитических отложениях Висских торфяников^[78]. Значительно облегчают работу с этнографическими материалами XIX – XX вв. письменные документы конца XVI–XVII вв. о вотчинных хозяйствах, прежде всего монастырских, сохранившиеся в наших архивах. В них обнаруживаются перечни рыболовного инвентаря, сведения о его изготовлении, ремонте и т. п. Современные данные, спроецированные на показания этих документов, хронологически примыкающих к изучаемому периоду, приобретают необходимую достоверность.

Этнографические описания особенно ценны при реконструкции рыболовных орудий, определении их назначения и способа применения. Древние источники, как правило, содержат лишь названия. Поэтому необходимо установить, что скрывается за тем или иным термином. Дело упрощается, если наименования совпадают. Однако следует учитывать, что часто конструктивно одни и те же снасти в разных местах назывались по-разному. Необходима большая предварительная работа по сличению терминологии. Здесь оказались весьма полезными различные словари, в первую очередь В. И. Даля, А. Г. Преображенского и И. И. Срезневского^[79], т. к. в нашей литературе почти нет работ справочного характера. Потребность в определителе предметов материальной культуры очень велика, и ее не может удовлетворить изданная в 1959 г. небольшая книжка^[80].

Среди общих трудов по славянской этнографии хочется отметить двухтомную монографию К. Мошинского^[81]. В ней собран богатый и чрезвычайно интересный материал, ярко иллюстрирующий различные стороны жизни и быта славянских народов. Рыболовству там посвящен содержательный очерк, из которого можно почерпнуть много важных сведений относительно орудий и способов рыболовства – как общих, так и специфических для разных частей славянского мира^[82]. Кроме того, К. Мошинский перечисляет названия рыб, свойственные всем славянским языкам, а также приводит список общеславянских рыболовных снарядов.

Постоянно сталкиваясь в работе с археологическими находками с необходимостью точно определить назначение того или иного предмета, помимо данных этнографической литературы, автор обратился к музейным фондам. Обширные коллекции музея этнографии народов СССР и МАЭ в Ленинграде и Этнографического музея АН Эстонской ССР в Тарту помогли разобраться во многих сложных вопросах. Собранные там

богатейшие материалы проливают свет на различные бытовые и производственные стороны рыбного промысла. Изучая их, зрительно представляешь себе процесс изготовления рыболовных снастей, приемы переработки рыбы, способы ее хранения и транспортировки, структуру организации рыболовных артелей, обычаи и поверья рыбаков и т. д. Не меньшее значение имело для нас и личное знакомство с рыболовством на русском Севере и в центральных районах Европейской части СССР. Наблюдая за промысловым ловом рыбы на Ильмене и Белоозере, на озерах Кубенском, Плещеевом, Неро, Валдайском, Селигер, на реках Волге, Оке, Дону, Волхове, Днепре и др., удалось подметить много интересных деталей в способах применения тех или иных снастей, их конструктивные особенности, обычно ускользающие от внимания исследователей.

Таким образом, этнографические материалы в сочетании с археологическими данными, взаимно дополняя друг друга, открывают новые страницы в истории рыболовства.

К серии «наглядных» источников относятся миниатюры и рисунки в древних рукописях, фресковая живопись, рисунки-граффити. К сожалению, эта категория очень интересных источников мало изучена. Миниатюры летописных сводов еще исследовались с исторической точки зрения, но иллюстрации житийной и прочей церковной литературы почти никем не рассматривались. А. В. Арциховский, посвятивший древнерусским миниатюрам специальную работу, доказал возможность их использования для освещения самых различных сторон жизни Древней Руси^[83]. Не вызывает сомнений, что изображавшиеся на некоторых рисунках производственные сцены расшифровывают соответствующие места текстов, помогают правильно понять конструкцию, применение и назначение многих древних орудий труда и предметов обихода^[84].

При просмотре рукописных собраний Отделов рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина и Исторического музея, а также в опубликованных работах нам встретился ряд рисунков на «рыболовные» сюжеты. Большинство из них датируется XVI в. (например, миниатюры Лицевого свода или Евангелия 1524 г.), но есть изображения XII и других столетий (например, в росписи Спасо-Мирожского монастыря в Пскове). Все они не только служат хорошей иллюстрацией к истории рыбного промысла, но и существенно дополняют краткие сведения письменных источников. Всестороннее изучение подобных рисунков должно стать темой специального исследования после соответствующего отбора материала в древнехранилищах страны. В настоящей работе использованы лишь те

миниатюры и изображения, которые удалось найти автору при далеко не полном знакомстве как с коллекциями архивов, так и с публикациями.

Несомненное значение при обращении к вопросу происхождения рыболовства у славян имеет изучение общеславянской лексики. Сравнительной лингвистикой исследован громадный словарный фонд как современных, так и древних славянских языков, выявлены общие для всех или большинства из них названия рыб и рыболовных орудий, прослежена этимология многих слов^[85]. Данные языка, таким образом, приподнимают завесу над временем широкого знакомства славян с рыболовством и позволяют сделать другие, не менее интересные выводы. Анализируя эти факты, можно приблизительно восстановить первоначальную картину развития рыболовства у предков современных славян в эпоху их языкового единства, а наблюдая за заимствованиями и новообразованиями в отдельных славянских языках для обозначения тех или иных видов рыб и рыболовных снастей, установить его дальнейшие этапы. Конечно, необходима постоянная корреляция полученных результатов с показаниями палеогеографии и палеоохтиологии.

Заканчивая обзор категорий источников, с той или иной степенью полноты использованных в работе, нельзя пройти мимо письменных памятников, значение которых трудно переоценить. Этот вид источников наиболее богат для исследователя, ибо заключенная в нём информация легче всего поддается расшифровке. Большое количество пособий, указателей и путеводителей по архивам упрощает знакомство с письменными материалами изучаемого периода. Среди них первое место просто занимают составленные Г. Е. Кочиним «Материалы для терминологического словаря Древней России^[86]», где систематизированы и снабжены точными ссылками на публикацию сведения многочисленных письменных источников X–XV вв., изданных к 1935 г. Дополнения к этому фундаментальному труду сделаны в подстрочных примечаниях в книге того же автора о древнерусском сельском хозяйстве^[87]. При изучении актовых документов прекрасным пособием служит обстоятельная работа Л. В. Черепнина^[88]. Есть и другие, не менее ценные издания справочного характера^[89].

Главными источниками по истории Древней Руси являются летописи. Но, уделяя много внимания политическим событиям, они редко и скупо повествуют о хозяйственной деятельности русского народа. Сведения о рыболовстве в них случайны и единичны, так что никакого целостного впечатления составить по ним нельзя. Среди прочих несколько выделяются

Новгородские^[90] и Псковские^[91] летописи, больше интересовавшиеся местной хозяйственной жизнью.

Актовый материал значительно богаче в интересующем нас плане, чем повествовательные памятники. Развернувшаяся в послевоенные годы его энергичная публикация уже составляет несколько томов^[92]. Однако лишь около сотни документов из общего числа свыше 1000 номеров, известных для XII–XV вв., содержат определенные указания на развитие и состояние рыбного промысла. Дело в том, что древние акты в силу своего назначения являются содержательнейшим источником по истории феодального землевладения и редко касаются непосредственных вопросов ведения хозяйства и производства. Эти сведения из них приходится извлекать буквально по крупицам, по косвенным намекам. Специфика актового материала как документов, исходящих от представителей господствующего класса (или о пожалованиях феодалам, или о сделках между ними), делают его весьма тенденциозным. Например, большинство актов послемонгольского времени сохранились в фондах монастырей-вотчинников, пристрастность которых не требует особых доказательств. Лишь в северных коллекциях можно обнаружить документы, принадлежащие трудовому населению. Еще одна особенность данного источника имеет существенное значение. В работе с актами всегда трудно определить, насколько типичны и широко распространены были отраженные в них явления. Кроме того, актовый материал чрезвычайно неравномерно распределен как во времени, так и территориально^[93]. От XII–XIII и почти до конца XIV в. до нас дошли лишь единичные документы. Для последующих периодов их количество увеличивается с каждым годом. Почти полностью отсутствуют документы из целого ряда русских земель: Тверской, Нижегородской, Рязанской, Галичской и др. Поэтому исследование древнерусского хозяйства опирается на несколько суженный круг источников. Тем не менее актовый материал является важным источником при изучении экономики и социальных отношений, что справедливо подчеркивалось в нашей литературе^[94].

Внимательный и скрупулезный исследователь истории сельского хозяйства Г. Е. Кочин всё-таки сетует на скудость содержащихся в актах сведений о непосредственных трудовых процессах, о земледельческих системах и орудиях. В еще большей степени это же можно сказать о рыболовстве. В документах мы прежде всего находим довольно подробные перечни рыболовных угодий, бывших предметом особых забот как светских, так и духовных феодалов. Есть в них и данные по повинностям и

оброкам, платившимся рыбой. Сопоставляя их вместе, удастся наметить районы развитого рыбного промысла, установить тенденцию в видоизменениях феодальной ренты.

Немногочисленные памятники права и судебного делопроизводства (начиная с сер. XV в.) ценны тем, что они дополняют наши знания конкретными эпизодами из древнерусской хозяйственной практики.

На фоне актового материала выделяются богатством содержания писцовые книги. В сплошной переписи хозяйств целого княжества или большого города регистрировались массовые явления экономической жизни Руси. Эти книги составлялись в период становления Русского централизованного государства с целью повсеместного учета тягловых хозяйств, чтобы обеспечить казну регулярными поступлениями доходов. Самыми ранними среди них и наиболее полно сохранившимися являются Новгородские писцовые книги 1495–1505 гг.^[95] Работа над ними началась после присоединения Новгорода к Москве и конфискации земельных владений новгородских феодалов. Великий князь Иван III сосредоточил в своих руках гигантский земельный фонд Великого Новгорода – экономическую базу власти боярской олигархии. Все эти земли надо было вновь переучесть и перераспределить между новыми землевладельцами, присланными Москвой, дворцовым ведомством, владыкой и прочими духовными властями. Причем писцы не только фиксировали новый порядок, но и отмечали в разряде «старого дохода» прошлые повинности крестьян. Поскольку главной задачей писцовых книг был учет всех подлежащих обложению хозяйств, то в них содержатся конкретные сведения об отдельных крестьянских дворах, о целых поселениях, о боярщинах как единых хозяйственных комплексах. Словом, в них включены данные по всем отраслям экономики. Однако когда объектом обложения являлось земледельческое хозяйство, то писцы были более внимательны к учету посевных площадей, и, наоборот, в промысловых хозяйствах в первую очередь отмечались рыболовные и охотничьи угодья. Поэтому в писцовых книгах второй половины XVI в. можно найти весьма существенные дополнения и исправления. Таким образом, Новгородские писцовые книги конца XV–XVI вв. служат основным источником при изучении деревни этого времени. В них мы находим многочисленные указания на рыболовные угодья, на повинности, взимаемые рыбой, а также сведения об орудиях лова. К сожалению, одновременные описания других земель и уездов Московской Руси сохранились лишь в кратких отрывках. Значение писцовых книг как исторического источника первостепенной важности вполне раскрыто в одной из работ

Г. Е. Кочина^[96].

Помимо сельских местностей центральное правительство систематически проводило переписи городского тяглого населения. Но для изучаемого периода таких документов нет. Они появляются лишь со второй половины XVI в. В наиболее исправном виде мы располагаем описями Новгорода Великого конца XVI в.^[97] Материалы этих книг не раз привлекались исследователями для характеристики социально-экономического развития древнерусских городов. В те же годы, что и писцовые книги в Новгороде, составлялись лавочные книги, в которые, надо думать, заносились жители города, владевшие торговыми или промысловыми заведениями^[98]. Суммируя данные тех и других, открывается возможность их параллельного исследования. Правда, Г. С. Рабинович возражает против такого метода^[99]. Но более обоснованным представляются мнения А. В. Арциховского, С. В. Бахрушина и А. П. Пронштейна, полагающих, что лавочные книги, за исключением редких случаев, дополняют друг друга^[100]. Очень интересна в этих документах роспись новгородцев по профессиям, из которой выясняется значительная роль рыбников. Не менее важны и сведения о рыбных рядах и лавках на новгородском торгу.

В общем, от XVI в. до нашего времени сохранилось описание приблизительно 40 русских городов – частью в писцовых книгах, а также в сотных выписях и других документах. Помимо Новгорода, писцовые книги имеются и для другого крупного центра Северо-Западной Руси – Пскова – и его пригородов. Но о большинстве городов мы почти ничего не знаем. К последним относится и Москва, писцовых и переписных книг которой XVI в., к сожалению, до сих пор обнаружить не удалось.

К кругу подобных источников принадлежат и хозяйственные книги монастырских вотчин, появившиеся в 30-х гг. XVI в. По своему составу они делятся на приходные и расходные, книги регистрации повинностей, долговые и кабальные, описи имущества, книги ключей и пр. Поскольку в них регистрировались доходы с крестьян, населяющих вотчины, денежные операции, есть опись дворов и оброков, записи долгов и т. д. – они представляют исключительный источник по многим вопросам хозяйственной жизни Руси XVI в., в том числе связанным с проблемой товарного производства и товарно-денежного обращения^[101]. Для наших целей наиболее существенны приходно-расходные монастырские книги, насыщенные данными о купле-продаже продуктов сельского хозяйства, ремесла и промыслов; сведениями о размерах и сроках крестьянских

платежей, говорящие как о связи самой феодальной вотчины, так и отдельных крестьянских хозяйств с рынком. Однако большинство из этих книг датируются второй половиной XVI в. и даже его концом. К тому же почти все они не опубликованы. Существуют лишь отдельные издания и выписки в общих работах^[102].

При изучении древнерусского рыболовства особо следует обратить внимание на документы, непосредственно касающиеся этого промысла. К ним относится Белозерская езовая книга 1585 г.^[103] Из нее выясняются данные о количестве материалов, шедших на постройку езов, об их конструкции и численности артелей, возводивших те или иные рыболовные сооружения, о порядке обеспечения лесом «езового дела».

Подводя итог обзору писцовых книг конца XV–XVI вв., хочется закончить его словами М. Н. Тихомирова: «Только благодаря их существованию мы можем представить себе картину сельского хозяйства, земледелия и промыслов России того времени^[104]». Однако нельзя не учитывать и того, что большинство из этих источников выходят за хронологические рамки нашей работы. Поэтому они использовались с целью ретроспективного исследования происходивших явлений, что, конечно, несколько обедняет характер выводов.

Раздел о письменных источниках был бы неполным, если не упомянуть о совершенно новой их категории – берестяных грамотах. В Новгороде найдено уже свыше 400 текстов на бересте, и коллекция грамот пополняется с каждым новым сезоном раскопок^[105]. За последние годы география этих находок расширилась за счет Пскова, Старой Руссы, Смоленска и Витебска. Самые ранние из новгородских грамот датируются XI в., а большинство – XIV – первой половиной XV в. Несколько берестяных грамот содержат драгоценные для нас сведения о рыболовстве. В основном это перечисление феодальных повинностей, взимаемых рыбой, преимущественно красной. Но среди них есть тексты, повествующие об организации рыбного промысла и торговле рыбой.

Наконец, в разряд письменных источников входят известия иностранцев, посещавших Россию. Но к ним следует подходить с большой осторожностью, так как иностранцы, как правило, слишком поверхностно были знакомы со страной и не могли серьезно и глубоко изучать ее быт и хозяйство. Их воспоминания подобны заметкам путешественников, сделанным в вагоне скорого поезда.

Состояние источников по изучаемому вопросу нельзя признать полностью удовлетворительным. Два их главных вида – археологические

находки и письменные свидетельства – довольно неравномерно распределены во времени и по районам исследуемой территории. Для домонгольской эпохи вещевой материал из раскопок составляет фактическую основу при разработке вопросов истории древнерусских промыслов, в частности рыболовства. Летописи и другие письменные источники лишь дополняют и конкретизируют наши знания. Наоборот, для конца XIII – начала XVI в., особенно для XV–XVI вв. разнообразные письменные материалы (писцовые книги, акты, летописи, берестяные грамоты и др.) проливают яркий свет на многие стороны экономической и социальной жизни русского государства. Причем некоторые из них (писцовые книги) дают массовые показатели, пригодные для статистической обработки. Извлеченные из всей совокупности письменных источников данные о развитии рыбного промысла в этот период позволяют нарисовать сложную и динамичную картину промыслового лова в различных землях, определить его место и удельный вес в древнерусском хозяйстве. Археологические же находки этого времени известны в значительно меньшем количестве и не могут обеспечить целостного представления по интересующей нас проблеме.

С другой стороны, следует помнить, что об экономике многих территорий Древней Руси у нас нет почти никаких свидетельств – ни письменных, ни археологических. В самом выгодном положении находятся Новгород и Новгородская земля. Исследователь располагает здесь целым комплексом первоклассных источников. Поэтому в данной работе этой обширной области русского государства уделено много внимания. Социально-экономические процессы, охватившие Новгород со всеми его владениями в изучаемый период, являются как бы эталоном, в сравнении с которым познаются аналогичные явления в других частях древнерусской земли.

Думается, что выводы в нашей работе подкреплены достаточным историческим материалом, хотя и не всё в них является бесспорным. Некоторые вопросы остаются открытыми и решены лишь в плане научной гипотезы. Археологические раскопки, возможно, внесут в дальнейшем по ряду разделов существенные коррективы. На появление же новых, обильных письменных источников вряд ли приходится рассчитывать.

**Глава II. Рыболовство в хозяйстве
восточных славян накануне образования
Древнерусского государства**

Природные условия, водоемы и ихтиофауна Восточной Европы

Территория расселения восточных славян раскинулась от Ладожского озера до причерноморских степей и от Карпатских гор до берегов верхней Волги. Ее ядро, сгруппировавшееся вдоль Днепровской водной системы, занимало лесостепную и лесную ландшафтные зоны с умеренным климатом, континентальность которого усиливалась в направлении с северо-запада на юго-восток. Все эти земли орошались множеством больших и малых рек, были усеяны озерами, болотами, старицами. Равнинный пейзаж местами нарушали гряды холмов и возвышенностей – следы былой циклопической деятельности ледника. Повсюду шумели вековые леса. На севере сосновые боры, перемежавшиеся в низинах мхами и ельниками, постепенно переходили в смешанный лес, расцвеченный осинкой и березами. Чем дальше на юг, тем чаще расступались деревья, открывая взору просторные поляны. Всё реже попадалась ель, сосна взбиралась на песчаные дюны и увалы. Еще немного – и, оторвавшись от дремучей чащи, шагнули в степь веселые дубравы. Везде водились в изобилии дикие звери, гнездились птицы, и пчелы трудолюбиво собирали мед. Плодородные почвы и заливные луга на юге, девственные леса и озерные плесы на севере стали полем жизни и деятельности восточнославянских племен. Здесь они основали свои поселения, расчистили пашни, построили города. Здесь поднялась и окрепла, впитав живительные соки родной земли, могучая Киевская держава. И в древности русские люди хорошо понимали, какой щедрой, воистину благодатной по части природных ресурсов была их родина. Недаром безымянный поэт XIII в. с любовью и жаром писал:

«О светло-светлая
И украсно украшенная
Земля Русская!
Всего еси исполнена ты
И многими красотами удивление еси!»

Примечательную особенность края составляло обилие больших и малых водоемов. Даже при беглом взгляде на картину Восточной Европы

бросается в глаза окутывающая ее голубая паутина бесчисленных рек, речек, ручьев, проток и озер. Большинство из них принадлежит бассейнам трех морей: Чёрного, Каспийского и Балтийского. Реки, впадающие в Ледовитый океан, были освоены славянами позже. Впрочем, Северная Двина, например к XVI в. превратилась в оживленную торговую магистраль. А за несколько столетий до этого отряды новгородских данщиков пробирались далеко на северо-восток к берегам Печоры и отрогам Уральских гор.

Реки и озёра всегда пользовались вниманием составителей летописных сводов. Уже на первых страницах «Повести временных лет», в ее вводной части – «Откуда есть пошла Русская земля», перечислены основные из древнерусских водных систем. Особо выделены Днепр, Волга и Западная Двина, бравшие начало из знаменитого Оковского леса и соединявшие Русь с другими странами. В рассказе об известном пути «из варяг в греки» поименованы также Ловать, Ильмень, Волхов, Ладожское озеро и Нева. В отрывках, повествующих о расселении славян, упомянуты реки: Дунай, Днестр, Буг, Сула, Сейм, Десна, Сож, Припять, Полота, Ока; озёра: Ростовское, Клешино, Белоозеро. Конечно, все они интересовали летописца в первую очередь как точные географические ориентиры, постоянные пути сообщения, удобные в условиях средневековья, дороги торговли и войны. Но бесспорно и другое: именно в речных долинах и кругом озер расположены большинство из известных нам древнерусских поселений. Крупные города и еле заметные селения в 2–3 двора, как правило, строились около воды. По-видимому, здесь исстари было меньше лесных массивов; эти земли реже подвергались заболачиванию, а их аллювиальные почвы были более пригодны для земледелия. Кроме всего прочего, близкое соседство водоемов обеспечивало окрестное население дополнительными источниками пропитания – рыбой и водоплавающей птицей. Этот факт также имел немаловажное значение. Недаром уже в XIV–XV вв. мы наблюдаем, по словам исследователя экономического положения Северо-Восточной Руси А. Д. Горского, «чрезвычайно скрупулезное, даже можно сказать, мелочное распределение рыболовных угодий и времени рыбной ловли в этих угодиях между различными владельцами, особенно в центральных районах»^[106]. Зафиксировавший эту картину актовый материал, несомненно, свидетельствует о том, что рыба и продукты ее переработки постоянно использовались в пищу, были одним из распространенных и любимых кушаний. Следовательно, рыболовство входило в число важных отраслей экономики, производившей съестные припасы.

Предпосылкой для широкого развития добычи рыбы в Восточной Европе служило отмеченное выше наличие многочисленных водоемов, густонаселенных разнообразной ихтиофауной. Трудно перечислить все виды рыб, водившихся в русских озерах и реках. Первое место среди них по своим высоким вкусовым качествам занимали осетровые и лососевые, называвшиеся в древности «красной» рыбой. Воды Каспийского моря и Волги с протоками, особенно в ее низовьях, являлись основным районом обитания и ловли осетровых. Но и в других реках, например в Дону и Днепре, осетры не представляли исключения. Особый вид осетра – балтийский (немецкий) – входил для икрометания в реки системы Балтийского моря. Лососевые рыбы, в том числе и самая ценная из них – семга, – в большинстве своем встречались в водоемах, принадлежавших бассейнам Балтийского моря и Ледовитого океана. Прочие рыбы, часто именуемые в древних источниках «рыба белая», водились повсеместно. Многочисленные карповые – сазаны, лещи, язи, жерехи, голавли, плотва, густера, ельцы, а вместе с ними и щуки, судаки, окуни, сомы, налимы и всякая рыбья мелочь составляли главное население больших и малых рек, озер и ручьев. Даже пруды и торфяные болота не оставались пустынными: в стоячей илистой воде хорошо уживались лини и караси.

Несмотря на активное и длительное воздействие человека на живую природу, Европейская Россия и в наши дни занимает одно из первых мест в мире по богатству и разнообразию своей ихтиофауны. Можно лишь догадываться, сколь обильна она была несколько столетий назад. Сплошная вырубка лесов и сплав бревен, судоходство, сброс промышленных вод и интенсивный лов значительно сократили численность рыбьего стада.

Промысловый лов базируется прежде всего на добыче проходных и полупроходных видов рыб (к ним, в частности, относятся большинство осетровых и многие из лососевых), входящих из морей и озер в реки для метания икры. Люди издревле пользовались этим всеобщим законом природы. Именно в периоды нереста (икрометания), когда рыбы собираются в огромные стаи, подходят близко к берегу, их легче всего выловить. Поэтому и массовый промысел всегда приурочивался к этим срокам, заметно варьирующим в зависимости от местных условий. Но время икрометания удобно для ловли не только проходных рыб, но и туводных, т. е. никогда не покидающих своего водоема. Эти рыбы также скапливаются для метания икры в определенных местах. Здесь они и становятся сравнительно легкой добычей рыбаков. Надо заметить, что периоды нереста у разных рыб весьма различны. Некоторые мечут икру

сразу после ледохода, другие – спустя один-два месяца. Часть рыб входит в реки летом и осенью, чтобы лишь следующей весной воспроизвести потомство. Иные осенью, наоборот, скатываются обратно в моря и озёра. Третьи мечут икру зимой. Наконец, такие рыбы, как лещ, сазан, сом, зимой бывают малоподвижны и кучно держатся в глубоких ямах, где их и ловят из-под льда. Словом, успешный лов практически возможен почти круглый год. Лишь июнь – июль вошли в поговорку как безрадостные для рыболовов месяцы. Конечно, наиболее оптимальные сроки рыболовства зависели в каждом конкретном случае от местных особенностей: типа водоема, характера его ихтиофауны, климатических условий и т. д. Чаще всего главный лов происходил весной, иногда осенью, а в некоторых озерах (например, в Ильмене) и зимой.

С промысловой точки зрения среди русских внутренних водоемов самыми перспективными для развития рыболовства были низовья Волги. Каждую весну сюда устремлялись из Каспийского моря, обладающего прекрасной кормовой базой, густые массы разнообразных рыб. Волга в этом отношении превосходит все европейские реки. Именно в ее нижнем течении и в прилегающих водах Каспия сложился один из основных районов современного промыслового рыболовства. Сходная картина наблюдается и в Приазовье на Нижнем Дону. Но в интересующую нас эпоху эти земли были малодоступны для русских рыболовов. Астраханское Поволжье лишь во второй половине XVI в. вошло в состав Московского государства. Подонье было присоединено и того позже. Если богатые рыбой устья рек бассейнов Чёрного и Каспийского морей в древнерусское время принадлежали последовательно сменявшим друг друга кочевникам, то водоемы северных и центральных областей прочно закрепились за славянами. Особого упоминания заслуживают бесчисленные озёра Северо-Западной Руси, благодаря которым и весь край называли «озерным» (его границы почти совпадают с территорией древней Новгородской земли). Среди них выделяются своими размерами озёра Онежское и Ладожское, населенные сигаами, лососями и множеством других видов рыб, Ильмень, еще в XIX в. звавшийся рыбопромышленниками «озеро – золотое дно», Чудское и Псковское озёра. Из более мелких озер и сейчас хорошо знакомы рыбакам Селигер, Пирос, Валдайское и многие другие. На северо-востоке до сих пор славится рыбой Белое озеро, а на верхней Волге – озёра Плещеево и Неро. Многочисленные реки и озёра Карелии, Кольского полуострова, побережья Белого и других северных морей также изобиловали ценными породами рыб. Ока в нижнем течении знаменита рыбными ямами. Верхний приток Волги – Шексна – известна своими

великолепными стерлядями. Не требуется особо говорить и о таких крупных водных артериях, как Днепр, Днестр, Буг или Неман и Западная Двина. Даже предварительный обзор ихтиофауны русских водоемов до внимательного знакомства с историческими источниками позволяет предположить, что в Древней Руси рыболовство должно было получить широкое, если не повсеместное распространение.

Рыболовство у праславян

Вопрос об общих предках современных славянских народов, неразрывно связанный с поиском их древней прародины, является одним из самых дискуссионных в исторической науке. К сожалению, археология сейчас не может дать на него убедительный ответ. Генетические связи культуры первых славянских государств с более ранними памятниками ясно не прослеживаются глубже середины I тысячелетия н. э. Поэтому в распоряжении исследователей нет материальных объектов, исчерпывающе характеризующих быт и хозяйство праславян. Отчасти этот пробел заполняют отрывочные сведения письменных источников. Но более твердые критерии мы получим при изучении данных сравнительной лингвистики и особенно лингвистической палеографии. Правда, по справедливому замечанию Ф. П. Филина, эта работа находится еще в стадии развертывания^[107]. Однако определенные успехи уже достигнуты. В частности, наблюдения ряда ученых (К. Мошинского, О. Ферянца, Л. Г. Берга и др.) над общеславянскими названиями рыб и рыболовных орудий проливают свет на ранние этапы славянского рыболовства.

Если в индоевропейских языках в отношении наименования рыб царит полный разнобой, то в лексике общеславянского языка имеется значительное количество сходных названий. Ф. П. Филин относит к ним такие слова, как *сом, окунь, язь, карп, карась, плотва (плотица), пескарь, линь, слец, уклея, угорь, лосось*^[108]. К. Мошинский добавляет сюда: *мень, подуст, щука и осетр*^[109]. Некоторые из этих слов имеют близкие параллели в балтийских, западнофинских и северогерманских языках. Даже если отбросить из приведенного перечня плотву и ельца, подобные названия которых отсутствуют в южнославянских языках, то в списке остается не менее 1,5 десятков общих слов. Поскольку в процессе расселения праславян и распада общеславянского языкового единства эти названия прочно удержались вплоть до наших дней во всех славянских языках, мы вправе предположить, что предки славян были хорошо знакомы с наиболее распространенными и важнейшими промысловыми рыбами. В какой-то степени полученные данные позволяют локализовать их прародину в умеренной климатической зоне, изобиловавшей реками, озерами и болотами, т. к. среди поименованных рыб помимо чисто речных видов (подуст) есть и специфически озерные и болотные (карась, линь). Наконец, значение общеславянского слова *лосось*, ввиду германских и

балтийских соответствий, прочно привязывает поиски славянской прародины к бассейнам рек Балтийского моря^[110]. О. Ферианц, скрупулезно исследовавший ареалы вышеназванных рыб, приурочивает их к междуречью Вислы и Немана^[111]. Так или иначе, но и до расселения на огромных пространствах в Восточной и Южной Европе славяне постоянно занимались рыболовством, что привело к сохранению в их современных языках целой группы общих наименований рыб. Этот вывод выглядит достаточно аргументированным, т. к. его подкрепляет серия общеславянских названий орудий лова: *острога, мережа, яз, невод, сак* и др. У всех славян они имеют близкие конструктивные особенности, соответствующие названия отдельных частей и сходные приемы использования. Для некоторых из этих орудий, например невода, можно предполагать и специфически славянское происхождение. Невод относится к классу подвижных или отцеживающих сетей. Он состоит из двух крыльев или приводов, представляющих из себя длинные сетяные полотнища. В центре между ними вшивается мешок на мелкоячеистой сети – ядро или матка невода. Верхние подборы невода поддерживаются деревянными поплавокками, а к нижним привешиваются каменные грузила. Неводом ловят самую разнообразную рыбу как в реках, так и в озерах, с лодок или с берега. Причем лов этот – весьма эффективен. В Западной Европе подобные снасти не были известны. Появились ли они у балтов и западных финнов под воздействием славян (что вполне вероятно), или самостоятельно, пока решить трудно.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что на равнины Восточной Европы славяне пришли с готовыми навыками добычи рыбы и соответствующим комплексом рыболовных орудий. Следовательно, им не пришлось осваивать новый, необычный для них вид хозяйственной деятельности. Возможно, они принесли сюда более передовую технику лова. Во всяком случае, еще в XVIII в. на северо-западе России русские рыболовы считались самыми удачливыми и расторопными. Выяснить же удельный вес рыболовства в экономике ранних славян, опираясь только на данные языка, не представляется реальным. Можно лишь отметить, что достаточно разнообразный арсенал технических средств добычи рыбы – сети (невода, мережи, саки), запорные системы (езы, верещи), колющие орудия (остроги) и крючные снасти (удочки, жерлицы) – указывает на сравнительно интенсивный характер промысла. Более глубокие выводы требуют привлечения самого широкого круга источников: археологических, письменных и палеоихтиологических.

Место рыболовства в хозяйстве восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.

На территории Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. теперь известен ряд археологических культур, материальные памятники которых хорошо увязываются с последующей культурой Киевской Руси. География раннеславянских древностей VI–IX вв. значительно расширилась. В последние десятилетия открыты памятники в Надпорожье Днепра, в Потясминье, на Волыни, Южном Буге, Молдавии, Полесье и других местах. У исследователей появилась реальная возможность полнее изучить экономику и быт восточнославянских племен накануне сложения у них государства. Благодаря массовым археологическим раскопкам удается не только реконструировать внешний вид поселений, внутреннюю конструкцию жилищ, но и представить себе хозяйственный уклад их жизни. На многих из этих памятников обнаружены явственные следы наличия рыбного промысла.

К сожалению, поселения указанного времени крайне бедны вещественными находками, и интересующих нас предметов – всего лишь единицы. Среди них известны массивные железные рыболовные крючки, части составных железных острог, тяжелые наконечники пешней, глиняные и каменные грузила от сетей. Поэтому основными данными, позволяющими судить о роли рыболовства, являются костные останки и чешуя рыб. Но и они не всегда попадают в руки специалистов, что затрудняет их использование в качестве исторического источника. Тем не менее определенные наблюдения можно сделать уже сейчас.

Для большинства из вновь исследованных поселений характерна связь с водой – часто они располагались в пойме реки на небольших останцах, едва ли не становившихся в половодье островами. При общем земледельческом направлении хозяйств этих селищ рыболовство в жизни их обитателей занимало немалое место. Так, в жилых и хозяйственных постройках поселений в устье реки Тясьмина, обычно в культурном слое над полом «было довольно много мелких осколков костей животных и рыб, а иногда и рыбьей чешуи»^[112]. Близкая картина наблюдалась при раскопках у балки Яцевой в Надпорожье и на Южном Буге^[113]. И хотя названные памятники не дали почти никаких орудий рыбного промысла, можно смело утверждать, что рыба входила в число основных продуктов питания

людей, их оставивших. Чешуя и кости рыб часто встречались в предпечных ямах или в непосредственной близости от печей, т. е. в местах, где рыбу разделявали и готовили в пищу. Все данные указывают на устойчивый, а не случайный характер рыболовства, являвшегося наряду с земледелием и скотоводством важным источником пополнения запасов продовольствия. Главными орудиями добычи рыбы были, по-видимому, запорные системы типа езов и заколов с вставленными в них ловушками вроде морд и верш. Эти деревянные сооружения, редко попадающие в руки археологов, требуют определенного ухода и наблюдения. Возможно, здесь кроется одна из причин близкого соседства с водоемами раннеславянских поселений.

Интересные результаты получены при раскопках Г. Г. Мезенцевой в районе Канева^[114]. На большом поселении VIII–IX вв., раскинувшимся вдоль берега Днепра, было вскрыто 22 углубленных в землю жилища и несколько хозяйственных сооружений. И там, и там исследователи обнаружили много рыбных костей и чешуи. В жилых помещениях они спрессовались на полу или кучами лежали около печей. В одном случае (жилище № 9) чешуя зафиксирована в изобилии на специальной материковой приступке – своеобразном кухонном столе^[115]. Анализ костных останков рыб позволил определить, что жители поселка ловили главным образом щук, затем лещей, язей и плотву^[116]. В жилищах и культурном слое найдены также железные кованые крючки больших размеров и обломки двух каменных грузил грушевидной формы^[117].

Археологические и палеоихтиологические данные дополняют друг друга. Крупных речных хищников (щука), как правило, ловили крючками или колющими снастями. Поскольку щука превалировала в уловах жителей Каневского поселения, надо думать, что крючные орудия преобладали среди прочих рыболовных снарядов. Карповые рыбы (лещи, язи, плотва) добывались, скорее всего, сетями. Не исключена возможность применения в промысле и различных запорных систем. Факты говорят о том, что рыболовство в конце 1 тыс. н. э. в районе Канева было не второстепенной, а весьма существенной отраслью хозяйства.

Иная картина вырисовывается в результате исследования близкого по времени селища в Луке Райковецкой. Находки, связанные с рыбным промыслом, представлены очень бедно. Обнаружен один железный рыболовный крючок^[118] и незначительное количество рыбных костей. Небольшая река Гнилопять, протекавшая вблизи селища, конечно, не могла стать прочной базой для развитого промысла рыбы.

Более обильны материалы, характеризующие рыболовство у славян,

обитавших в VI–IX вв. в Молдавии. О повсеместной добыче рыбы здесь «говорят частые находки костей и чешуи рыб, рыболовные крючки (Кетриш) и круглые плоские керамические грузила (Ханска, Петруха, Одая)»^[119].

Значительно меньше данных, позволяющих судить о хозяйственной деятельности восточных славян в северо-западных районах. Хотя в этих землях лов рыбы должен был получить самое широкое распространение. Дело в том, что лучше всего здесь изучены для указанного времени погребальные памятники – длинные курганы и сопки. Относительно же славянской принадлежности нижних слоев Пскова, Камно и Старой Ладogi, где в изобилии встречены и рыбы кости, и орудия промысла, определенной уверенности нет.

Историю рыболовства на Левобережье Днепра освещают многолетние раскопки роменско-боршевских городищ и селищ. Так, на городищах Новотроицком, Донецком, Кузнецовском, Титчихе в слоях VIII – начала X в. обнаружены крупные рыболовные крючки, изготовленные из четырехгранного железного стержня^[120]. Крючки имеют на одном конце петлю для крепления лесе, а на другом – жало с оттянутой бородкой, удерживавшей приманку и пойманную рыбу (рис. 1). Ближайшие аналогии этим крючкам известны на соседних памятниках салтово-маяцкой культуры^[121], откуда они, по-видимому, и были заимствованы. Подобные крючки предназначались для лова крупной хищной рыбы (щук, сомов) на живца или другую насадку. Интересный выбор рыболовных орудий происходит с Титчихинского городища. Помимо крючка выше описанного типа, там были найдены еще пять экземпляров рыболовных крючков, железный зуб от составной остроги, наконечник пещни для пробивания льда и глиняные грузила от сетей^[122]. Среди перечисленных предметов некоторые встречаются на древнерусских памятниках не ранее середины – конца X в. Особенно характерны в этом отношении железный крючок с длинным цевьем и боковой зуб составной остроги. Поэтому предложенная А. Н. Москаленко верхняя дата городища Титчиха – конец X в. – представляется вполне обоснованной^[123].

Кроме крючных снастей в роменско-боршевское время употреблялись и сети, о чём говорят находки грузил (рис. 1). Грузила, как правило, изготовлены из обожженной глины. Они имеют вытянутую или округлую форму и сквозное отверстие. Такими грузилами могли снаряжаться небольшие сети типа современных бредней. Любопытная деталь выяснилась при раскопках Донецкого городища. Жители этого поселения в

VIII–X вв. использовали в качестве сетяных грузил кости коровы (рис. 1) [124]. Найдены также и костяные острия, с помощью которых плелись сети (рис. 1). Причем в жилищах Большого Боршевского городища подобные орудия встречены несколько раз в комплексах по 3–5 штук, как и требовалось при вязании сетей [125].

Помимо крючных, колющих и обьячеивающих орудий рыбу, вероятно, ловили и с помощью запорных снарядов (езы, котцы, верши и т. д.), перегораживая ручьи и речки. Однако археологических доказательств этому нет.

На поселениях роменско-боршевских племен, в жилищах и хозяйственных ямах исследователи не раз отмечали присутствие костей и чешуи рыб. По-видимому, в пищевом рационе населения рыба была постоянным компонентом. Ее потребляли не только свежей, но и заготавливали впрок. На Большом Боршевском городище было вскрыто сооружение, получившее шифр: погреб «Б». Из него извлекли кости по крайней мере 16 судаков, 23 лещей, 11 жерехов, 4 вырезубов и 1 красноперки [126]. Можно полагать, что в древности здесь хранили вяленую рыбу.

Получить более полное представление о рыболовстве в интересующую нас эпоху позволяет следующая таблица [127].

ПОСЕЛЕНИЯ	РЫБЫ																
	Осетр	Севрюга	Стерлядь	Щука	Судак	Окунь	Лещ	Язь	Сазан	Жерех	Вырезуб	Подуст	Плотва	Красноперка	Линь	Карась	Сом
Новотроицкое				х		х	+	-	-								
Быстринское				х	х	+	-				-		-			-	
Полтава	-		-	х		+	-	+	-			-	-		-	-	+
Донецкое				х		х											
Б. Боршевское		-	-	х	+	-	+		-	-				-			-
Титчиха		-	-	х	х	-	+	-			+		-	+		-	х

х – основной объект промысла;

+ – второстепенный;

- случайный.

Из таблицы видно, что основным объектом промысла были речные хищники: щука – повсеместно, судак, сом, окунь – в отдельных случаях.

Остальные рыбы являлись или второстепенной, или случайной добычей. Нельзя не заметить сходство полученных данных с видовым составом рыб в уловах Каневского поселения. Значительное преобладание хищных рыб, особенно щук, над прочими указывает на широкое распространение крюковых и колющих орудий лова. Сетевые снасти имели меньшее значение. Такое сочетание указывает на неразвитый, индивидуальный характер рыболовства^[128]. О малой интенсивности промысла свидетельствуют и вычисленные специалистами возраст и средние размеры некоторых видов рыб: щуки, леща, судака, сома и др. В уловах господствовали рыбы старших возрастных групп, средние размеры которых превосходили средние размеры современных рыб. Следовательно, рыбье стадо в то время было мало затронуто промыслом, базировавшимся на старших, наиболее крупных особях. При более интенсивном рыболовстве добывают и рыб младшего возраста, зато темп роста оставшихся рыб возрастает, т. к. улучшается их кормовая база.

Лучше уяснить характер славянского рыболовства VIII–X вв. в лесостепной зоне Днепровского Левобережья можно, сравнив его с приемами добычи рыбы в более раннее время. Для сопоставления целесообразно использовать материалы юхновских памятников. Во-первых, они располагались приблизительно в тех же местах, где впоследствии появились поселения роменско-боршевского типа. Во-вторых, юхновские коллекции дают хорошее представление о рыболовстве своей эпохи. При раскопках юхновских городищ сплошь и рядом встречались скопления глиняных и каменных грузил от сетей. Найдены обломки гарпунов, рыболовные крючки, а также целые пластины костей и чешуи рыб^[129]. Анализ палеоихтиологического материала показал, что в уловах, помимо хищных, господствовали карповые рыбы (лещ)^[130]. Последнее обстоятельство вместе с археологическими фактами (массовые находки грузил) подтверждает широкое использование юхновцами сетей, которыми чаще всего и добывают карповых рыб. Поскольку среди грузил присутствуют много тяжелых и крупных экземпляров, следует думать, что ведущими орудиями были сети типа невода. Но лов сетями, особенно неводами, требует участия в нём целого коллектива людей (иногда свыше 10 человек). По-видимому, в течение столетий, разделявших юхновскую и роменско-боршевскую культуры, в методах добычи рыбы произошел определенный сдвиг: коллективный труд сменился индивидуальным промыслом. В каждом жилище самостоятельно изготавливали и хранили снасти; рядом в хозяйственных ямах находились личные запасы

заготовленной впрок рыбы. Перед нами определенное свидетельство распада большой семьи и выделения из нее самостоятельной хозяйственной ячейки – малой, парной семьи.

Наблюдения над изменениями в ассортименте рыболовных орудий подтверждают высказанную мысль. Их число увеличивается среди находок на более поздних памятниках, не говоря уже о слоях X в. собственно древнерусских поселений. Так, на городище Титчиха найдены 6 крючков разных типов, острога и пешня^[131], на селище Лебёдка – крючки, части острог и 2 пешни^[132]; на селище у городища Хотомель – несколько острог^[133] (рис. 1). Конечно, для твердых выводов материала мало, но и он показателен. С одной стороны, количественный рост орудий рыболовства свидетельствует о его экономической значимости. С другой – процесс этот затрагивает в первую очередь снаряды индивидуального лова (крючные и колющие), что согласуется с предыдущими замечаниями.

Однако изложенные соображения ни в коей мере не умаляют значения рыболовства в хозяйстве раннеславянских племен. По неполным данным, как это следует из приведенной выше таблицы, промыслом было охвачено 17 видов рыб, распределявшихся по 5 семействам: осетровые, щуковые, окуневые, карповые и сомовые. На некоторых поселениях (Титчиха, Полтава) в уловах присутствовало до 12 видов рыб. Причем вылавливались и такие ценные рыбы, как осетр, севрюга, стерлядь, судак, сазан и др.

Технический арсенал древних рыбаков был достаточно разнообразен: ключные и колющие орудия, сети, запорные системы и ловушки. Железные крючки крупных размеров (до 10 см длиной) указывают на лов больших хищных рыб – сомов, щук, судаков, а также осетров и сазанов. Как отмечалось выше, на более поздних памятниках набор крючков отличается некоторым разнообразием форм. Найдены экземпляры с бородкой или без нее, с петлей или лопаточкой на конце для крепления леси. По-видимому, каждый из них употребляется для ловли соответствующего вида рыб. Такими крючками вряд ли снаряжались обычные удочки – они более пригодны для приспособлений вроде современных жерлиц и донок. Вполне вероятно, что славяне ловили менее крупную рыбу на деревянные крючки или крючки из шипов растений, когтей животных и птиц. Обнаруженные на некоторых поселениях железные зубья составных острог относятся к широко распространенному в древности, а кое-где и дожившему до наших дней типу составной трехзубной остроги. На Руси она получила повсеместное применение несколько позже – в X–XII вв. Острогами били рыбу на мелководье во время нереста или специально

охотились за ней по ночам с огнем (лучом). Не приходится сомневаться, что до железных острог и наряду с ними употреблялись остроги с деревянными и костяными наконечниками. О конструктивных особенностях сетей позволяют судить главным образом сохранившиеся грузила. Большинство из них сделаны из глины (затем обожженной), невелики по размерам, имеют шаровидную или несколько удлиненную форму и сквозное отверстие для нижней тетивы сети. Отсюда следует, что и сами сети не отличались значительной величиной. Более крупные грузила из камней или плюсовых костей коровы происходят с поселений конца I тысячелетия н. э. О небольших размерах сетей говорит и способ их изготовления. Они плелись с помощью нескольких костяных острий, а не вязались. Найденное на поселении Ханска в Молдавии такое острие было украшено гравированным рисунком рыб, птиц и самой сети^[134]. Можно думать, что имелись сети как отцеживающие, так и обьячеивающие, т. е. подвижные (бредни, невода) и неподвижные (ставные). Однако настоящих промысловых неводов не было. Их появление неразрывно связано с общим прогрессом земледелия, с широким распространением посевов технических культур.

Ведь для изготовления одной подобной сети требовались десятки пудов пеньковой или льняной пряжи. Для крепости ее смолили, на что уходило 2–3 бочки смолы, а затем дубили, проваривая вместе с ольховой или осиновой корой. Но даже при такой обработке и очень тщательном уходе невод редко служил больше одного сезона. Нелишне вспомнить, что в XII в. один невод входил в состав дани с целой волости. Поэтому не только практически, но и теоретически трудно допустить существование таких сетей в VI–IX вв. По всей вероятности, широко применялись загородки из кольев и прутьев с вставленными в них плетеными ловушками^[135]. К сожалению, помимо данных лингвистики об этом свидетельствуют лишь косвенные факты. Деревянные предметы и сооружения редко попадают в руки археологов.

В результате изучения рыболовных орудий у восточных славян в период формирования у них классового общества складывается двойственное впечатление. Ассортимент средств добычи рыбы нельзя назвать примитивным. Но преобладающее место среди них занимают орудия индивидуального пользования, технически не всегда совершенные. С их помощью можно было обеспечить потребности в рыбе лишь очень небольшого коллектива людей. Правда, даже на том количественно незначительном материале, имеющемся сегодня, наблюдается

определенный прогресс. К X в. улучшается качество изделий, появляется специализация снастей, пополняется их набор. Другим показателем этого процесса служат сведения о местах и времени рыбного промысла. Рыболовством были затронуты различные водоемы: проточные и непроточные. Карась и линь – типичные жители стоячих вод – часто встречаются в ихтиологических находках. Даже небольшие водоемы привлекали к себе внимание. Именно вблизи озер и стариц в пойме Десны М. В. Воеводский отмечал кратковременные стойбища роменско-боршевского времени^[136]. Рыбу ловили круглый год – не только летом, но и зимой сквозь лунки во льду. Лед пробивали железными пешнями. Массивные наконечники пешней найдены в Титчихе и на селище Лебёдка. Находки рыбьих костей и чешуи, иногда в анатомическом порядке, в хозяйственных ямах говорят об умении сохранять рыбу длительный срок. Ее, наверное, вялили, сушили, солили и сберегали мороженой.

Подводя итог краткому исследованию рыболовства у ранних славян, необходимо подчеркнуть несколько моментов. Вопреки бытующему мнению, лов рыбы с развитием земледелия и скотоводства не потерял своего значения и не выродился в третьестепенную отрасль хозяйства. Техника рыбного промысла постоянно совершенствовалась и в эпоху Киевской Руси достигла высокого уровня. Рыба широко употреблялась в пищу и являлась важным компонентом питания. Не следует думать, что рыболовство было чем-то вроде забавы, отдыхом от повседневного земледельческого труда. Эффективная добыча рыбы требовала большой затраты сил, энергии и времени. Это была тяжелая, круглогодичная, часто ночная работа. Ее необходимость диктовалась тем, что хлебопашество и скотоводство не всегда гарантировали прожиточный минимум. После частых стихийных бедствий и вооруженных конфликтов, уничтожавших урожай и поголовье скота, другие источники пищи (рыболовство, охота и пр.) становились единственным средством существования. Рыбу ловили повсеместно, где имелись водоемы. Каждая семья самостоятельно заботилась о пополнении своих запасов различными продуктами, в том числе и рыбой. Поэтому вряд ли разумно подразделять хозяйственную деятельность древних славян на многочисленные виды по степени их важности. Экономика базировалась на земледелии, но имела достаточно замкнутый характер. Все циклы работ, все отрасли хозяйства были тесно связаны между собой. Урон, понесенный одной из них, немедленно сказывался на других и на общем благосостоянии. С полным правом можно утверждать, что рыболовство у восточных славян в XI – X вв. имело большое хозяйственное значение.

Глава III. Промысловые орудия и снаряжение древнерусских рыбаков

Орудия труда составляют важнейшую сторону всякой производственной деятельности. Динамика их развития в конечном итоге определяет экономическую эффективность каждой отрасли хозяйства. Рыболовство не является исключением из общего правила. Лишь при особо благоприятных природных условиях с помощью примитивных средств удастся добыть значительное количество рыбы. Примером может служить массовый ход лососевых рыб в дальневосточные реки или реки северо-западного побережья Америки. Но регулярный, круглогодичный промысел требует и соответствующего оснащения. Поэтому, прежде чем приступить к изучению роли рыбного промысла в экономике Древней Руси, следует рассмотреть типы рыболовных орудий, восстановить их конструкцию, уяснить назначение, способ применения, определить среди них ведущие и второстепенные и т. д., поскольку вопросы техники и технологии лова чрезвычайно существенны для решения поставленной задачи.

Пытаясь представить себе и достоверно реконструировать рыболовную технику древнерусского времени, уловить ее видоизменения, исследовать, как об этом уже говорилось в первой главе, сталкиваемся с известными трудностями, вызванными состоянием источников. Единственный путь преодолеть их – свести воедино археологические материалы, данные палеоихтиологии, сведения письменных источников, сопоставив всё с этнографическими наблюдениями. Произвольно ограничив круг источников, легко прийти к искаженным выводам.

Если из раскопок раннеславянских поселений второй половины I тысячелетия н. э. в Восточной Европе предметы рыболовного снаряжения исчисляются единицами, то в культурных напластованиях великокняжеской эпохи их количество увеличивается буквально в десятки раз. «К самым частым находкам в Новгороде во всех слоях, – пишет А. В. Арциховский, – принадлежат рыболовные грузила и поплавки»^[137]. Это же можно сказать и о многих других археологических памятниках: Пскове, Белоозере, Старой Ладогe, Гродно, Ярополче-Залесском, Родне, Старой Руссе, Рязани, Чернигове, Волоковкскe и пр. Почти везде, где исследовались значительные площади, встречены те или иные орудия рыбной ловли, кости и чешуя рыб. Автором нанесено на карту (карта 1)

свыше ста пунктов, давших интересные коллекции рыболовного инвентаря. Конечно, этим далеко не исчерпывается действительная картина развития рыбного промысла в Древней Руси. Получен лишь оттиск, отражающий уровень наших знаний сегодня, степень археологической изученности территории Киевского государства. Относительно более позднего времени дело обстоит и того хуже. Тем не менее и сейчас мы можем судить о том, в сколь широких масштабах и повсеместно велось рыболовство. Археологические находки составляют вещественную основу, зримый фундамент работы. Их дополняют, а в ряде случаев раскрывают и уточняют сведения письменных источников, количество которых со второй половины XIV в. стремительно возрастает. Весь этот разнородный, трудно сопоставимый материал требуется систематизировать и проанализировать с точки зрения качества содержащейся в нём информации. Ведь нас прежде всего интересуют конструктивные особенности, коэффициент полезного действия (производительность), массовость и хронология рыбацких снастей. Сразу следует оговориться, что автор не предполагает воссоздать детальнейшую классификацию всех рыболовных орудий. Это задача технико-исторического исследования. Работа носит более общий характер, имея в виду получить в результате ответ на определенный круг вопросов социально-экономического порядка.

По назначению и способу применения рыболовные орудия подразделяются на 4 основные группы: колющие орудия, крючные снасти, сети, запорные системы. Некоторая условность такого деления очевидна, поскольку имеются и переходные, и комбинированные типы. Но эта общепринятая классификация обеспечивает четкость и конкретность последующего изложения.

Колющие орудия

В данную категорию входят остроги, гарпуны, багры, стрелы и все орудия ударного действия, независимо от того, с какой стороны по рыбе наносится удар: сверху, снизу или сбоку. *Острога* среди них, что видно из приложенной карты (карта 2), является самым распространенным и массовым приспособлением. Она известна у большинства народов мира с глубокой древности. Эволюцию острог подробно проследил финский этнограф У. Сирелиус^[138]. Первые образцы делались целиком из дерева. Примером может служить острога из Шигирского торфяника (рис. 2). Затем они стали снабжаться костными зубьями. Различные варианты подобных орудий встречаются в раскопках вплоть до времени позднего железного века (рис. 2). Наиболее устойчивой формой была трехзубая острога, дожившая и до наших дней. В специальном исследовании М. Знамеровской-Прюфферовой, посвященном современным и древним колющим орудиям рыбного лова, указано 15 типов острог^[139]. Абсолютное большинство древнерусских острог (известных автору данной работы) принадлежит к двум типам: составным трехзубым и многозубым, сложенным из двух половинок. Речь идет сейчас лишь о наконечниках. Они изготавливались из железа и насаживались на деревянную рукоять, длина которой иногда превышала 4 м. По своему действию (удар сверху) все древнерусские остроги принадлежат к типичным озерно-речным орудиям, главной добычей которых были щуки.

В нашей археологической литературе существует определенная путаница в определении конструктивных особенностей древнерусских острог. Высказывалось мнение, что встреченные в раскопках железные, коленчатые и прямые зубья сами по себе являлись наконечниками одинарных острог^[140]. Р. Л. Ронезфельдт на основании находки во Вщиже полного набора из трех зубьев справедливо причислил и все отдельные экземпляры к деталям составной трехзубной остроги^[141]. Многочисленные этнографические и исторические параллели не оставляют сомнений в бесспорности такой реконструкции. Эти остроги могли иметь некоторые различия. Поэтому известны два способа крепления частей наконечника к рукояти остроги (рис. 3).

Процесс изготовления составной остроги достаточно прост. Один конец железного прута, круглого или прямоугольного сечения заострялся, а для удержания пойманной рыбы на нём делалась зазубрина. Чтобы

увеличить площадь поражения, стержень зуба имел колено. Верхний кончик прута отгибался под прямым углом и вставлялся в специальный паз в древке. Рукоять остроги с вложенными в нее зубьями обматывалась понизу веревкой, лыком, проволокой и т. п. для обеспечения прочности соединения всех частей. Размеры зубьев по длине колеблются в среднем от 10 до 20 см. По-видимому, все составные остроги предназначались для ловли достаточно крупной рыбы, что подтверждается и горизонтальным расстоянием между зубьями, достигавшим несколько сантиметров. У современных острог зубья стоят гораздо чаще. Поэтому ими можно бить и мелкую рыбу.

Второй тип древнерусской остроги – многозубчатый – представлен несколько меньшим количеством находок. И здесь археологи ошибались, полагая, что имеют дело с целым наконечником. В действительности им попадались лишь его половинки. Эти остроги также были составными, но складывались из двух частей, каждая из которых имела по несколько зубьев. В археологических коллекциях встречаются 4– и 6-зубые остроги, т. е. половинка наконечника снабжена двумя или тремя зубцами. Но в этнографических материалах известны и 8-, и 10-зубые остроги (рис. 3). Способ изготовления таких острог подробно описан Б. А. Рыбаковым (рис. 4)^[142]. Всякие сомнения в правильности предложенной реконструкции орудий этого типа рассеивает находка в Новгороде в слоях XIV в. обеих половинок шестизубой остроги (рис. 5)^[143]. Наконечник не был закончен обработкой: зубья не заточены. По-видимому, при проковке один зуб сломался, после чего острога оказалась непригодной к употреблению. По длине такие остроги достигали 30 см. Столь значительные размеры указывают на охоту за очень крупной рыбой.

Оба типа древнерусских острог не являются национальной особенностью. Они применялись во многих странах Европы и Азии. Карта находок (карта 2) показывает, что и тот и другой типы употреблялись вместе как на реках, так и на озерах. Современные данные вполне подтверждают этот вывод^[144]. Следовательно, они не имели регионального различия. Их функциональное назначение – бой рыбы ударом сверху – также было одинаковым. Однако хронология обоих видов острог не вполне совпадает. На более ранних памятниках (Хотомель, Титчиха) известны лишь составные трехзубые остроги. Многозубые орудия появились позже. В Новгороде и Пскове первые находки датируются рубежом XII–XIII вв., в Любече – серединой XII – началом XIII в. Многозубая острога внедряется в обиход русских рыбаков. Но старый тип не исчезает, и вместе они кое-где

бытуют и сейчас (например, в Белоруссии). Однако со временем абсолютный приоритет получают втульчатые наконечники (рис. 3).

Прочие варианты острог менее характерны для Древней Руси. Известны находки, особенно в западнорусских землях (Волоковыск, Гродно, Новогрудок), небольших (5–8 см) железных прямых зубьев острог. Один их конец снабжен зазубриной, а другой заострен и имеет боковой упор (рис. 3). Подобная конструкция предполагает и определенное назначение этих зубьев: они вбивались в поперечную деревянную планку или непосредственно в расширяющийся комель рукоятки. Упор не давал им глубже врезаться в дерево при ударе о дно озера или реки. Условно, по внешнему сходству, такие остроги можно назвать гребешковыми.

В коллекции Новгородской археологической экспедиции есть двузубая черешковая острога (рис. 3), напоминающая садовые каспийских рыбаков, которой били сомов. Единичными экземплярами исчисляются трехзубые остроги с одним черешком (рис. 3). Многие детали острог (рис. 3) из-за их фрагментарности трудно причислить к какому-либо типу. Но не вызывает сомнений, что мы не имеем дело с принципиально новой конструкцией.

Лов рыбы острогой весьма прост, но требует некоторой сноровки. Он может производиться круглый год. Озерно-речная ловля рыб острогами совершалась весной, летом и осенью несколькими способами: вброд, нырянием, с лодки. Иногда острогу метали как гарпун, для чего к древку привязывалась веревка. Рыбу ловили ночью с огнем: с берега или с лодки. Для этого употреблялись факелы или огонь помещали в специальную жаровню, укрепленную на носу лодки. Могли его также раскладывать на специальной подстилке из песка или торфа. Зимой рыбу били острогами сквозь проруби во льду, привлекая ее специальными приманками или огнем. Чаще всего острогой пользовались, как и теперь, весной во время икрометания, когда рыба теряла обычную осторожность и скапливалась на мелководье в травяных зарослях. Продвигаясь вдоль этих мест на легкой лодке, рыбак, заметив добычу, опускал наконечник орудия в воду, плавно подводил его к рыбе и резким ударом прижимал ее ко дну. Зубья остроги пронзали тело рыбы, а зазубрины не давали ей соскочить. Затем рыба забрасывалась в лодку.

Широкое распространение получил способ добычи рыбы острогой с помощью огня – «лучение». О нём не раз упоминают письменные источники^[145]. Так, в жалованной грамоте Новгорода Палеостровскому монастырю говорится, что «селянам с лучом не ездити» в монастырских водах^[146].

В раскопках специальные жаровни для разведения огня не найдены. Поэтому, надо полагать, русские рыбаки чаще пользовались факелами или устраивали костер на подстилке в носу лодки. Однако в берестяной грамоте № 124 (конец XVI в.) из Новгорода^[147] такая жаровня упомянута. Письмо начинается словами: «Пришли ми нарубоко борана или уду». Исследователи по-разному трактовали эту фразу. А. В. Арциховский склонен видеть в терминах «боран» и «уда» название рыболовных снастей, хотя и отмечает, что в источниках слово «боран» в этом значении неизвестно^[148]. П. И. Засурцев считает их прозвищами парубков^[149]. Наконец, Л. В. Черепнин слово «уда» возводит к «удо» – часть, кусок – и всю грамоту толкует как просьбу прислать часть говяжьей туши или барана^[150]. Мнение А. В. Арциховского кажется наиболее убедительным. В. И. Даль среди сибирских говоров зафиксировал слово «боран», обозначавшее железный таган, «козу» на носу лодки, где жгут смолье, когда бьют рыбу острогой^[151]. Следовательно, в арсенале древнерусских рыбаков был полный набор снаряжения для «лучения» рыбы.

Лов этот наиболее эффективен в тихие безлунные, осенние ночи, когда вода достаточно прозрачна. Участвовать в нём должны не менее двух человек: один рыболов на корме веслом направляет ход лодки, а другой стоит впереди, поражая острогой появившуюся в луче света рыбу. При определенном навыке удавалось набить за ночь полную лодку рыбы^[152].

Помимо острог, другие колющие орудия не получили на Руси повсеместного распространения. Возможно, некоторые наконечники служили однозубыми острогами (рис. 2). Но большинство из них имеют длинное ножевидное лезвие. Поэтому их рыболовное назначение сомнительно, ибо такие орудия наносят глубокую резаную рану, но сами в ней не держатся. Финский этнограф К. Вилькуна полагает, что они употреблялись в качестве охотничьего оружия^[153]. За одним из типов этих наконечников (с перевитым стержнем и крючком для крепления к древку) в нашей литературе укрепилось название *гарпунов*^[154]. Выше отмеченные соображения не позволяют согласиться с этим мнением. Поскольку такие наконечники часто встречаются в курганах, причем в дружинных комплексах (Приладожье, Карелия, Люцинский могильник и др.), скорее всего, они были боевыми метательными дротиками. Классическими гарпунами, т. е. орудиями с отделяющимися наконечниками, на основной территории Древней Руси не пользовались. Применялись ли в то время в рыболовных целях багры, сказать трудно. Может быть, ими были железные крючки без бородки, верхний конец которых отогнут под прямым углом.

Несомненно, для боя рыбы предназначались гарпунные трехзубые наконечники стрел, найденные в Новгороде и Старой Ладогe^[155]. Их длина варьируется от 7 до 10 см. Расстояние между расположенными в разных плоскостях зубьями равно 2–4 см, наконечники черешковые, четырехгранные или круглые в сечении, с упором. Судя по новгородским материалам, они бытовали с конца XI до середины XIV в. Этими стрелами били рыбу из лука во время нереста или когда она плавала поверху, как теперь стреляют ее из ружья. Разветвленная конструкция наконечника уменьшала вероятность промаха из-за преломления лучей света в воде. Извлекали загарпуненную рыбу, по-видимому, с помощью бечевки, укрепленной на древке стрелы. Известен и другой тип рыболовных стрел – гарпунный двупротивошипный^[156]. Они также черешковые, длиной около 6 см, расстояние между шипами достигает 3 см. Оба экземпляра найдены в пределах Черниговской земли, на Шестовицком городище и у Остерского Городца. Их дата – X – XIII вв. Малочисленность наконечников рыболовных стрел обедняет выводы. Может быть, каждый из двух типов был характерен для разных областей Древней Руси: первый бытовал на северо-западе, а второй – на юге.

Заканчивая обзор древнерусских колющих орудий, следует сделать несколько замечаний. В материальной культуре современных европейских стран остроги и им подобные снасти составляют реликтовый элемент. Уже более 100 лет в большинстве государств лов этими орудиями запрещен. Но они сохранялись длительное время благодаря своей простоте и пригодности. Это дешевые, удобные орудия, позволяющие производить быстрый улов рыбы индивидуально, без далеких выездов. По наблюдениям этнографов, профессиональные рыбаки реже пользовались острогами, чем простые крестьяне и горожане^[157]. Следовательно, они были вспомогательными, сезонными орудиями. Однако это ни в коем случае не умаляет хозяйственной роли острог. Даже в начале XX в. они спасали от голода в зимнее время тысячи людей^[158]. А с середины XIX в. уральские казаки получали значительный доход от багрения рыбы подо льдом^[159]. В Древней Руси остроги применялись повсеместно. Новгородские находки (график 3) позволяют предположить, что со временем этот способ добычи рыбы получил более широкое распространение. По-видимому, с одной стороны железо стало доступнее, а с другой – появилась необходимость в дополнительных источниках пищи.

Крючные снасти

Главной составной частью этих орудий были всем хорошо знакомые рыболовные крючки. На древнерусских памятниках они найдены неоднократно, иногда свыше 100 экземпляров. Специалисты различают крючки по форме, по материалу, по размеру, по способу оформления жала (с бородкой или без), по наличию или отсутствию петли, лопаточки или другого приспособления для крепления леси. Наконец, существуют крючки, специально предназначенные для определенного сорта наживки или лова соответствующего вида рыб. Современные рыболовные крючки подразделяются по размерам (радиус изгиба), независимо от прочих технических характеристик. Известны крючки якорного типа, имеющие 2–3 и более жал (рис. 18).

В распоряжении автора находилось около 1000 древнерусских рыболовных крючков. Большинство из них изготовлены из обычного кричного железа, жало иногда цементировалось^[160]. Медные крючки встречаются чрезвычайно редко. Размеры крючков по длине колеблются от 2 до 25 см, а по радиусу изгиба – от 0,3–0,5 до 2,5–3 см. Они делались из круглого, овального или прямоугольного в сечении стержня. Функциональные особенности крючка определяют его величина и конструкция жала, прочие особенности являются второстепенными, хотя и немаловажными. Уловистость крючка можно повысить, изогнув его в 2 или 3 плоскостях.

В археологической литературе предприняты попытки классифицировать рыболовные крючки, найденные на каком-либо одном памятнике^[161], или дать общую типологию древнерусских крючков^[162]. Однако знакомство со всем многообразием форм находок такого рода заставляет отказаться от мысли разместить их в стройную систему. Дело в том, что количество индивидуальных, не повторяющих друг друга типов, представленных одним-двумя экземплярами, слишком велико (рис. 6). Лишь некоторые варианты получили более или менее широкое распространение. Во-вторых, строя классификацию на основе формальных характеристик, трудно учесть функциональные особенности вещей. Вот типичный пример: во всех предыдущих работах за один из основных признаков подразделения крючков принималась форма приспособления для крепления леси (петля, лопаточка, зазубрины), по существу, не оказывающая влияния на способ их применения. Большие затруднения

вызывает отсутствие значительных коллекций крючков (за исключением Новгородской), хорошо увязанных со стратиграфией и хронологией памятника. Это обстоятельство ограничивает изучение изменений в конструкции данных орудий наблюдениями общего порядка.

Всё вышесказанное предполагает иные методы классификации древнерусских рыболовных крючков. По-видимому, следует разделить их соответственно прямому промысловому назначению, руководствуясь величиною радиуса изгиба, параллельно учитывая второстепенные показатели. Тогда мы получим две большие группы крючков: 1) для лова на удочку (радиус изгиба до 1 см); 2) для лова на прочие приспособления – жерлицы, донки, закидушки (радиус изгиба свыше 1 см)^[163]. Конечно, предложенная систематизация также достаточно условна. Однако она позволяет выявить не только конструктивные особенности, но и некоторые исторические закономерности.

Ужение рыбы удочкой известно людям давно. Наглядное тому свидетельство – наскальные рисунки Скандинавии и росписи египетских гробниц. Достоверных сведений о применении удочек восточными славянами до X в. у нас нет, хотя не приходится сомневаться, что они были им хорошо знакомы. Наверное, крючками для них служили заостренные сучки, шипы растений, когти мелких животных и птиц. Найденные на более ранних памятниках массивные железные крючки, по-видимому, употреблялись для других снастей. Но с середины X столетия в культурных напластованиях поселений (Новгород, Ладога, Княжая Гора), а также в могильниках (Гнездово) встречаются крючки мелких размеров – скорее всего, предназначенные для оснащения обычных удочек. Большинство из них железные, но есть и медные; у некоторых экземпляров отсутствует бородка (зубец); многие крючки вместо петли для крепления лесы имеют расширение – лопаточку или зазубрины на стержне – цевье (рис. 11). Помимо крючков в Новгороде, например, от снаряжения древних удочек сохранились веретенообразные поплавки из сосновой коры и осокоря, ничем не отличающиеся от современных (рис. 11)^[164]. В качестве грузил употреблялись, надо полагать, кусочки свинца, свернутые в трубочку. Из чего делались лесы, сказать трудно. По всей вероятности, на их изготовление шли жилы животных, конский волос или льняные и пеньковые нити.

Письменные источники ужение удочкой упоминают редко. Есть сведения, что Ярослав Мудрый сидел на берегу Днепра с удочкой, когда ему сообщили о нападении Болеслава на Русь^[165]. Просит прислать уду и

автор уже отмеченной берестяной грамоты № 124 (конец XIV в.)^[166]. В новгородских писцовых книгах конца XV в. среди многочисленных записей о промысле с помощью неводов и сетей встречаются иногда и такие пометки: «Озеро Лешое, а рыба в нем щука да остреци, а ловят удою»^[167].

Особого экономического значения лов этот не имел, специальным оброком не облагался и внимания московских писцов не привлекал (во всех сохранившихся Новгородских писцовых книгах указанного времени о нём говорится не более десяти раз)^[168]. Правда, в церковно-житийной литературе со свойственным ей преувеличением порою рассказывается о необыкновенно продуктивном ужении удочкой: «и от сея довольно бяше всем братьям к утешению»^[169]. Однако подобные известия, конечно, нельзя считать аргументом в пользу большого удельного веса добычи рыбы с помощью удочек. Словом, документы XIV–XVI вв. с очевидностью свидетельствуют о незначительной хозяйственной роли этого промысла.

Сходную картину рисуют и археологические материалы более раннего времени. Как уже говорилось, крючки от удочек встречаются с X в. В коллекциях XII–XIII вв. количество их увеличивается, а конструкция усложняется. В Киеве, Гродно, Новогрудке, Волковыске, Серенске, Браславе, Новгороде появляются находки вычурных, специализированных форм (рис. 6). По-видимому, местные рыбаки стремились подобрать для каждого вида рыбы наиболее уловистую снасть. Тем не менее лов удочкой не был особенно популярным. Нигде крючки для них не преобладают над другими находками. Так, из более чем 120 рыболовных крючков, найденных на Княжей Горе (Родня), лишь около 15 пригодны для снаряжения удилиц; в Волковыске на 29 крючков такого типа приходится 5 или 6; в Новгороде – 9–10 из 32. Некоторое представление о динамике развития ужения удочкой в Древней Руси дает график, составленный по данным раскопок в Новгородском Неревском конце. При его построении учитывались как крючки (график 1), так и деревянные крючки (график 8)^[170]. Из графика видно, что удочкой в Новгороде X–XII вв. пользовались редко и лишь позднее она получает большое применение.

Абсолютное большинство древнерусских рыболовных крючков предназначалось для лова крупной рыбы (сомов, щук, осетров) с помощью разнообразных снастей вроде жерлиц, поводков, закидушек, донок и т. п. Они, прежде всего, выделяются своими размерами и прочностью. Самыми распространенными среди них были крючки, изготовленные из уплощенного железного стержня прямоугольного сечения, иногда затупленное жало которых было снабжено бородкой, а удлиненный

противоположный конец (цевьё) имел петлю для крепления лесы (рис. 6). Они найдены в Новгороде (17), в Старой Рязани (12), в Гродно (24), в Воине (2), в Волковыске (3), в Пскове (6), на Донецком городище (2), Титчихе (1) и т. д. Хронологически такие крючки известны в слоях всех эпох. Более того, еще недавно ими пользовались при лове щук на живца днепровские рыбаки, называвшие их «секиркой»^[171]. Нет сомнения, что и в древности они имели то же назначение: длинное цевьё предохраняло леску от перекусывания ее речной хищницей. Крупные крючки округлой формы обнаружены в горизонтах X–XI вв. Новгорода, Старой Ладоги, Белой Вежи, Воиня (рис. 6). На них, возможно, ловили сомов. Для ловли белуг и осетров в середине прошлого века в низовьях Волги и на Каспии употреблялись прочные крюки без зубца. Близкие к ним по форме крючки происходят из Новгорода, Ярополча-Залесского, Волковыска, Гродно (рис. 6). Большой серией находок (свыше 250 экз.) представлены крючки, напоминающие «секирку», но с более коротким цевьем и лопаточкой (рис. 11). Думается, что они носили универсальный характер. Наблюдая над распространением по территории Древней Руси рыболовных крючков разных форм, почти не удастся наметить районы бытования каких-либо определенных типов. То они слишком индивидуальны, то, наоборот, достаточно общи. Может быть, только на западной окраине русских земель (Гродно, Волковыск, Лукомль, Новогрудок) появились тщательно сработанные железные крючки, жало которых фигурно изогнуто и не имеет бородки, а конец цевья расплюсчен в лопатку (рис. 6), свойственные лишь указанным памятникам. Иногда встречаются крючки совершенно необычной конструкции (рис. 6), обнаруженные в количестве нескольких штук при раскопках Князей Горы, Донецкого городища, Изяславля, Девичгоры.

Культурный слой Новгорода, хорошо консервирующий органические вещества, сохранил еще один тип неизвестных по другим памятникам крючков. Они изготовлены из тонкого деревянного стержня длиной 7,5–10 см, с отходящим от него под острым углом сучком (длина 2–3 см)^[172]. Все три конца приспособления заострены. Их найдено более 25 штук. Такие крючки, получившие в этнографической литературе название «горловых», появились еще в эпоху каменного века^[173]. Способ их применения чрезвычайно прост и рассчитан на лов рыб (сомов, налимов, реже щук), глубоко заглатывающих добычу. Леска к крючку привязывалась за середину. На него надевалась приманка – мелкая рыбка (рис. 6). Острые концы приспособления впивались в горло хищника, проглотившего живца.

В конце прошлого века так ловили налимов московские, владимирские и новгородские рыбаки^[174].

Большинством из указанных крючков снаряжались *жерлицы*, найденные в Новгороде в количестве около 30 штук^[175]. Устройство этой снасти, без всяких изменений дожившей до наших дней, хорошо известно. На деревянную рогульку наматывалась восьмеркой прочная леса с крючком и живцом. Рогулька привязывалась к кустам, склонившимся над водой, или специальному шесту (рис. 6). Чтобы живец не спутал леску, она закреплялась в специальном расщепе на одном из концов рогульки. Схватив приманку, хищная рыба вырывала леску из расщепе и сматывала весь ее запал. Теперь, обладая некоторой свободой передвижения, она переставала метаться, чем предотвращался обрыв всей снасти. Как правило, жерлицы ставились на ночь вдоль берега реки или озера. Утром рыбак совершал обход, забирал добычу, менял живцов. Все прочие приспособления для ловли крупной хищной рыбы, в принципе, мало отличались от жерлиц. Они всегда делались из куска крепкой лески с одним или несколькими крючками на конце. Леску забрасывали в воду на всю длину или частично, свернув остатки кольцами и закрепив его на берегу, но так, чтобы попавшаяся рыба легко могла ее выбрать. Нет никаких сомнений в том, что все они применялись древнерусскими рыболовами. Однако признать их промысловыми, вероятно, нельзя. Более продуктивными были, конечно, *переметы*, *продольники* и *подпуска*, рассчитанные на десятки и сотни рыболовных крючков. В некоторых случаях они опускались в воду без всякой наживки, но рыба, плывущая по дну водоема, сама цеплялась за остро заточенные крючки. Может быть, об их появлении говорят находки крючков с длинным и тонким жалом (рис. 6). Один раз перемет упомянут в Новгородских писцовых книгах (правда, не ясно: идет ли речь о сети или о многокрючковой снасти)^[176]. Более определенно можно судить о применении вышеописанных рыболовных снарядов во второй половине XVI в., когда на рынках появились в продаже специальная проволока для выделки рыболовных крючков, сами крючки, а среди кузнецов, особенно в Твери, распространяется профессия удника, т. е. мастера, специализирующегося на изготовлении рыболовных крючков^[177].

В Древней Руси ловили рыбу и на *блесну*. Металлические приманки – блёсны – найдены во многих пунктах: Новгороде, Пскове, Родне, Волковыске, городищах у с. Зборов и Екимауцы, на селищах в Гомельской, Калужской, Гродненской, Киевской областях и других местах (рис. 8).

Существовали блёсны двух типов. 1. Блесна, изготовленная из железной овальной пластины, несколько изогнутой формы (встречаются блёсны листовидные), один конец которой непосредственно переходил в крючок, а на другом пробивалась дырка для лески (рис. 8). Размеры этих блесен – от 6 до 20 см. Одна из новгородских блесен целиком покрыта медью, по краям у нее сделаны дополнительные отверстия, куда привязывались, возможно, разноцветные нити, привлекавшие рыбу (рис. 8). Блесна из Волковыска по внешней стороне украшена кружочками с точками, расположенными в 3 ряда и имитировавшими рыбью чешую (рис. 8). Величина блесен и особенности их конструкции предполагают их употребление в качестве «дорожек». Такая блесна на длинной лесе пускалась вслед за лодкой. При движении она колебалась и блестела в лучах света. Хищная рыба, увидев «играющую» блесну, хватала ее и попадалась на крючок. Таким способом ловят щук, судаков и других рыб и в наши дни. Особенно часто «дорожками» пользуются в северных районах Европейской части СССР, где лодки и сейчас являются важным средством передвижения. Блёсны II типа делались иначе: в свинцовую или оловянную массивную пластину впаивался железный крючок (рис. 8). С уверенностью можно утверждать, что этими снарядами (по аналогии с современными) ловили рыбу зимой через проруби во льду или летом с лодки в глубоких озерах.

Заканчивая обзор применявшихся в древнерусское время крючных снастей, следует подчеркнуть несколько обстоятельств. Во-первых, большинство существовавших тогда рыболовных снарядов и приспособлений возникли в предыдущие эпохи и без особых изменений дожили до наших дней. Иными словами, их возможности были исчерпаны уже в древности. Поэтому данные орудия не играли определяющей роли в развитии рыболовной техники, не составляли базиса рыбного промысла, а занимали в нём вспомогательное, второстепенное место. Во-вторых, значительное разнообразие типов крючков, за исключением 2–3 вариантов, указывает на их кустарное местное производство. Сами рыбаки или деревенские кузнецы выделывали крючки из различных железных обломков и отходов. Лишь крючки наиболее совершенных форм (например, «секирки»), найденные в больших количествах в разных местах, могли изготавливаться специалистами-ремесленниками на заказ или даже на рынок.

С другой стороны, рассматривая на примере новгородских находок соотношение между крючками и поплавками для удочек (10 + 30) и прочими крючными снастями (крючки железные крупные – 22, крючки

горловые деревянные – 24, рогульки от жерлиц – 20, блесна – 9), а также, учитывая массовые находки промысловых крючков в других местах (Княжая Гора, Ярополч-Залесский, Гродно, Волковыск) нельзя не признать за рыболовством на крючные снасти второго типа некоторого хозяйственного значения. Большинство из этих орудий предназначалось для отлова крупной рыбы. Причем ими, наверное, ловили и громадных щук, сомов и осетров, кости которых обнаружены на многих древнерусских памятниках. Деревянные крючки от жерлиц найдены в Новгороде в комплектах по несколько штук (!). По-видимому, и сами снасти выставлялись группами^[178].

Все это дает нам право считать и крючной лов промысловым, т. е. направленным не только на удовлетворение личных потребностей рыбака и его семьи в рыбе, но и на сбыт излишков продукции на сторону. Рыночные связи подразумевать здесь не обязательно. Ловца с потребителем могла связывать прямая договоренность (заказ). Еще в XIX в., да и позднее в некоторых селах существовали специалисты-рыболовы, которые жерлицами, закидушками, а иногда и удочками ловили к столу своих односельчан (по случаю праздника или другого события) разную рыбу. Их услуги оплачивались деньгами или натурой. Думается, что и в древности подобная форма обмена имела место.

Товарный характер с ориентацией на более широкий рынок сбыта такое рыболовство получило не ранее XVI в. с широким внедрением многокрючковых самоловных снастей типа переметов, продольников и подпусков.

Сети

Среди важнейших орудий рыболовства первое место безусловно принадлежит сетям, изобретенным еще в конце эпохи мезолита^[179]. Древнейшие сетки плелись из лыка или стеблей волокнистых растений: крапивы, болотной осоки^[180]. Однако эти снасти обладали большим весом и малой прочностью, что во много раз снижало эффективность их применения. Роль главных промысловых орудий перешла к сетям после широкого распространения таких технических культур, как лен и конопля. Пряжа из этих растений достаточно прочна и эластична. Поэтому из нее можно было изготовить снасти высокого качества и больших размеров.

Об употреблении в Древней Руси сетей свидетельствуют и археологические материалы, и письменные источники. Как уже отмечалось выше, в эпоху сложения Киевского государства восточные славяне сетями пользовались мало, хотя и были знакомы с ними давно (данные сравнительной лингвистики). Объясняется это, по-видимому, незначительными площадями посевов прядильно-масляничных культур, возделывание которых сопряжено с большими затратами труда. Во всяком случае, находки семян или стеблей льна и конопли на поселениях VII–X вв. единичны^[181]. Думается, что производившаяся тогда в хозяйствах пряжа едва удовлетворяла потребности ткачества. Для других целей она, естественно, поступала в ограниченных количествах. Поэтому о массовом изготовлении промысловых многометровых сетей, требовавших по несколько пудов нитей, не могло быть и речи.

Напротив, число предметов, связанных с рыболовством, и в первую очередь грузил и поплавков от сетей, найденных на собственно древнерусских памятниках, увеличивается в десятки раз. Если еще недавно можно было сослаться на слабую изученность археологических объектов предшествующей поры, то раскопки последних лет существенно сократили разрыв. Следовательно, налицо не пробел в наших знаниях, а значительный прогресс развития рыбного промысла. Его причина, вне всяких сомнений, кроется в общем подъеме сельского хозяйства, в расширении посевов льна и конопли. Таким образом, наблюдения над процессом совершенствования рыбацкой техники косвенным путем подкрепляют важный вывод советских исследователей о серьезных сдвигах в системе земледелия восточных славян накануне образования Древнерусской державы.

Остатки самих сетей в руки археологов попадают редко. Дело

приходится иметь, как правило, с маловыразительными деталями снастей: глиняными и каменными грузилами, реже с деревянными или берестяными поплавками. Восстановить по ним достоверно конструкцию сетей бывает трудно, а порой и невозможно. Следует помнить также, что грузилами служили и простые камни, обернутые в бересту или просто перевязанные веревкой. Отличить их в культурном слое от обычных камней нельзя. Тем не менее, четко определимые грузила (рис. 9) рыболовных сетей найдены на многих древнерусских памятниках, а в тех местах, где хорошо сохраняется органика (Новгород, Старая Русса, Белоозеро, Псков, Вологда, Смоленск, Давид-Городок, Друтск и др.), обнаружены также поплавки из дерева и коры. Уже только эти находки позволяют считать лов рыбы сетями в Древней Руси повсеместным.

Способы плетения или вязания сетей хорошо известны по этнографическим данным. Во второй главе отмечены находки на славянских памятниках конца I тысячелетия н. э. целых комплектов костяных острий, с помощью которых плелись сети, наподобие ручной вязки кружев. Такие же орудия неоднократно встречались и при раскопках поселений древнерусского времени вместе с более совершенными костяными и деревянными иглами. Плетение сетей вышеуказанным способом – дело достаточно долгое и трудоемкое. Сейчас мы не располагаем точными данными, когда оно было усовершенствовано. Однако в Новгороде, начиная со слоев середины XIII в., были найдены пять специальных деревянных игл-челноков и шесть деревянных дощечек-шаблонов, ничем не отличающихся от современных, которые позволяли быстро вязать сети практически любого размера со строго фиксированной величиной ячей (рис. 13). Длина новгородских игл-челноков колеблется от 20 до 25 см. Главной особенностью такой иглы, отличающей ее от более древних, является возможность намотать на нее большой запас нити. Поперечные размеры шаблонов, а, следовательно, и ячеей сети варьировались в пределах от 1,5 до 4 см. Сам процесс изготовления сетей напоминал вязание на спицах. Шаблон держали в левой руке, иглу – в правой и, постепенно освобождая ее от нити, вывязывали ячей ряд за рядом. Помимо игл и шаблонов найдены также мотовила, на которые сматывалась подготовленная к вязанию сетей нить. Конечно, изготовить в один прием многометровую снасть было невозможно. Поэтому сети вязали более или менее стандартными кусками, которые затем сшивались в полотнища требуемой длины и высоты. Об этом прямо говорится в Уставной грамоте митрополита Киприана Владимирскому Царевоконстантиновскому монастырю: «а лен дасть игумен в села, а они

прядут сети и дели неводные наряжают»^[182]. Здесь также назван лен как материал для сетей. Более пригодной, т. е. лучшей по качеству, для этих целей была пенька. Обрывок пеньковой сети найден в Новгороде на Славне^[183]. Лен и конопля возделывались на Руси издревле^[184]. Однако вторая высеивалась реже, поскольку вызревала дольше и требовала более тщательного ухода^[185]. Возможно, увеличение площадей под посевы конопли было связано с возрастающими потребностями рыболовства, т. к. в XIX в. большинство промысловых сетей делалось из пеньковой пряжи. Необходимой частью снаряжений сетей являлись длинные веревки: подборы или тетивы, на которые крепились полотнища ячеи, а сверху и снизу подвязывались поплавки и грузила. В XVI в. эти веревки уже продавались на торгах и ярмарках. Так, в 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил в соборное воскресенье на белозерской ярмарке «70 мереж, тетив неводных, 66 груд конопли и 5 кирбей льну, две насадки дегтю»^[186]. Все эти покупки, надо думать, имели прямое отношение к монастырским рыбным ловлям. Приобретались и целые снасти-мережи и материалы для их изготовления – конопля, лен, тетивы, деготь (необходим для предохранения сетей от гниения в воде).

Какие же снасти были известны в Древней Руси? Среди археологических находок домонгольского времени широко представлены грузила из обожженной глины: цилиндрические, шаровидные, несколько вытянутые (рис. 9). Они невелики по размерам, имеют малый вес, а, следовательно, ими огружались небольшие сети. Поплавками для последних служили свернутые в трубку куски бересты (рис. 11); сегментовидные, круглые и листовидные поплавки из сосновой коры (рис. 11); круглые, овальные или треугольные поплавки из нескольких слоев прошитой бересты (рис. 11). Для более крупных сетей применялись грузила из камней, обернутых берестой, наподобие кошелька (рис. 10). Очень широко распространены грузила, изготовленные из плиток сланца, известняка или ракушечника. По форме они напоминают сегмент: в верхней части у них просверливалась дырка, за которую грузила веревкой или ремешком подвешивались к нижнему подбору сети (рис. 9). Известны также грузила оригинальной и довольно древней конструкции: в кольцо из прута вставлялся камень, удерживаемый в центре круга лентами бересты или лыка (рис. 16). Поплавки для больших сетей делались из дерева в форме полукруга или сегмента (рис. 12). Для более плотного и прочного крепления к тетиве внизу у них прорезался паз, а по краям – две дырки или оставлялось два выступа для тонкой соединительной бечевки. Верхняя

часть поплавок имела утолщение, чем увеличивалась его подъемная сила, а также фиксировалось вертикальное положение в воде. Сохранились деревянные петли от ставных сетей и специальные буйки, отмечавшие место опущенных в воду снастей. Есть и навершия ботал (деревянные кольца и рогульки), ударяя по воде которыми пугали рыбу, загоняя ее в сети. Наконец, в Новгороде найдены деревянные обручи от больших сетяных ловушек: мерез или вентирей.

Разнообразие археологического вещевого материала наглядно характеризует высокий уровень технической оснащенности древнерусских рыбаков. Знакомство с находками позволяет утверждать, что уже в домонгольское время на Руси были известны несколько типов сетей. Все они делятся на две большие группы: сети отцеживающие и объеживающие. Первыми как бы процеживают воду на определенном участке водоема. Их передвигают, протаскивают, пускают по течению, сводят концами и вытягивают на берег или в лодку. Вторые ставят неподвижно поперек или вдоль течения реки, а также в заливах и озерах. Рыба попадает в них сама, или ее туда загоняют шумом.

Опираясь на данные археологии, сведения письменных источников и этнографические параллели, представляется возможным составить достаточно подробный перечень сетевых снастей русского средневековья и в общих чертах уловить динамику их развития.

а) Отцеживающие сети

В эту группу снастей входят неводы, кереводы, бродцы и бредники, курицы, плавные сети (рис. 14). Среди них первое место, безусловно, принадлежит неводу, пригодному для круглогодичной ловли и универсальному по назначению.

Находки массивных каменных грузил и больших деревянных поплавок на ряде памятников говорят о широком распространении на Руси X–XIII вв. неводной ловли. Для более позднего времени этот вывод подкрепляется многочисленными свидетельствами самых разнообразных письменных документов. Но и более древние источники, почти никогда не касавшиеся рыболовства, упоминают невод. Так, он назван в составе натурального оброка с города Торопца в Уставе Смоленской епископии (1136–1137 гг. с дополнениями до 1150 г.), изданном князем Ростиславом Мстиславичем^[187]. О рыбаках, ловивших неводом в речке Сетомле под Киевом, рассказывают русские летописи под 1065 г.^[188]

Есть все основания считать невод одним из древнейших и специфически славянских рыболовных орудий. Его название сохранилось во всех славянских языках. В западной Европе сети, конструктивно схожие с неводом, не были известны. Во всяком случае, в XIII в. во время экспансии немецких феодалов в земли западных славян и балтов Орден обнаружил у них большие промысловые сети, которым не удалось подобрать эквивалентного названия ни в немецком, ни в латинском языках. Поэтому, издавая постановления, ограничивавшие право местного населения ловить рыбу, орденские власти передали славянское наименование этих сетей в латинской транскрипции: «Newod»^[189]. В этих же постановлениях отмечаются высокие промысловые качества невода, беспокоящие Орден в связи с быстрым оскудением вновь приобретенных угодий. Спустя три столетия русские неводы поразили воображение Павла Алеппского, сопровождавшего Антиохийского патриарха Макария в путешествии по России. Касаясь посещения Новгорода, Павел писал: «У нас сердце радовалось этому величественному плаванию по прекрасной реке, виду монастырей справа и слева и рыбных ловель с обеих сторон реки, которые производятся большими морскими сетями: их забрасывали с лодок и вытаскивали без всякого труда машинами с колесами, ибо эта река весьма велика»^[190].

Базируясь на свидетельских письменных источниках, древних рисунках, археологических находках в сочетании с исчерпывающими этнографическими данными, можно восстановить конструкцию древнерусских неводов. Как и теперь, невод состоял тогда из двух крыльев с приводами, а в середине помещалась мотня, матка, ядро или неводный рукав^[191]. Ядро невода – сетяной рукав (мешок, матка, мотня) – было его важнейшей частью и делалось из особо прочной и мелкочейистой сети. Куски крыльев, прилегавшие к матке, также изготовлялись из сети с мелкой ячейей. Но чем ближе к краям, тем больше увеличивался размер ячеей в неводных делах (составных частей сети). От крыльев шли длинные веревки – приводы, с помощью которых забрасывали и вытягивали невод. Низ сети огружался тяжелыми каменными грузилами, прикреплявшимися для прочности к нижнему подбору ремешками. Верх поддерживался крупными деревянными поплавками. Такая рациональная конструкция приводила к тому, что при протаскивании в воде наибольшее сопротивление оказывала мелкочейистая центральная часть невода. Поэтому вся сеть выгибалась дугой. Неводом можно было ловить как с берега или лодок, так и подо льдом. Если ловили с берега, то обходились

одной лодкой: закрепив конец невода на специальном колу, всю сеть постепенно выметывали с лодки в воду. Затем лодка с приводом возвращались к исходному пункту. Здесь вручную или воротом, или конской тягой невод выволакивали на берег. При лове на открытой воде требовалось не менее двух лодок, одна из которых или обе разводили и сводили крылья невода. Подо льдом невод протаскивался сквозь прорубленные в определенном порядке полыньи. Здесь также нередко пользовались лошадьми.

Отдельные детали устройства невода хорошо видны на древних рисунках, например, в росписи Спасо-Мирожского монастыря (XII в.) в Пскове^[192] или на миниатюре XIV в. из жития святой Ядвиги^[193]. И там, и там изображен момент извлечения невода из воды. Рыбаки тянут сеть за приводы, в ячеях бьется разная рыба, ее складывают в специальные корзины. Нельзя пройти и мимо хорошо известного рисунка-инициала буквы «М» из псалтыря XV в. Он очень прост и жизненен по сюжету. Два рыбака только что подвели невод к берегу и с усилием тащат его. В руках у одного – весло; он, наверное, вылез из лодки. Рыбакам тяжело, они переругиваются. «Потяни, рыбий сын», – говорит первый. «Сам еси таков», – отвечает второй. В мотне невода можно различить щук и другую, более мелкую рыбу. Неизвестный художник запечатлел в рукописи неоднократно виденную им жанровую сценку. Следует отметить, что и в этом случае, как и в двух предыдущих, неводом ловили с берега. О том же свидетельствует миниатюра Радзивилловской летописи, посвященная событиям 1065 г. на р. Сетомле^[194]. Невод на ней передан крайне схематично. Его держат за края по паре рыбаков с каждой стороны. Несмотря на условность рисунка, автор подчеркнул характерную деталь: рыбаки, находившиеся на берегу, стоят в длинных одеждах; у другой пары одеяние подоткнуто выше колен: вытаскивая невод, им пришлось брести по воде (рис. 16).

Лов неводом проводился коллективно. Два человека могли управиться лишь с очень маленькой снастью. Обычно неводная артель насчитывала 12–16 рыбаков, но доходила и до 30^[195]. Даже в XIX в. неводом редко владел один человек. Все участники ловли были обязаны поставить по два куска (2 дели) мелкочейистой и крупночейистой сети: из них изготавливались крылья. Кроме того, они вносили еще пай веревками. Самая дорогая сеть шла на мотню, сшивавшуюся из двух или более полос. Эти полосы давали самые состоятельные рыбаки, считавшиеся хозяевами невода. Каждыйловец получал от улова два пая (жребия): за работу и за

сеть. Хозяевам полагался еще третий пай: за мотню. Несколько паев выделялось приходской церкви^[196]. Невод не служил больше сезона. Затем его расшивали, а куски наиболее хорошо сохранившейся сети пускали на другие снасти. Чтобы сеть не гнила, ее дубили отваром ореховой коры и смолили. Причем на невод требовалось 2 бочки смолы или дегтя^[197]. Таким образом, снарядить невод стоило больших затрат.

Одним из существенных моментов является вопрос о размерах древнерусских неводов. По данным XIX в., промысловые невода делались длиной от 80 до 360–400 сажень, т. е. много больше полукилометра^[198]. К. М. Бэр высчитал по показаниям Орденских грамот, что западославянский невод XIII в. имел до 90 сажень размаха в крыльях, а, следовательно, около 100 сажень общей длины^[199]. По-видимому, результаты его подсчетов достоверны. Русские источники XV–XVI вв. редко дифференцируют неводы, из чего можно заключить, что их размеры были довольно стандартными. Так, в грамоте Великого Новгорода середины XV в. «о предоставлении «черного бора» с новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу» при раскладке податей невод был приравнен к сохе («а в соху два коня, а третье припряжь»). Следовательно, употреблявшиеся в этих местах в дело невода были приблизительно одинаковыми. Доход они давали немалый, соответствовавший не только производительности крестьянских хозяйств, записанных в «соху», но и прибыли владельцев лавки, кожевнического чана или кузни^[200].

В одной из судных грамот начала XVI в. упомянут невод-сотник, т. е. длиной в 100 сажень^[201]. Однако самые подробные сведения по интересующему нас вопросу содержат Переписные книги Обонежской пятины 1563 г. Хотя указанные документы составлены позже хронологического рубежа данной работы, они постоянно ссылаются на «старое письмо» рубежа XV–XVI вв., что делает их важным источником и для этого времени. В книгах аккуратно перечислены не только виды снастей, но и отмечена их длина. Невода имели размеры по 30–40 или 90 сажень. Например: на реках Челможе, Пялье и Нинеме неводы у крестьян-рыбаков были «пол-30 сажень»^[202], а на реках Шуе и Суне – по 40 сажень^[203]. Зато озерные сети делались вдвое – втрое больше. Рыболовы Кижского погоста ловили 52 неводами по 90 сажень^[204].

Таким образом, древнерусские невода к началу XVI в. делились в зависимости от длины на два типа: речные и озерные. Археологические находки – каменные грузила и деревянные поплавки дифференцированных

размеров – удревяняют эту традицию, по крайней мере, на 400 лет.

Конструктивно схож с неводом *керевод*, упоминаемый в источниках с конца XV в. Сеть эта специально приспособлена для промысла в глубоких озерах. У керевода одно крыло укорочено (окрылок) или вовсе отсутствует. Ловили им с лодки. Первым в воду выбрасывали окрылок, затем мотню (сетяной мешок), а потом окружали большим крылом участок водоема и, сведя концы, вновь втаскивали всю снасть в лодку.

В арсенал русских рыбаков керевод попал, по-видимому, от их западно-финских соседей^[205]. Во всяком случае, им пользовались в северо-западных областях на озере Селигер, а также Онежском и Ладожском озерах. Об этом же говорят и другие названия керевода: керегод или кередега. По данным XIX в., кереводы делались меньше неводов^[206]. Но в XVI в. первые не уступали последним и достигали длины до 100 сажень^[207].

И невод, и керевод не предназначались для лова какого-нибудь одного или нескольких видов рыбы. Они были вполне универсальны. В документах встречаются пометки на этот счет: «А неводы у них по 40 сажень, а ловят лососи, и сиги, и пальи, и всякую мелкую рыбу»^[208].

Со временем, правда, невода приспособили для промышленного лова рыбьей мелочи: главным образом снетков (корюшки), репуксы (ряпушки) и молоди прочих рыб.

К числу древнейших волоковых сетей, известных на Руси, относится и *бредень* (*бредник*, *бродец*). Эта снасть – миниатюрная копия невода. Ловили им в забродку в мелких речках, прудах, заливах. Среди археологических материалов к оснастке бредней относятся, надо полагать, многие берестяные поплавки, свернутые в трубку, а также глиняные грузила. Об этом свидетельствуют этнографические наблюдения: круглое, гладкое глиняное грузило легко скользило по дну, не цеплялось за траву и коряги. Поскольку такие грузила найдены и на раннеславянских памятниках, где они составляют большинство, не лишено вероятности предположение о происхождении невода от бредня. Размеры сети постепенно увеличивались, конструкция усложнялась, но основные составные элементы – крылья и ядро – остались неизменными.

Впервые в письменных источниках бредень назван в составе годового оброка в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136–1137 гг.)^[209]. Упоминается он и в более поздних документах^[210].

Конструкцию древнерусского бредня и способ ловли им рыбы наглядно иллюстрируют миниатюры Евангелия 1524 г.^[211] Особенно

характерна картина встречи Христа с Петром и Андреем. Правда, в евангельском тексте речь идет о морском лове, и сеть братьев названа «мережей»^[212]. Однако под рукой русского художника море превратилось в узкую протоку, от берега до берега которой будущие апостолы за боковые кольца тащат бредень с мотней и крыльями. Хорошо видны и удлиненные глиняные грузила и берестяные полавки. Третий участник лова с берега длинным шестом прижимает ко дну нижнюю тетиву сети. Впереди ловцов трое голых загонщиков выгоняют рыбу из заливчиков и ям. Довершает живописную сцену большой деревянный ушат на первом плане, из которого торчат хвосты и головы уже пойманной рыбы.

Наряду с бреднем ловили рыбу на мелководье и *курицей*, называвшейся в некоторых местностях еще *крыгой*. Основу этой снасти составляли два деревянных изогнутых бруса, напоминающих санные полозы или курицы, поддерживающие кровлю дома. Брусья соединялись прямыми концами, и между ними натягивалась сетка. Ловили курицей втроем: два рыбака вели ее за края, а третий шел сзади, специальным шестом плотнее вдавливая в дно хвостовую часть снасти, чтобы рыба не проскочила низом. В густо заросших водорослями водоемах, где остальные сети путались и скручивались в траве, курица являлась весьма продуктивным снарядом.

Достоверные сведения о ловле рыбы курицами восходят к XV в.^[213] Однако есть все основания отнести древнейшее письменное упоминание этой снасти к XII столетию. В приводившейся выше Уставной грамоте князя Ростислава строка с перечислением урока рыболовными сетями испорчена: «невод, тре...ица, бредник». Сомнительное слово с большой долей вероятности следует восстанавливать, как «курица». Последняя фигурирует в других источниках рядом с бреднем: «А до реки им до Зори дела нет, и з бредники и з курицами по реке по Воре не бродить, и рыбы не ловить»^[214].

К разряду отцеживающих сетей относились и плавные (поплавные) сети. Лов этот производился с двух лодок. Поднявшись вверх по реке, рыбаки разъезжались к берегам, растянув между лодками сеть. Затем они свободно пускали ее вниз по течению, лишь изредка направляя ее движение веслами. Проплыв некоторое расстояние, лодки сходились, сеть просматривалась, а потом вновь сплавлялась по реке. Археологически уловить наличие плавных сетей трудно. Грузила к ним не должны были быть слишком тяжелыми. И глиняные, и небольшие, круглые каменные грузы, часто находимые при раскопках, вполне отвечают этим требованиям.

Такой промысел рыбы именовался «ловить поездом»^[215]. Его исчерпывающее описание сохранилось в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.: «В том же Оштинском погосте угодя у них рыбново на устье на Сверском поезные ловли и приколки хвойные, а поставлено у тех крестьян по берегу на царя великого князя земли на Оштинской стороне 60 избушек, а в избушке живет в осень ловцов по 4 ч., итого 60 поездов, по 2 челна в поезд»^[216].

Наконец, подвижной снастью был *сак*: большой сетяной мешок, закрепленный на деревянном обруче, дуге или специальном каркасе. В источниках иногда встречаются подобные записи: «ловят, господине, и неводом и сетми и саки в речке сачат»^[217]. Вещественным свидетельством лова саками, возможно, являются некоторые из деревянных обручей, найденные в Новгороде.

б) Объячеивающие сети

Добыча рыбы этими снастями, как уже говорилось выше, отмечалась определенным своеобразием. Объячеивающие – ставные сети – главным образом были самоловными снарядами. Их ставили неподвижно в реке или озере на какой-то срок, обычно на путях движения рыбы. Последняя, пытаясь преодолеть неожиданную преграду, запутывалась жаберными крышками в ячее. Рыбаки регулярно проверяли снасти, забирали добычу и по мере надобности сушили сети, чтобы предохранить их от преждевременного гниения. Широко практиковался и ботальный лов. В этом случае сетью окружали часть водоема и, ударяя в воду длинными шестами – боталами, загоняли в нее перепуганную рыбу.

Сюда же следует включить и сетяные ловушки: мережи, вентери и тайники, конструктивно схожие с рыболовными плетенками: вершами, мордами, но сделанные из полотнищ сетей (рис. 15).

Ставные сети не упоминаются в источниках домонгольского времени. Единственным указанием на их существование служит (да и то предположительно) статья 70 Русской Правды» «Аже боудеть росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть то верви искати в себе татя»^[218]. В летописях, правда, термин «сеть» встречается, но в переносном смысле: козней врагов готовящих западню^[219].

Археологические находки, напротив, недвусмысленно указывают на распространение подобного рода снастей и до XIII в. В Новгороде в слоях всех веков обнаружено более 25 петель из прута, привязывавшихся к

боковой кромке сети^[220]. Эти петли набрасывались на специально вбитые в дно водоема кольца, благодаря чему снасть легко снималась и вновь ставилась на место. Такие же петли найдены в Пскове, Ладоге и Белоозере.

К категории массовых находок в тех же пунктах относятся *ботала*, вернее их навершия. Но среди новгородских материалов известны и целые экземпляры (рис. 12)^[221]. Некоторые сведения о конструкции ставных сетей можно извлечь при изучении грузил из камня, вставленного с помощью бересты или лыка в кольцо из лозы. Оригинальная форма грузила, как об этом свидетельствуют данные этнографии, являлась не данью традиции, а несла важную функциональную нагрузку. Дело в том, что обычный груз был не пригоден для крупноячеистой, а тем более многостенной сети. Проскакивая в большие ячей, он бы постоянно путал снасть. Это грузило в кольце было великолепно приспособлено для снаряжения таких сетей. Огружать же им волоковые снасти нерационально, т. к. кольцо цеплялось бы за неровности дна и коряги. К современным многостенным сетям вместо древних сложных грузил привешивают простые стальные или железные кольца.

Наконец, археологическим свидетельством применения в древней Руси ставных сетей служат поплавки разной формы (круглой, овальной, треугольной) из нескольких слоев прошитой лыком бересты с пометками на них. Большинство из этих рисунков были знаками собственности, аналогичными бортовым знаменам и тамгам (рис. 12)^[222]. Рыболовы или владельцы снастей метили в первую очередь ставные сети. Ведь их ставили в воде на ночь, а иногда и на 2–3 дня. Знаки ставились не только на поплавках, но и на грузилах, иначе опознать украденную или случайно взятую сеть было невозможно. Вспоминается цитируемая выше статья 70 Русской Правды, где сеть упоминается в контексте со знаменем.

Несмотря на разнообразие археологических материалов, основываясь только на них, составить полное представление об употреблявшихся древнерусскими рыбаками ставных сетях невозможно. На помощь приходят достаточно обильные сведения письменных источников XV–XVI вв.

Чаще всего в документах называются просто сети^[223]. Но есть и более точные определения. Для лова лососей применялись специальные крупноячеистые сети – *гарвы*, выставлявшиеся рядами на кольях поперек реки^[224]. Сигов ловили сиговыми сетями, плотву и прочую мелкую рыбу – плотичьими: «а сетми гарвами в осенинах ловят красную рыбу лососи и таймени и пальи, а сиговыми сетями ловят сизи, а частыми сетми ловят

плотицы, а неводы у них по 90 сажень, а сети гарвы по 40 сажень, а плотичьи сети частые по 15 сажень, а иные по 20»^[225] или «ловят сетками частыми сизи и всякую мелкую рыбу»^[226]. В той же Писцовой книге Обонежской пятины (1563 г.) отмечены: «сети переметные», «на коле сетная ловля», «кол сетный»^[227]. Словом, налицо узкая специализация ставных сетей. Каждая из них предназначена для лова одного-трех видов рыб. Между собой они отличаются длиной и размерами ячеи. Несколько снижает ценность этих данных время составления Писцовой книги – вторая половина XVI в. Но, во-первых, ее авторы, перечисляя угодья и рыболовные снасти, не раз ссылаются на старое письмо конца XV в. Во-вторых, сети-гарвы, например, фигурируют и в документах середины XV в. (ГВИП, №№ 317, 322). Следовательно, как тип ловецкой снасти, они появились достаточно рано.

В разряд неподвижных сетей входили *мережи* и *сежи*, широко известные у русских рыболовов. Сетями они называются условно – по основному материалу для изготовления. Конструктивно это ловушки, попав куда, рыба не может уже выбраться обратно.

Мережа напоминает по форме конус: на несколько обручей постепенно уменьшающегося диаметра натягивался мешок из мелкочаистой сетки. В обручи каркаса ввязывались от 1-го до 3-х узких горла, хвост мережи перетягивался бечевкой. У входа в мережу на кольях ставились сетяные крылья: наткнувшись на них, рыба в поисках прохода оказывалась в ловушке. Существовало несколько способов лова мережами. Их выставляли попарно – друг против друга, – или длинной вереницей (порядком) свыше 10 штук, или помещали в отверстия в рыболовных заборах.

Выше приходилось подчеркивать, что в памятниках церковно-житийного круга слово «мережа» употребляется в смысле «сеть вообще». Но в юридических документах XV в. ее значение как особой снасти не вызывает сомнений: «А опиришим осмь ловцем тово озера ни реки Лосты, ни тех речек малых ловити не велел мережами или иною некоторою ловлею»^[228]. О более древнем применении мереж говорят несколько находок обручей и даже их целых наборов в слоях XIII–XIV вв. в Новгороде^[229].

Сежи представляли собой большой сетяной рукав-мешок, укрепленный на квадратной раме. Ловили ими со специальных помостов или же вставляли в проходы-ворота в езах и заколах. В археологических материалах обнаружить детали сеж почти невозможно, но в письменных

источниках XIV–XVI вв. они названы неоднократно: «А иным есмь людем не велел рыбы ловити никому на той реце на Великой Шерне, ни зиме, ни лете, ни сежь есмь им бити никому не велел на той реце»^[230].

В заключение обзора древнерусских сетяных снастей необходимо остановиться на вопросе об их происхождении и территориальном распространении. Как свидетельствуют письменные источники, в распоряжении русских рыболовов к XVI в. находилось большое и разнообразное число промысловых сетей; по крайне мере два (озерный и речной) вида неводов; простейшие волоковые сети типа бредней и куриц; кереводы, ставные и ботальные сети всех размеров для добычи определенных рыб, а также сети-ловушки (мережи, сежи).

Уже сам по себе этот факт доказывает высокий уровень развития на Руси рыболовства, причем промыслового характера, т. к. большинство из указанных снарядов были рассчитаны на массовый лов рыбы. Некоторые из перечисленных снастей имели локальное распространение. Так, кереводы (керегоды) бытовали у рыбаков на северо-западных озерах. Лососевые сети – гарвы (жарвы) – применялись в Обонежье вместе с сиговыми сетями. Повсеместно были в хождении неводы, бредни и курицы. Согласно показаниям сравнительной лингвистики, данным археологии и сведениям письменных источников, эти снасти играли важную роль в восточно-славянском и русском рыболовстве уже с древнейшей поры.

Ботальные и ставные сети, насколько можно судить по материалам раскопок в Новгороде, спорадически использовались в X–XI вв., но их широкое внедрение в повседневную рыбацкую практику приходится на вторую половину XII – начало XIV в.^[231]

На этот рубеж приходятся, по-видимому, серьезные изменения во всей системе древнерусского рыболовства. В XIII в. усовершенствуется техника изготовления сетей, появляются мережи^[232], в несколько раз увеличивается ассортимент рыболовных крючков. Надо полагать, под воздействием глубоких экономических процессов характер рыбного производства получил иное качественное направление, о чём ниже речь будет идти подробнее.

Прогрессивное развитие рыболовных орудий, прежде всего сетей, шло в двух аспектах. С одной стороны, постоянно увеличивались их размеры, а следовательно, повышалась добычливость. С другой стороны, снасти специализировались, приспособлялись наилучшим образом для лова наиболее ценных пород рыб, что также указывает на рост интенсивности промысла.

Ловушки, преграды, запорные системы

Одним из древнейших и широко распространенных на Руси и в соседних землях способов рыболовства была добыча рыбы плетеными ловушками, а также с помощью простых и более сложных преград – заборов: котцев, колов, приколков и езов. Возникновение этих приемов лова восходит, по крайней мере, к эпохе мезолита, если не к верхнепалеолитическому времени^[233].

Остатки подобных снарядов изредка находят археологи и на территории Восточной Европы, главным образом на торфяниковых стоянках или в речных и озерных отложениях^[234].

К сожалению, археологических материалов для реконструкции перечисленных рыболовных орудий древнерусского периода нет. Хотя их массовое использование, судя по сведениям письменных источников и этнографическим данным, не вызывает сомнений.

Самыми простыми по устройству ловушками были *мерды* или *морды* (рис. 15), которые плелись из лозы наподобие корзин. Они снабжались воронкообразным входом, узким отверстием, обращенным внутрь. Оказавшись в ловушке, рыба уже не могла найти выхода. В морды часто клали пахучую приманку.

Идентичными с первыми по конструкции, но более развитых форм и крупнее размерами были *верши* (рис. 15). Для их изготовления применяли и сосновые планки. Кстати, верши упомянуты в новгородской берестяной грамоте № 248 рубежа XIV–XV вв. в связи с жалобой карел на притеснения с «немецкой» стороны^[235].

В предыдущем разделе отмечалось, что верши послужили прототипом для больших сетяных ловушек-мереж, сохранивших форму и каркас своих предшественниц, но сменивших прутья или дранку на сеть. Сходным было и их промысловое назначение. Во-первых, вершами ловили самостоятельно, расставляя их поштучно в местах скопления рыбы. Во-вторых, они применялись в комбинации с различного рода преградами.

К простейшим сооружениям, устроенным по принципу лабиринта, относились *котцы* или *вотцы*. Их можно назвать садками-самоловами. Делали котцы из планок, прутьев, а чаще из камыша, тростника или соломы. Заходя в них, рыба сразу не находила обратного выхода и застаивалась на месте. Рыбаки периодически извлекали ее из котцев сачками. Лов этот, как свидетельствуют письменные источники,

наибольшее распространение получил в северо-западных землях, прежде всего в Псковской^[236]. Здесь даже существовала в XV–XVI вв. профессия – кочетники, правовое положение которых определено Судной грамотой^[237].

Весьма продуктивным был промысел рыбы с помощью перегораживавших ручьи и реки деревянных заборов, сообщения о которых имеются и в летописях, и в писцовых книгах, и в актовых документах. Источники различают колы, приколки, езы и заборы; кроме того, в них говорится о забивании истоков, прудов, а также о глушицах и перекопанях, т. е. земляных запрудах. Все эти сооружения носили долговременный характер, требовали постоянного ухода, многих рабочих рук и большого количества разнообразного строительного материала. Действовали они по одному принципу: перекрывали свободный проход рыбе, задерживали ее в определенных местах. Поэтому рыболовные преграды сооружались чаще всего рядом с естественными препятствиями: перекатами, порогами, мелями, создававшими дополнительные трудности для движения рыбьих стай.

Главный лов ими производился в периоды икрометания, когда рыбы большими массами устремлялись на залитые водой луга, в старицы, озера; поднимались вверх по рекам, входили в мелкие притоки. До того как спадет полая вода и отметавшие икру рыбы вновь «скатятся» в основное русло реки или акваторию озера, стремились отрезать ей пути отступления: забить истоки, верховья (вершища), притоки. Перегораживали также устья рек и речек при их впадении в моря и озёра. Словом, промысел этот всегда базировался на естественном явлении: ежегодном передвижении огромных масс рыбы на нерестилища (места икрометания). Ведь, подчиняясь великому закону природы, пускались в путь не только проходные виды рыб (например, большинство осетровых и лососевых), но и полупроходные и туводные (никогда не покидающие своего водоема). Одни проплывали тысячи километров – скажем, от устья Волги до ее верхнего течения; другие – не более десятка, например из Ильменя в Волхов или Мсту или из Плещеева озера в Вексу; третьи, наконец, устремлялись лишь на прогретые солнцем заливные луга, где в траве и кустарниках оставляли миллионы икринок. Но даже такое, почти неприметное, движение создавало благоприятные условия для массового лова рыб.

Люди издревле подметили эту закономерность и старались не упустить благоприятного случая пополнить свои запасы свежей и заготовленной впрок рыбой. Наверное, и сама идея воздвигнуть на пути

рыбы преграду возникла из наблюдения за постоянным скоплением рыбьих стай около естественных препятствий, благодаря чему и лов там был успешнее и проще. Сначала ловили застаивавшуюся у заборов и плетней рыбу корзинками и сачками. Потом, по-видимому, стали оставлять в частоколах проходы-ворота, в которых устанавливали ловушки.

Все древнерусские запорные рыболовные системы были комбинированными: деревянные или земляные преграды сочетались с плетеными и сетяными ловушками или были приспособлены для лова рыбы сетями. Простейшими среди них были «приколки хвойные»^[238], т. е. небольшие плетни из веток ели или сосны. Рыба в поисках корма задерживалась около них и становилась добычей рыбаков.

Более сложными сооружениями являлись *колы* или *заколы*, возводившиеся на реках Северо-Западной Руси^[239]. Основу их составлял вбитый в дно реки частокол. Промежутки между колами закрывались пряслами из сосновой дранки. Ловили в заколах разную рыбу, но главным образом лососей. «На Суме реке в порогу поставлен кол рыбный, а ловят в нем в межень и осень всю и до морозов рыбу морскую лосося и тинды и семгу»^[240]. У кола через реку Выг добывали лососей, тинду, сига, гарюсов, «а в осень рыбу большую семгу»^[241]. Выше упоминались «колы сетные» или «на колы сетная ловля». В этих сооружениях сети заменяли загородки из дерева.

Наконец, известны *колы*, приспособленные специально для весеннего лова^[242].

Думается, что колам северо-западных рек на северо-востоке и в центральных районах Руси соответствовали заборы^[243] и частоколы, перегораживавшие истоки и вершища^[244]. Источники вполне определенно говорят об этом. Например, из жалованной грамоты 50-х гг. XV в. великого князя Василия Васильевича Чудову монастырю: «И яз князь велики, пожаловал старца Аврамья, велел есмь исток забити к моему берегу» становится ясно, что князь разрешил перегородить протоку рыболовным частоколом от монастырской земли до своего берега^[245].

Самыми совершенными, в полном смысле инженерными сооружениями для лова рыбы были *езы*, неоднократно отмеченные в документах XV–XVI вв.^[246] Материалы конца XVI в. (данные Белозерской езовой книги 1585 г.) дают конкретное представление не только о конструкции еза, но и о количестве лесоматериалов, необходимых для его постройки, и о масштабе работ^[247]. На дно реки (Шексны) опускались козлы – толстые бревна с двумя распорками. К ним примыкали клетки:

деревянные срубы, забитые камнями. Между клетками устраивались засовы. Сверху делались переходы-переклады. В езу оставлялись ворота – проход для судов и лодок. В местах, где устанавливались снасти, клали настилы-сежи. Кроме того, много бревен шло на грузы, дополнительно укреплявшие ез. Требовалось также снарядить паром. В целом для постройки одного большого еза заготавливалось около 200 стволов деревьев длиной от 2-х до 12 сажен, 1500 жердей, тес. Сооружали его 16 человек во главе со специалистом-мастером в течение 4 и более недель. Лес рубили заранее окрестные крестьяне.

Осталось сказать несколько слов о других, менее распространенных рыболовных сооружениях. Иногда перекапывали русло речки (делали запруды или отводили его в сторону), чтобы создать непроточную заводь-глушицу^[248]. Заходившую в нее рыбу вылавливали сетями.

В новгородских источниках удалось обнаружить сведения еще об одном оригинальном способе лова. Расшифровать их помогли данные по ильменскому рыболовству, изложенные в IX томе Исследований о состоянии рыболовства в России. Речь идет о несколько загадочной записи в Писцовой книге Шелонской пятины: «Да в тех же волостях у крестьян 14 веж рыбных, а неводов у них 33 и с теми, что ловят из дворов, и в тех вежах хрестьяном ловити рыба по старине»^[249]. Из каких дворов ловят неводом? Оказывается, двором в середине XIX в. на Ильмене называлось специальное рыболовное устройство. Во время половодья, до спада воды заколом перегораживался сток пойменного озера или речушки. Около искусственной преграды скапливалась отставшая икру рыба. Тогда на некотором расстоянии от первого забивали второй забор. Пространство между ними очищали от хлама, выравнивали и углубляли. Затем в первом заколе поднимали заслоны, и рыба устремлялась в подготовленный для нее загон-садок (двор). Здесь она могла находиться до осени, и по мере надобности ее добывали неводом.

Даже беглое знакомство с многообразием форм и методов ловли рыбы при помощи запорных систем в Древней Руси XIV–XVI вв. оставляет впечатление широкого, если не повсеместного распространения этого вида промысла. Можно с уверенностью утверждать, что по своему значению он уступал лишь лову неводами, имевшему, безусловно, всеобщий характер. Письменные источники, причем далеко не исчерпывающие, сотнями свидетельств подкрепляют этот вывод. Наибольшее развитие такое рыболовство получило в северных землях русского государства, чему благоприятствовали природные условия: разветвленная озерно-речная сеть

и изобилие леса.

Наметились и территориальные различия. В новгородских областях преобладали сооружения типа колов (заколов). На северо-востоке, особенно в Белозерском крае, первенствующее положение занимали езы. Расхождение здесь не в терминах, а в конструкции тех и других. Например, в писцовых книгах Обонежской пятины указаны как колы, так и езы. Первые были проще по устройству, меньшего масштаба. Езы же для своего времени являлись сооружениями внушительными и сложными. Постройка их обходилась недешево, к тому же требовала определенных навыков и мастерства.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Преграды и запоры нуждались в ежегодном обновлении и ремонте. Весенний ледоход если не полностью уничтожал их, то наносил серьезные повреждения. Восстановительные работы отнимали много времени и рабочих рук. Факт сам по себе немаловажный, подрывающий теорию «подсобной» роли рыболовства в хозяйственной деятельности древнерусского населения.

Остался невыясненным вопрос об удельном весе запорных систем в рыбном промысле X–XIII вв. Отсутствие прямых указаний источников затрудняет его решение. Однако есть все основания полагать, что и в это время они широко применялись. Во-первых, глубокая древность перечисленных способов лова документально зафиксирована археологическими находками и этнографическими наблюдениями. Во-вторых, на некоторых из древнерусских памятников найдены кости рыб и скопления рыбьей чешуи, но не обнаружено никаких рыболовных орудий. Объясняется это, по-видимому, применением плетеных ловушек и иных деревянных снарядов.

Произошли ли со временем какие-нибудь изменения в конструкции названных сооружений? Так же как и другие орудия, они улучшались с целью повышения их продуктивности. Наибольший эффект давало, разумеется, комбинированное использование заколов и езов с сетяными снастями. Хотя твердых критериев в распоряжении исследователей нет, всё-таки можно подметить постепенное расширение зоны применения более совершенных, чем прочие рыболовные заборы, езов. Если в Новгородских писцовых книгах рубежа XVI в. езы не упомянуты вовсе, то уже во второй половине этого столетия они появляются в Обонежской пятине.

Вспомогательное рыболовное снаряжение и оборудование промыслов

Помимо различных орудий лова древнерусские рыбаки пользовались разнообразным вспомогательным снаряжением. Для многих видов промысла были необходимы лодки. Детали судов, вёсла, уключины, скамейки и т. д. обнаружены в Новгороде уже в слоях X в.^[250] Лодка в хозяйстве рыбака – вещь столь же существенная, как и сами снасти. Поэтому широкое развитие рыболовства косвенным образом указывает и на массовое строительство челнов и лодок. Выше приводились примеры, когда рыбу ловили одновременно не только легкие челны, но и суда большой грузоподъемности. Ведь сама сеть весила больше 300 кг, а добыча достигала иногда нескольких центнеров.

Специальное снаряжение требовалось и для зимнего промысла (рис. 17). На древнерусских памятниках с конца X в. встречаются массивные, втульчатые, долотовидные наконечники из железа – *пешни* (единичные экземпляры их найдены и на поселениях роменско-боршевского типа). По форме своей они ничем не отличаются от современных. Принцип их действия – тот же. Пешней, насаженной на деревянную рукоять, пробивали проруби во льду, куда опускали сети и другие снасти. Наконечники пешней найдены на всей территории Древней Руси, что свидетельствует о повсеместном распространении зимнего рыболовства. Форма большинства наконечников (желобчатое долото) очень устойчива и почти не изменяется во времени. Они становятся лишь более массивными, тяжелыми, т. е. пригодными для пробивания толстого льда. Лишь в Пскове найдена пешня несколько иного типа: широкая втулка переходит в четырехгранный наконечник со срезанной под углом в 45° рабочей частью. В новгородской коллекции есть также топор – ледоруб с узкой и необычайно длинной лопастью.

Существует еще одна категория находок, непосредственно связанная с зимним промыслом рыбы. Во многих пунктах обнаружены овальные прорезные пластины с 3–4 шипами и двумя петлями для повязок. В археологической литературе за ними прочно утвердилось название древолазных шипов из арсенала древнерусских бортников^[251]. Однако точно такие же по форме приспособления и сейчас используются рыбаками во время подледного лова рыбы. Неудачен также термин

«ледоходный шип». Ходить по льду можно и без специальной обуви, а вот работать на льду, вытягивать из проруби многопудовую сеть, когда ноги скользят и не находят точки опоры, нельзя. Таким образом, «шипы» указанного типа принадлежат рыбацкому снаряжению зимних ловцов рыбы. Они очень удобны, легко снимаются и надеваются на любую обувь.

Помимо пешней и «шипов» во время подледной ловли употреблялись и другие вспомогательные орудия: *жерди-рели*, с помощью которых сеть протаскивалась из проруби в прорубь; *костыль* – сошло для пропихивания жердей; черпак для удаления наледи из полыньи и др... До сих пор они в раскопках не найдены, но сомневаться в их существовании в то время, по-видимому, нет основания.

Рыбные промыслы оборудовались также специальными сооружениями для просушки сетей, избушками, где рыбаки жили в течение длительного времени, пристанями, садками для пойманной рыбы.

Как археологический материал, так и многочисленные сведения письменных источников рисуют достаточно красочную картину развития рыболовства в Древней Руси в X – начале XVI в. Богатый набор снастей и снарядов из года в год и из века в век пополнялся новыми, более совершенными орудиями. Ведущее место в промысле заняли наиболее прогрессивные способы лова с помощью больших сетей (неводов) и деревянных заборов – езов.

Глава IV. Промысловые рыбы, сезоны и места лова. Способы хранения и переработки рыбы

При изучении истории древнерусского рыболовства нельзя обойти стороной существенный вопрос о видах рыб – основных объектах промысла. Его детальное исследование прольет дополнительный свет на целый ряд важных для данной темы проблем: преимущественное использование тех или иных орудий лова, степень его интенсивности, тип эксплуатируемых водоемов, сезоны промысла.

К сожалению, в письменных памятниках домонгольского времени почти не встречаются названия рыб. Упомянуты лишь осетр, карп и карась^[252]. Однако, рыба вообще, как вылавливаемая рыбаками, так и подаваемая к столу или поступившая в продажу на городском торге, отмечена в летописях и иных источниках не раз^[253]. Из некоторых сообщений, например о пирах Владимира Святославовича в Киеве или о трех саях рыбы, взимавшихся по грамоте Ростислава Мстиславовича с города Торопца, можно составить представление о довольно значительном объеме промысла. Тем не менее ответить в полном объеме на поставленные вопросы, руководствуясь только сведениями письменных источников, нельзя.

Чрезвычайно ценный в интересующем нас плане материал дает обследование специалистами-ихтиологами костных остатков и чешуи рыб из археологических раскопок. Несмотря на известные трудности, а также на ограниченный круг изученных в этом отношении памятников, полученные результаты уже сегодня имеют первостепенное значение.

В работе учтены палеоихтиологические данные по 18 пунктам. Практически они охватывают большинство основных древнерусских земель (за исключением Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств). Среди них есть и крупные культурно-экономические центры (Новгород, Псков, Рязань), и небольшие пограничные города-крепости (Воинь, Гродно), и второстепенные, рядовые городки и поселения (Княжая Гора, Трубчевск, Липенское городище и др.). Правда, все они относятся к разряду городских, военных или владельческих центров. Хорошо изученных материалов из сельских поселений нет. Большинство исследований

выполнены на кафедре ихтиологии биологического факультета МГУ профессором В. Д. Лебедевым и его учениками.

Палеоихтиологические коллекции древнерусского времени далеко не однородны. Некоторые (Новгородская, Псковская, Ладожская, Донецкая) представлены тысячами экземпляров костных останков и чешуи рыб, другие (Гродненская, Шестовицы, Дрогичин, Волковыск) – сотнями, а третьи (Воинь, Липинское городище, Вщиж, Сунгиревское селище) – десятками. В отдельных случаях их нельзя расчленить во времени и приходится рассматривать суммарно. Перечисленные факты, конечно, несколько снижают достоверность выводов, но ни в коей мере не обесценивают их вовсе.

Весьма ценным свойством указанных материалов является возможность сравнивать их между собой, поскольку многие из них (например, новгородские и ладожские, псковские и с городища Камно, из Гродно и из Волковыска и т. д.) не только добыты на памятниках, принадлежащих одному водному бассейну, но и территориально близко расположенных.

Список рыб, охваченных промыслом в Древней Руси (до XIII в.), по палеоихтиологическим данным насчитывает 29 видов: осетр русский, осетр балтийский, севрюга, стерлядь, семга, кумжа, сиг, сига́лов (волховский), сиг лудога, сом, налим, щука, судак, окунь, ерш, лещ, синец, сырть, язь, голавль, жерех, чехонь, густера, сазан, линь, карась, плотва, красноперка, вырезуб, уклея, распределяющимся по 6 семействам: осетровые, лососевые, сомовые, тресковые, щуковые и карповые. Кроме того, найдены кости сельдей – по всей вероятности, привозных.

Нетрудно заметить, что по сравнению с предшествующим периодом (см. главу II) уловы стали разнообразнее. Количество разновидностей рыб в них увеличилось почти вдвое (29 против 17). Значительно возросло промысловое использование карповых (на 5 видов). Появились новые объекты лова: семейства лососевых и тресковых.

Даже столь предварительные наблюдения свидетельствуют о дальнейшем и весьма прогрессирующем развитии рыболовства. Промысловые способы лова – невода и сети – преобладают над индивидуальными – крючными снастями и колющими орудиями. Об этом позволяют говорить рост удельного веса карповых, добывавшихся главным образом сетями, и появление лососевых. Следовательно, подмеченные явления не только не противоречат обнаруженным выше изменениям в рыбацкой технике, но, взаимно подкрепляя друг друга, указывают на определенные сдвиги в древнерусской экономике.

Чтобы лучше уяснить существо затронутой проблемы и разобраться в поднятых вопросах, обратимся к следующей таблице:

Поселения	Осетр рус- ский	Осетр балтий- ский	Сев- рюга	Стер- лядь	Лососи проход- ные	Сиги	Сом	Щука	Судак
Ладога		x				x	+	x	x
Новгород		–				–	–	x	x
Псков		–					–	x	–
Камно							–	+	
Гродно					–		x	–	+
Волковыск		–			–		+	x	–
Дрогичин								„	
Княжая Гора							„	„	„
Воишь	x						x	+	–
Шестовицы							–	+	–
Трубчевское гор.								+	x
Липинское гор.			x				+	+	
Донец	–		–				x	x	+
Белая Вежа	„						„		
Ст. Рязань	–			+			–	x	–
Сунгиревское сел.								„	

Условные обозначения:

- x – основной объект промысла;
- + – второстепенный объект промысла;
- случайный объект промысла;
- , – присутствует (точнее не обозначен).

Состав таблицы не совсем однороден, поскольку в нее включены материалы не только X–XIII вв., но и находки из нижних слоев Пскова, Камно и Ладоги, а также из верхних горизонтов Новгорода и Гродно. Относительно первых трех памятников выше приходилось отмечать, что имеющиеся по ним данные в целом не меняют общей картины рыболовства в VII – X вв. Избыточные материалы по Новгороду и Гродно в основном датируются XIV в. и лишь усиливают главные выводы.

Какими же особенностями, отраженными в таблице, характеризуется древнерусский рыбный промысел указанного времени? Прежде всего, появились поселения, в уловах которых присутствует около 20 видов рыб.

Это Новгород, Псков, Донец, Старая Рязань, Камно и отчасти Ладога, т. е. большие города с развитой экономикой и их пригороды. Некоторое исключение составляет Донец, не входивший в число важнейших центров Киевской Руси. Но здесь по не совсем ясным причинам (может быть, в результате многолетних и тщательных сборов палеоихтиологических находок?) уровень развития рыболовства выглядит высоким. Для сравнения достаточно вспомнить, что в предыдущий период только в уловах двух памятников (городище Титчиха и селище на окраине Полтавы) представлено по 12 видов рыб. Но это как раз те поселения, верхний хронологический рубеж которых приходится на конец X, если не на первую половину XI в.

Иными словами, высказанное предварительно соображение об успешном развитии рыболовства в древнерусское время вполне подтверждается конкретными фактами. Причем процесс этот охватывает в первую очередь крупные городские центры, и не случайно. Думается, перед нами еще одно свидетельство быстрого роста общественного разделения труда в русских городах, когда вслед за ремесленниками по металлу, серебряниками, гончарами, костерезами появляются специалисты, поставлявшие продукты питания: мясники, огородники, рыболовы, калачники и т. д.

Рассмотрим подробнее видовой состав промысловых рыб. Если на поселениях роменско-боршевского типа везде превалировала щука, иногда сочетаясь с судаком, окунем или сомом, то теперь пресноводная хищница утратила свое исключительное положение. На первое место чаще выходит лещ, ему сопутствуют синец, плотва, возрастает процент сазана. Доля карповых в некоторых случаях увеличилась (например, в Пскове и Камно) до 40,72–73,14 %^[254], а на Донецком городище – до 54,5 %^[255]. Вновь тезис о сетевых снастях, ставших в Древней Руси основными орудиями промысла, аргументируется не только археологическими вещевыми материалами, но и палеоихтиологическими находками. Помимо карповых в ряде случаев (Ладога, Воинь, Ст. Рязань) большой вес в уловах приобретают осетровые или лососевые (Ладога). Много добывается судака (Новгород, Ладога, Гродно, Трубчевское городище, Донец). Иногда важное место в промысле занимает сом (Гродно, Воинь, Донец) или линь (Шестовицы). Все эти особенности отчасти объясняются местными условиями, характером и ихтиофауной ближайших водоемов.

Общей чертой является всё-таки постоянное присутствие щуки (в тех или иных количествах), нередко вместе с сомом и крупными осетровыми, что указывает на известное развитие крючных и колющих орудий лова, т. е.

индивидуального промысла.

Подсчеты возрастных категорий рыб, преобладавших в тех или иных уловах, произведенные специалистами, согласно показали, что вылавливались преимущественно рыбы старших возрастов и темп их роста по сравнению с рыбами в современных уловах был замедленным. Это обстоятельство свидетельствует о еще недостаточной интенсификации промысла, когда местное рыбье стадо им мало нарушено. В противном случае (например, в наши дни) лов базируется на младших возрастных группах, т. к. в результате активной добычи рыбы не успевают состариться. Зато темп их роста увеличивается, т. к. кормовая база с сокращением численности промысловых рыб у оставшихся особей значительно улучшается.

Правда, следует заметить, что не в меньшей степени (если не в большей!) на численность и видовой состав рыб того или иного водоема оказывают влияние такие факторы, как вырубка лесов и лесосплав, сброс промышленных вод, интенсивное судоходство, строительство гидросооружений. В древнерусскую эпоху с ними практически можно не считаться, а значит, определяя характер промысла, надо внести соответствующую поправку.

Всё-таки определенные указания на рост интенсивности рыбного промысла палеоихтиологические находки дают. Возьмем, к примеру, Ладогу и Новгород. Оба города расположены в сходных географических условиях в системе одних водоемов (Ильмень – Волхов – Ладожское озеро). Большинство ладожских материалов датируются IX–X вв., а новгородских – X – первой половиной XII в. И там, и там, в числе главных промысловых рыб были судак и лещ. Сравнивая возрастные показатели и коэффициенты роста тех и других, Е. К. Сычевская установила омоложение промыслового стада судаков и лещей в Новгороде и некоторое ускорение темпов их роста^[256]. Существенное значение этих наблюдений не вызывает сомнений.

Есть в распоряжении исследователей и другие, не менее красноречивые факты. Основная масса костей и чешуи рыб, найденных в Пскове, датируется XI в. включительно. О Ладоге речь шла выше. Исследуя их, В. Д. Лебедев пришел к интересному заключению. Почти полное отсутствие в Пскове судака, наряду с заметным присутствием жереха и голавля (типично речных рыб) подтверждает, «что промысел древнего Пскова, по-видимому, производился в реках Великой, Пскове, а также в дельте и предустьевом пространстве р. Великой, не захватывая открытой

части озера»^[257]. Аналогично и в Ладоге: основной лов велся близ устья Волхова и в самой реке^[258]. Зато в Новгороде в уловах безраздельно господствовал судак, за ним следовали лещ и щука (все – жители открытых озерных пространств, особенно судак)^[259]. Следовательно, новгородцы уже, не пренебрегая рекой (жерех, голавль), перешли к широкому освоению всей акватории озера Ильмень. Вывод очевиден: интенсивность промысла в Древней Руси возрастала поначалу за счет освоения открытых водных пространств, больших водоемов.

Проиллюстрируем настоящее положение еще одним примером. Комплекс археологических памятников в Шестовицах хорошо датируется X – началом XI в. Обработанная оттуда палеоихтиологическая коллекция показала, что в уловах абсолютно преобладал линь (житель илистых заливов и стариц), второстепенным объектом была щука, а все остальные – карась, плотва, лещ и др. носили в уловах случайный характер. Без сомнения, рыба добывалась там в основном в старицах и других придаточных водоемах^[260].

Второй путь интенсификации рыболовства (в общем, однозначный с первым) демонстрируют материалы из Гродно, Волковыска и Донца. В слоях Гродно XI – нач. XIII в. сохранились кости рыб по числу видов почти вдвое меньше, чем в соответствующих горизонтах XIII–XIV вв.: лососевые, щука, плотва, голавль, лещ, сом, судак, окунь^[261]. Еще более показательны данные по Волковыску. Там в напластованиях X–XI вв. встречены: голавль, лещ, окунь; XI–XIII вв. – осетр, щука, красноперка, лещ, сом, судак, окунь; а в XIII–XIV вв. – осетр, лососи, щука, окунь, судак, плотва, красноперка, жерех, линь, лещ, и сом – всего 11 видов против 7 и 3^[262]. Комментарии излишни. Из века в век промысел охватывал всё большее число видов рыб, причем резкое увеличение приходится, по-видимому, на XIII столетие. Наконец, остановимся на находках из Донецкого городища, у которого древнерусский слой (X–XIII вв.) подстилается отложениями роменско-боршевского времени. Как бы ни объяснять отсутствием достаточных материалов для характеристики рыболовства жителей раннеславянского поселения, соотношение 11-ти (щука, карась, окунь, лещ, плотва, синец, линь, осетр, сом, красноперка, сазан) к 2-м (щука и окунь) слишком показательны^[263].

Перечисленные примеры свидетельствуют о решительном переходе древнерусских рыбаков на более продуктивные, уловистые снасти – по всей видимости, различные сети, роль которых повысилась за счет снижения значения индивидуальных способов лова. Об этом же отчасти говорят и

данные по Новгороду, Пскову и Ладоге.

Итак, взятые вместе вещевые находки (рыболовные орудия и их детали) и палеоихтиологические материалы служат надежным критерием дальнейшего развития рыбацкой техники в период X–XIII вв. Они заставляют предположить возникновение новых и усовершенствованных старых снарядов для лова рыбы, чем опровергают бытующее мнение о якобы вполне сложившемся и не претерпевшем серьезных изменений наборе орудий и снастей у русских рыбаков на протяжении длительного времени (VIII–XIII вв.)^[264]. Первоначально промысел базировался на небольших, доступных более примитивным и простым способам рыболовства в придаточных водоемах. Постепенно он охватывает крупные водные бассейны и выходит на широкие озерные пространства. Без технического перевооружения этого не могло бы быть. Наметившиеся сдвиги свидетельствуют и о втором важном явлении: такое рыболовство нельзя считать спорадическим, ведущимся от случая к случаю, временным. Оно было постоянным, регулярным, использовавшим разнообразную ихтиофауну, а, следовательно – профессиональным или полупрофессиональным. Процесс трансформации рыбного промысла в самостоятельную отрасль хозяйства шел постепенно, но существенные успехи в нем определились на рубеже XII–XIII вв.

Помимо общих аспектов развития рыболовства в Древней Руси палеоихтиологические находки дают представление и о некоторых его частных особенностях. Они рельефно выступают в таблице. В уловах группы памятников (Гродно, Воинь, Донец, Белая Вежа, а также Княжая гора и отчасти Волковыск) велика доля таких видов рыб, как сом, щука и осетр, добывавшихся в первую очередь крючными и колющими орудиями. Археологические данные этому вполне соответствуют. Именно из раскопок названных поселений происходят обширные (по несколько десятков и свыше 100) коллекции рыболовных крючков и наконечников острог. Общим для них является месторасположение по берегам рек (Днепр, Неман, Дон, Сула и т. д.). Если прибавить сюда многочисленные находки крючков и острог из Ярополча-Залесского, Девич-горы и Изяславля, то наметится некоторая закономерность. По-видимому, в речном рыболовстве удельный вес крючных и колющих снастей оставался высоким. Но в то же время в Старой Рязани такого соотношения нет, семейство карповых (а следовательно, и лов сетями) в ее уловах представлено очень широко. Дело, таким образом, не столько в специфике речного промысла (она, конечно, была), сколько в экономическом развитии указанных поселений. В крупных городских центрах рыбный промысел велся с большим размахом и

более продуктивными средствами.

В свою очередь, в озерном рыболовстве (что видно на примере Новгорода и с отдельными оговорками Пскова, Ладоги, а также Белоозера) сети раньше получили предпочтение перед другими орудиями лова.

Для следующего исторического периода (конец XIII – начало XVI в.) количество археологических источников сокращается, а палеоихтиологические данные почти полностью отсутствуют. Исключения составляют Новгород, Псков, Москва и некоторые другие города и поселения. Зато возрастает число письменных свидетельств. Из летописей, а особенно из писцовых книг и различных актовых материалов можно извлечь многочисленные сведения о рыбном промысле, вполне компенсирующие нехватку вещественных памятников.

Поэтому есть хорошая перспектива продолжить начатое исследование путей развития древнерусского рыболовства. В главе III на основании данных письменных источников описаны бытовавшие тогда типы рыбацких снастей, отмечены их количественный рост и узкая специализация на лове одного – нескольких видов рыб. Доказано, что ведущими в промысле были большие сети (невода, кереводы, гарвы и пр.), а также долговременные деревянные сооружения (езы и заколы). Эти факты сами по себе указывают на качественно новую ступень в истории рыболовства на Руси, ставшего в подлинном смысле слова промысловым, рассчитанным на широкий круг потребителей.

Попытаемся сопоставить уже полученные результаты с материалами, характеризующими объекты лова, его интенсивность, водоемы, охваченные промыслом, и т. д.

Прежде всего рассмотрим список рыб, присутствовавших в уловах. Источники часто специально оговаривают добычу высокосортной «красной» рыбы: осетровых и главных лососевых, называя прочую – «рыбой белой» или «мелкой»^[265]. В них упомянуты: осетр, стерляди, лососи, семга, лохи, выхлохи, межень, тинда, таймени, пальи, гарюсы, сизи, сизи-невские, лудога, лудожина, белорыбица, нельма, курва, репукса, щуки, судаки, окуни, острецы, ерши, лещи, сырты, язи, лини, караси, плотицы, налимы, а также морские рыбы: сельдь, треска, палтусы, кильчевщина, сабельщина^[266].

По сравнению с численностью видового состава уловов предшествующего времени (27), на первый взгляд никаких изменений (без морских рыб) не произошло (26)^[267]. Однако на самом деле это не так. В письменных источниках под рубрику «рыба мелкая» или «рыба белая»

включались вместе малоценные или не имеющие в отдельности промыслового значения виды (например, голавль, жерех, укля, красноперка, густера и другие карповые), четко выделяемые при обследовании ихтиологических коллекций. Зато значительно расширилась группа высококачественных лососевых рыб: лососи, семга, таймени, кумжа, палы, хариусы, сиги, белорыбица и нельма. Это обстоятельство, конечно, связано с широким освоением северных районов русского государства: Карелии, Двинских земель, Беломорья и др. Несколько удивляет отсутствие сома, игравшего прежде в уловах немаловажную роль. Здесь, по-видимому, сказался состав наших источников, охватывающих территориально Северо-Западную и Северо-Восточную Русь, в реках которой сом малочисленен.

Очень важным является указание на массовый лов ершей. Например, с волости Юшковской (Вотская пятина) взималось в составе оброка «10 лык ершов» (НПК III, стр. 670). Однозначны по своему значению сведения о добыче острецов (молодь окуня). Из тех и других приготавливался «сущ» (сушеная мелкая рыба), хорошо известный источникам^[268]. Развернулся широкий промысел курвы (корюшки и снетков) и репуксы (ряпушки)^[269].

Промысловое использование мелких рыб и даже рыбьей молоди свидетельствует о дальнейшей и существенной интенсификации рыболовства. Об этом же говорят данные Писцовых книг Обонежской пятины (1563 г.), различающих «рыбу большую семгу» и младшие возрастные группы лосося: межень, тинду, а также самцов лохов и выхлохов.

Словом, разнообразные и многочисленные свидетельства письменных источников не оставляют сомнения в быстром развитии и расширении сферы добычи (вовлечение в нее новых групп ихтиофауны) рыбного промысла в XIV–XVI вв.

Какие же древнерусские земли были вовлечены в этот процесс? Для Северо-Восточной Руси развитое рыболовство, по далеко не полным данным, зафиксировано в Бежецком, Белозерском, Владимирском, Вологодском, Дмитровском, Костромском, Московском, Муромском, Нижегородском, Переяславском, Пошехонском, Ростовском, Рязанском, Суздальском, Тверском, Угличском, Яропольском и Ярославском уездах^[270]. В Новгородских землях оно процветало во всех пятинах, но особенно в Обонежской, Вотской и Шелонской, а также в Подвинье^[271]. Ничем не отличалась в этом отношении территория Псковского княжества^[272].

Можно смело утверждать, что рыболовство было повсеместным. Многочисленные и разнообразные рыбные ловли отмечены как в крупных, так и в мелких реках: Волге, Оке, Шексне, Волхове, Мсте, Нарве, Неве, Великой, Сухоне, Клязьме, Москве, Нерли, Шерне, Шуе, Двине и др.; на озерах Ильмень, Псковском, Ладожском, Онежском, Селигер, Белоозере, Кубенском, Переяславском (Клещине), Ростовском (Неро) и бесчисленных озерах северо-западного и северо-восточного края. Упомянуты в качестве рыбных угодий даже «лешие» – мелкие лесные озерца. Рыбные ловли так и назывались – озерские, речные или разные^[273]. Активно шел промысел на побережье Белого моря.

Еще более многочисленны сведения об угодьях внутри водоемов. В озерах и реках существовали токи и вежи рыбные (места, приспособленные для ловли неводом и другими большими сетями); отмечены истоки и «вершица» (верховья), «рыбные устья», омуты, плесы, затоны, губы, заводи, протоки, притоки, пруды, сысады, острова, лудоши (каменистые гряды на дне озера), пески (отмели и перекаты), куры или курьи (старицы) и пр. Сюда же надо причислить езы, колы, приколки, котцы (вотцы), глушицы, заборы, перекопани, ручьи, «поездные воды» и просто ловища. Все они делились на участки и жребьи. Картина получается если не исчерпывающая, то достаточно показательная. Практически эксплуатировались водоемы всех типов. «Свидетельством большой распространенности и большого значения рыболовства в хозяйстве Северо-Восточной Руси XVI–XV вв. (как и Северо-Западной. – А. К.) может служить чрезвычайно скрупулезное, даже можно сказать, мелочное распределение рыболовных угодий и времени рыбной ловли в этих угодьях между различными владельцами, особенно в центральных районах»^[274].

Наконец, небезынтересно установить сезоны лова. Археологические находки X–XIII вв. – пешни, ледорубы и приспособления для работы на льду – бесспорно, засвидетельствовали наличие тогда на Руси зимнего рыболовства. Всё же главная добыча рыбы, надо полагать, происходила весной – в период нереста (икрометания). Письменные источники XIV–XVI вв. конкретизируют и расширяют наши представления по этому вопросу. Нередки указания на существование зимних тонь^[275], езов «вешних» и «зимних»^[276], «ловле зиме по первому льду»^[277] или «ловли в осенинах» и «ловли поледные в осенинах»^[278], ловли неводом «зиме и лете» или «на поледном»^[279].

В других случаях отмечено, что «ловят неводом одним и сетью в

осень лососи и пальи и сиги»^[280] или «На той же Суме реке у порогу поставлен кол рыбный, а ловят в нем и в межень и осень всю и до заморозов рыбу морскую лососи и тинды и семгу»^[281].

Перечисленные примеры, как и многие другие, документально подтверждают круглогодичный характер рыбного промысла. В зависимости от местных условий его сроки сдвигались в ту или иную сторону, но добыча рыбы велась с разной интенсивностью почти непрерывно. Особо значительными были лов «вешний», «осенний» и «зимой по первому льду».

Эти три сезона четко зафиксированы источниками. Так, в Выписи из книг рыбной ловли в озере Селигер (1557 г.) говорится: «Ловити им рыба в озере Селигере через весь год на себя, какими ловлями похотят. А давати им царю и великому князю с озера Селигира оброк ежегод рыбою за все три ловли: за вешней, за осенней и за зимней»^[282]. Причем за первый лов оброк взимался на Петрово заговение, за второй – на Филипово заговение и за третий – на Рождество^[283].

Подводя итог рассмотренному материалу, нельзя не прийти к очевидным выводам. В XIV–XVI вв. рыболовство на Руси достигло высокого уровня развития. Резко возросла его интенсивность. Эксплуатировались почти без исключения все водоемы. Промыслом были охвачены десятки видов рыбы не только «красной» (осетровые и лососевые), но и всей прочей, даже мелкой (снетки, корюшка, ряпушка, ерши) и рыбьей молоди (сущ).

Несомненный интерес представляла бы возможность хоть приблизительно вычислить размеры уловов рыбы в Древней Руси, а также удельный вес рыбных блюд среди других продуктов питания. К сожалению, для домонгольского времени сделать это с достаточной степенью достоверности нельзя. Ни письменные источники, ни археологические материалы не дают на этот счет никаких конкретных указаний. Лишь цитируемая уже Уставная грамота Смоленской епископии сообщает о «трои сани рыбы», поступавших ежегодно князю с города Торопца. Ими, конечно, не исчерпывались потребности княжеского двора. В том же документе говорится о неводе, курице и бреднике как составной части подачей. Рыболовные снасти, надо полагать, использовались на собственных ловищах князя, бывших, по-видимому, главным и постоянным источником рыбы для него и его окружения.

Остеологические находки (кости и чешуя рыб) также трудно привлечь для количественных характеристик. По сравнению с костями животных,

кости рыб сохраняются во много раз хуже. Они легко разрушаются под воздействием природных сил. Их охотно поедали скот и собаки. Поэтому делать выводы по количеству костей домашних животных и рыб, найденных при раскопках памятников, для иллюстрации пищевого рациона населения не представляется возможным.

Вместе с тем нельзя не прийти к заключению, что кости и чешуя рыб, как и рыболовные орудия, обнаруженные археологами при исследовании большинства древнерусских поселений и некоторых могильников, свидетельствуют о повсеместном употреблении рыбы. В Новгороде и Пскове, например, встречались даже огромные скопления рыбьей чешуи, а при раскопках в новгородских церквях рыбу находили в погребениях в качестве заупокойной пищи^[284].

Сведения письменных источников вполне согласуются с данными археологии. Так, по одной из статей договора Олега с Византией 911 г. греки должны были снабжать приезжавших в Константинополь русских дружинников и купцов хлебом, вином, мясом и рыбой^[285]. На пирах Владимира Святославича в Киеве на княжеском дворе ставились столы, куда для нищих и калек клали хлеб, мясо и рыбу^[286]. В древнейших списках Русской Правды рыба упоминается в перечне натурального пайка вирника и городника^[287].

В. Ф. Ржига, специально исследовавший этот вопрос, пришел к обоснованному выводу, что «рыба издавна занимала видное место в питании»^[288]. Из «Вопрошаний Кирика» новгородскому епископу Нифонту известно об употреблении в пищу икры и рыбьей крови^[289].

Наконец, рыба неоднократно упоминается в составе монастырских трапез. Князь Изяслав Ярославич, по свидетельству Нестора, во время посещений Киево-Печерского монастыря любил отведать кушаний из хлеба, сочива и рыбы^[290].

Памятники церковно-учительской литературы вкупе со строгими уложениями церкви о многочисленных постах, когда не разрешалось есть мясо, но не возбранялось питаться рыбой, привели некоторых исследователей к мысли чуть ли не об определяющем влиянии христианства на быстрое развитие рыбного промысла на Руси^[291]. Думается, однако, что это утверждение – скорее результат специфики данных источников, нежели отражение реальной действительности. Ведь рыба задолго до первых успехов христианизации входила в число главных продуктов питания славян^[292]. Путь решения настоящего вопроса далеко не так прост, как кажется поначалу. Ответить на него нельзя без учета

продуктивности древнерусского сельского хозяйства в целом и хлебопашества в частности. Сообщения летописей о голодных годах и неурожаях, опустошавших целые княжества, заставляют усомниться в признании справедливости указанного суждения. «Хозяйственная устойчивость каждого отдельного крестьянского двора в условиях тогдашнего негарантированного урожая была очень невелика, каждое стихийное бедствие, каждый недород разоряли тысячи семей, обрекая их на голодную смерть или на возврат к забытому охотничьему быту»^[293]. В этих условиях дополнительные источники пищи приобретали порой первостепенное значение. Выше приходилось приводить примеры, когда даже в XIX в. в центре Европы рыболовство спасало от голода десятки тысяч людей. Недаром наибольшее развитие рыбный промысел получил в северных районах Руси, где труд земледельца был менее эффективен, чем в лесостепной полосе. Здесь и кроется первопричина повсеместного распространения лова рыбы. Остальные факторы стимулировали этот процесс, но отнюдь не определяли его. Конечно, в стремлении монастырей и церковью закрепить за собой лучшие рыболовные угодья сказывались правила христианского быта, требования неукоснительного соблюдения постов. Впрочем, светские феодалы, никогда не являвшиеся последовательными сторонниками воздержания в еде и питье, проповедуемого отцами церкви, ни в чём им не уступали, а крестьяне всегда пытались противоборствовать желанию тех или других захватить общинные угодья^[294].

Материалы XIV–XVI вв. полностью подтверждают высказанную мысль. Простой перечень упоминаний рыбы в составе натурального оброка, среди основных товаров на городских рынках или в числе блюд во время пиров и трапез занял бы несколько страниц. В нём нет нужды, т. к. об этом говорилось уже не раз. Сошлемся лишь на некоторые древние свидетельства. К ним относится ряд новгородских берестяных грамот. Речь в письмах идет о взимании повинностей или погашении долгов рыбой. В грамоте № 144 (XIV в.) с адресата требуют 50 сигов^[295], а в грамотах № 258, 260 и 92 (середина XIV – начало XV в.) соответственно перечислены 19, 18 и 45 лососей^[296]. Актовые документы того же времени называют бочки сигов, «щучины», «лещовины», «стерляжины» и другой рыбы, сотни «пластей», корзины и «лыки» ершей, «курвы», «мойвы» или тысячи снетков и прочей мелкой рыбы в качестве феодальной ренты, взимавшейся с подвластного населения^[297]. Л. В. Данилова отмечала, что с отдельных новгородских поселений оброк взysкивался исключительно

рыбой^[298]. Многие исследователи писали об оживленной торговле всякой рыбой на ярмарках и городских базарах^[299]. Словом, не единичные факты, а массовые показания источников убеждают нас в том, что «рыба – важнейший продукт питания в Древней Руси»^[300]. Этим выводом обуславливается и существенная роль рыбного промысла в хозяйственной деятельности населения русского государства, чему будет посвящена следующая глава.

Настоящий очерк будет неполным, если не остановиться на способах консервации и переработки рыбы, без применения которых не представляется возможным ее сколько-нибудь длительное хранение.

Уже в древнейшие эпохи люди различными способами стремились запасти часть уловов впрок. Рыбу, перемешав с золой, хранили в глубоких ямах, где она, протухнув, превращалась в кашеобразную массу; сберегали и ели мороженой, высушивали на солнце, коптили над огнем костра или солили^[301]. Многие из этих способов были известны славянам и широко практиковались ими^[302].

Остатки сушеной или вяленой рыбы найдены в ямах-погребках Боршевского городища^[303]. Вполне вероятно, что на Руси уже в IX–X вв. умели обрабатывать рыбу горячим копчением. Во всяком случае у западных славян в Польше и Германии специальные сооружения для этого обнаружены в нескольких памятниках^[304]. Процесс горячего копчения рыбы технологически распадался на два этапа. Сначала тушки рыбы подсушивали над огнем специального костра при температуре 90–100 °С. Затем их помещали в верхнюю часть грушевидной ямы, дно которой было выложено камнями. В яме перед этим раскладывали костер, и там скапливалось много древесного угля. Выходное отверстие закладывалось досками или соломой. Через 4–6 часов рыба была готова.

Этот способ почти без изменений дожил до наших дней. Ильменские рыбаки, например, в 60-х гг. XIX в. точно так же коптили рыбу, несколько усовершенствовав всю конструкцию. От ямы с костром (топки) проводилась длинная канава – дымоход, внутри которого и размещали рыбу. Первоначально же, наверное, ограничивались просушиванием и копчением рыбы в дыме обыкновенного костра. Однако так обработать можно было только мелкую и среднюю рыбу – для крупных осетров, сомов или щук требовались более сложные сооружения, речь о которых пойдет ниже.

Легче всего сохранить рыбу было зимой – в мороженом виде. Недаром смоленский князь предпочитал получить рыбный оброк в санях, т. е.

в зимнее время. Объясняется это тем, что такой распространенный прием консервации, как соление, хотя и был, по-видимому, известен в домонгольское время^[305], но широкого распространения не получил. Посол рыбы связан с большим расходом соли, а избытков ее на Руси в X–XII вв. не было, на что обратил внимание еще А. И. Никитский^[306].

Значительно меньше соли требовалось при вялении. Рыбу лишь посыпали сверху (иногда натирали), после чего на несколько дней вывешивали на ветерок, прикрыв чем-нибудь от мух и птиц.

Среди археологических находок почти нет предметов, имевших отношение к консервации рыбы. Исключение составляют встреченные уже неоднократно двухконечные крючки с перевитым стержнем, заканчивающиеся петлей. Правда, некоторые исследователи считают, что они предназначены для вытаскивания из воды запутавшихся и зацепившихся снастей^[307]. Но больше оснований видеть в них специальные крючки для копчения крупных рыб^[308]. Отверстие крючка (трубчатое ушко) никак не подходит для веревки. Сам крючок изготавливался из железного стержня, середина которого расковывалась в пластину, а концы заострялись, перевивались между собой и загибались. Острые края отверстия моментально перерезали бы веревку. Зато надетый на горизонтально положенную палку крючок имел достаточно большую площадь опоры, и на нём (под жабры) можно было укрепить рыбу и в 2–3 пуда весом. Один такой крюк найден в Новгороде близ постройки, бывшей, по мнению П. И. Засурцева, коптильней^[309]. Подобных строений найдено на Неревском раскопе в горизонтах XIII – начала XIV в. три: Д 15 Ф, Б 13 И, И 13 М^[310]. На их конструкции стоит остановиться подробнее (рис. 19).

Общей особенностью этих построек является расположение печи, помещенной в специальный деревянный сруб – камеру. Вот, например, сруб Д 15 Ф, размером 5,25 × 5,25 м. Вход с крыльцом находился с запада. Опечек (размеры 3 × 3,5 м) располагался в юго-восточном углу внутреннего помещения. Концы бревен его сруба были врублены в южную и западную стенки постройки. Пол устлан жердями (диаметр 0,16–0,18 м), покрытыми сверху берестой. Сама печь занимала только часть камеры^[311].

Размеры печных срубов-камер (3 × 3,5 м, 3 × 4 м и 4 × 5 м), на наш взгляд, как и другие детали построек, хорошо согласуются с их предполагаемым назначением. В камерах вокруг печи и сверху развешивали рыбу, которая коптилась во время топки по-черному. Кстати, рядом со срубом И 13 М обнаружено большое скопление рыбьей чешуи. П. И. Засурцев полагает, что это свидетельствует о каких-то операциях с

рыбой: разгрузка, сортировка, но не о самом копчении, перед которым рыбу от чешуи не очищают^[312]. Однако автору приходилось наблюдать на Плещеевом озере (с. Купанское), как местные рыбаки коптили рыбу, предварительно освободив ее от чешуи. Обычную русскую печь протапливали смолистыми сучьями и ветками с хвоей. Затем, быстро перекрыв дымоход, выгребали угли, а в печь ставили противни с уложенными на них рядами очищенными рыбами. Через 2–3 часа продукция была готова.

Источники XIV–XVI вв. дают гораздо более полное представление о существовавших тогда способах хранения и обработки рыбы. Естественно, они не касаются технологической стороны, но перечисляют виды рыбных продуктов. В документах часто встречаются упоминания о «рыбе свежей» или «рыбе просольной». Специально оговариваются бочки соленой «щучины», «лещовины», «стерляжины», а также сига, лососей, сопы или «костоголова». Крупную рыбу, например осетров, вялили – «осетры вялые»^[313]. Надо полагать, что здесь имеется в виду копченая рыба, причем холодного копчения. «Послал архиепископ митрополиту рыбы вялые»^[314]. Послать рыбу горячего копчения трудно, т. к. она быстро портится, а путь из Новгорода в Москву был неблизок. Рыбу сушили не только мелкую^[315], но и крупную: «У Давыда 9 лососи сухых, 3 просолни» или «...3 таймени, 2 просолен, 5 сига, 5 таймени...»^[316]

Ее вялили на солнце особым образом – «пластями»^[317]. Способ этот хорошо описан Н. Г. Богословским. «Рыбу, не снимая чешую, распластывают, натирают солью и вывешивают под передней кровлей дома, а чтобы ее не портили птицы, закрывают сетью»^[318]. Для сушки же рыбы и получения «суца»^[319] иногда использовались не только домашние, но и специальные печи. В небольшом сарае складывались 1–3 печи. Их протапливали. Затем удаляли золу и пол посыпали песком, чтобы не прилипла рыба. После этого в печь засыпали рыбью мелочь и время от времени ворошили ее. Через несколько часов «суц» был готов^[320]. Также сушили снетков (разновидность корюшки).

Имеет смысл еще раз обратиться к «Выписи из книг рыбной ловли в озере Селигер»^[321]. Она поможет представить последовательность или, точнее сказать, сезонный характер операций по консервации рыбы. Так, за вешний лов оброк великому князю поступал сотнями «пластей» щук, судаков, лещей и язей, а также взималось «десять четвертей всякие рыбы сухие», да сорок семь четвертей с осминою снетков». За осенний лов давали «шесть бочек щучины, шесть бочек судачины, три бочки лещовины,

десять бочек мелкие всякие рыбы – а бочка по десяти ведер, да сорок четвертей с осминою снетков». Зимой же рыба поставлялась мороженой. Значит, весной – в начале лета рыбу сушили и вялили. Осенью, когда вялить рыбу нельзя (дожди, пасмурно), ее солили. В морозы рыбу и так можно было перевозить на большие расстояния свежемороженой.

Из разных источников, в том числе и из «Троицкого обиходника», известно, что рыбу употребляли «на пар», «в уху» и «на тело», т. е. жарили. Шла в пищу и икра. С рыбой с «вандашами» и с «хрящами с осетрью и з белужьими») пекли пироги-караваи^[322].

Словом, из рыбы умели готовить разные кушанья. Перевозили и держали ее в бочках, корзинах, льяках или навалом в возах, санях и лодках.

**Глава V. Рост общественного разделения
труда в Древней Руси и превращение
рыболовства в самостоятельную отрасль
хозяйства**

Рыбный промысел во взаимосвязи с общей системой древнерусской экономики на разных этапах ее развития

Как свидетельствуют археологические материалы (см. главу II), рыболовство у восточных славян накануне образования древнерусского государства было неотъемлемой частью в их хозяйстве. При этом ведущая роль земледелия в этот период не вызывает сомнений. Но было бы упрощением свести комплексный и многосторонний процесс хозяйственной деятельности к подразделению ее на первостепенные, второстепенные и т. д. отрасли. Взаимосвязь их была достаточно прочной. Каждый вид занятий, будь то сельские промыслы или домашнее производство, являлся по-своему важным и существенным. Именно степень их взаимодействия обуславливала устойчивость крестьянского хозяйства и способность его к воспроизводству и созданию прибавочного продукта.

Наряду с охотой, рыбная ловля в общей системе экономики служила «существенным пополнением пищевых ресурсов»^[323]. Характер ее также выясняется довольно отчетливо. Лов был по преимуществу индивидуальным, не развитым, т. е. велся орудиями личного пользования: острогами, крючной снастью, небольшими сетями и плетеными ловушками, по-видимому, сезонно (главным образом в период икрометания). На коллективные способы ловли практически нет никаких указаний.

Иногда полагают, что применение запорных систем (действительное или мнимое) свидетельствует об участии в промысле многих людей. Естественно, сооружение мощных езов или заколов требовало не одной пары рабочих рук. Однако возводились ли они на реках во второй половине I тыс. н. э. на территории расселения восточных славян? Не говоря о серьезных, чисто инженерных трудностях, возникающих при перекрытии большой водной артерии, сомнительна сама целесообразность таких работ. Начинать их надо было после ледохода, и даже 10–20 человек не управлялись быстрее, чем за месяц (см. главу III). А ведь время это (апрель – середина мая) самое горячее для земледельца: сев и подготовка к нему. Поэтому надо отказаться от мысли о систематическом общинном рыболовстве в эпоху, предшествующую становлению Киевской державы.

Ни уровень состояния земледелия (площади посевов прядильно-масляничных культур), ни объём необходимых работ и количество материалов, как при изготовлении больших промысловых сетей, так и сооружении крупных рыболовных преград, не говорят об этом. Построить же примитивный забор-плетень в ручье или речке было вполне по силам 1–2 рыбакам. Правда, жители соседних дворов могли изредка сходиться для совместной рыбалки, скажем, бреднем или запереть загородкой сток из какого-нибудь пойменного озера, чтобы потом сообща эксплуатировать его. Но, судя по находкам рыболовных снарядов на разных поселениях и в разных жилищах вместе с орудиями для их изготовления и запасенной впрок рыбой, лов рыбы осуществляли каждой семьей отдельно, прежде всего для удовлетворения своих личных потребностей, пополнения собственных запасов продовольствия. Следовательно, рыболовство ничем не выделялось из сферы комплексного, натурального хозяйства, органически сочетаясь с земледелием, скотоводством, другими промыслами и занятиями домашним ремеслом. Являясь составной частью этого хозяйства, оно ничем не нарушало его патриархальности, замкнутости. Хотя, конечно, в зависимости от местных природных условий (наличие или отсутствие подходящих водоемов)^[324] лов рыбы мог иметь большее или меньшее экономическое значение. Отмечая в принципе широкое распространение рыболовства у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э., его нельзя рассматривать иначе, нежели как одну из отраслей мелкого крестьянского хозяйства^[325]. Сам по себе этот факт отнюдь не маловажный. Он свидетельствует о дальнейшем развитии рыболовства в системе комплексного натурального хозяйства.

Следующая историческая эпоха – IX–XIII вв., время становления и упрочения феодальных отношений и институтов власти на Руси – ставит перед исследователем ряд новых вопросов. Такие явления, как возникновение городов и феодальных вотчин, в корне изменили социально-экономический строй древнерусского общества. За ними кроются глубокие сдвиги в хозяйственной деятельности восточных славян: прогрессивное развитие всех ее отраслей и дальнейший рост общественного разделения труда.

Но как бы ни были важны сами эти процессы, тем не менее следствием их оказалось разрушение однородной или почти однородной^[326] структуры существовавшей экономики. Среди моря мелких, натуральных и замкнутых крестьянских хозяйств выросли города – центры ремесла и торговли, – обосновались и укрепились феодальные

усадьбы-вотчины, внутри которых накапливались людские и материальные ресурсы, способствовавшие тенденциям к расширенному воспроизводству^[327].

А рыболовство? Осталось ли оно в стороне от столбовой дороги исторического развития, законсервировавшись в формах предшествующего времени^[328], или также претерпело существенные изменения, наполнившись качественно новым содержанием? Одни наблюдения над технологией промысла, ее динамикой ответа на поставленный вопрос не дадут. Теперь исследование необходимо направить в русло всестороннего изучения места и роли рыболовства в крестьянском хозяйстве, в феодальной вотчине и в жизни горожан. Далее его следует распространить на XIII – начало XVI в. вплоть до окончательного объединения русских земель в единое централизованное государство, иначе – на весь период «восходящей» стадии феодальной формации на Руси^[329]. Только при этом условии представляется возможным преодолеть трудности, вызванные состоянием источников.

а) Рыболовство в крестьянском хозяйстве

До XIV–XV вв. судить о рыболовстве приходится в основном по данным археологических раскопок. Однако, несмотря на определенные успехи в деле исследования сельских поселений, добытые коллекции и количественно, и качественно уступают обильным находкам в древнерусских городах. Поэтому, характеризуя жизнь средневековой деревни, особенно ее хозяйственную сторону, археологи вынуждены широко привлекать городские материалы^[330]. Тем не менее определенные выводы и без этого дополнительного источника можно сделать уже сейчас.

Сложность заключается в том, что большинство древнерусских сельских поселений обследовались во время археологических разведок, а не подвергались планомерным раскопкам. Собранные на них материалы представлены по преимуществу обломками керамики, орудиями труда. Прочие же предметы встречаются гораздо реже. Наконец, не всегда удается достаточно убедительно установить тип памятника: обычные поселения свободных крестьян-общинников, владельческие поселения, феодальные усадьбы-замки и нарождающиеся городские центры. Последнее обстоятельство заставляет рассматривать их вместе (конечно, за исключением тех случаев, когда тип поселения выявлен достаточно четко, например село Ракома под Новгородом или Кидекша, княжеская усадьба

Юрия Долгорукого).

Исследователи, занимавшиеся историей русской деревни X–XIII в., заметили, «что подавляющее большинство селищ и курганных могильников вытянуты вдоль берегов рек и озер»^[331]. Объясняется это прежде всего потребностями земледелия: в речных долинах легче было найти пригодные для распашки земли (более плодородные почвы, свободные от леса и болот площади)^[332]. Не последнюю роль играли и удобства транспортного сообщения по водным путям. Однако нельзя сбрасывать со счетов и третий фактор. «Многие поселения, – пишут А. В. Успенская и М. В. Фехнер, – расположены близ устьев мелких притоков или напротив устья, на противоположной стороне главного русла»^[333]. Примеров такой топографии селищ можно привести немало: верхнее течение Волги, Ока, верхнее и среднее течения Днепра, реки Ипать, Сож, Десна, Дон и т. д. Но только ли дело здесь в расширении при впадении притока речной долины (естественное увеличение пахотных и сенокосных угодий), как думают вышеназванные исследователи, или же еще и в желании жителей поселка соседствовать с перекрестком судоходных путей? Всё это, конечно, имело место. Но были и другие обстоятельства. Некоторые притоки – мелководные ручьи – никакого транспортного значения не имели, как, впрочем, почти не прибавляли к речной долине аллювиальных террас и плодородных почв. Зато они служили идеальным местом для рыболовства. Недаром такие места притягивали к себе людей еще в неолитическую эпоху, когда лов рыбы входил в число важнейших видов хозяйственной деятельности. Если вспомнить, что технические возможности большинства русских рыбаков вплоть до XII в. не позволяли вести активный промысел в основной акватории мощных рек и озер, положение еще более прояснилось. Сельские поселения нередко ставились с учетом благоприятных условий для рыболовства.

Этот вывод легко подкрепить данными археологических разведок автора по среднему течению Мсты, И. И. Артёменко и Г. Ф. Соловьёвой – по Днепру, Сожу и Ипути, М. В. Воеводского – по Десне и т. д. Любопытно, что многие селища обнаружены не только близ устья притоков, но и по берегам стариц, в то время как берег главного русла (незаливаемый) был пуст. Наконец, оказывается, что более густо заселены окрестности небольших озер, а побережье таких гигантов, как Чудское и Псковское озёра, Ильмень, Белое или Ладожское, почти пусты (смотри карту, приложенную к работе А. В. Успенской и М. В. Фехнер).

Итак, топография сельских поселений домонгольской поры^[334], если

прямо и не доказывает повсеместного развития рыболовства, то, во всяком случае, дает полное право его предполагать. Причем в лесной зоне отмеченные выше особенности прослеживаются более четко, чем в лесостепи.

Картографирование находок рыболовных орудий на селищах, дополненное сведениями о наличии в культурных отложениях костей и чешуи рыб, несмотря на трудности с учетом всех сведений, не противоречит, а усиливает сделанное заключение. «Почти всюду на поселениях как сельского, так и городского типа, а иногда и в курганных могильниках встречаются те или иные орудия рыболовства, а также костные остатки и чешуя рыб», – с полным основанием констатирует В. А. Мальм^[335].

Какие же рыболовные орудия найдены на древнерусских селищах? На первом месте стоят грузила (в большинстве – глиняные) от сетей. К сожалению, как по опубликованным данным, так и по архивным материалам установить количество обнаруженных на том или ином памятнике грузил почти невозможно. Остается предполагать, что присутствие значительного их числа в культурном слое обратило бы на себя внимание авторов раскопок. Опираясь на более пространные сведения (селища Лебёдка^[336], у д. Пекунево^[337], близ Грехова ручья^[338], напротив г. Славгорода^[339] и др.), можно считать обычным наличие не свыше полутора-двух десятков грузил. Сколь ни условны эти выкладки, они всё-таки отражают определенную закономерность: отсутствие настоящих промысловых сетей на большинство поселений, свидетельствующее, по видимому, об индивидуальном, малоразвитом (в смысле интенсивности) ловле. Детальный анализ палеоихтиологических находок внес бы дополнительные коррективы, но пока рассчитывать на его скорейшее осуществление не приходится.

Помимо грузил от сетей на многих селищах обнаружены железные рыболовные крючки (по преимуществу крупные), блёсны (железные и свинцовые), остроги двух типов и пешни (с. Лебёдка). Этот рыболовный инвентарь по своему составу не отличается от орудий, найденных в городах. Однако на каждом памятнике в отдельности количественно он представлен единичными экземплярами (за редким исключением, о чём речь пойдет ниже).

Вся совокупность материала хорошо определяет место рыболовства в хозяйственной жизни древнерусской деревни X–XIII вв. Распространено оно было очень широко, фактически повсеместно. Но в экономике

большинства поселений рыбная ловля выполняла функции вспомогательного, хотя и очень важного источника пищевых ресурсов. Другими словами, ее роль не претерпела, по сравнению с предшествующим периодом, существенных изменений. Для населения основной категории памятников этого типа добыча рыбы не выходила за рамки внутренних потребностей каждого хозяйства, т. е. оставалась разнообразностью домашних промыслов.

Тем не менее некоторый сдвиг в сторону повышения интенсивности лова (более разнообразный ассортимент рыбацких орудий, включая вспомогательное снаряжение зимнего времени: пешни и приспособления для работы на льду) произошел. Вскрыть причины этого явления, исследуя только узкий круг источников, нельзя. Предварительно можно предполагать, что рост численности населения, освоение новых территорий (особенно в лесной зоне) были сопряжены с определенной нехваткой продуктов питания (пока не увеличился достаточным образом фонд окультуренных земель и хлебопашество не давало должного эффекта). Летопись неоднократно упоминает голодные годы вследствие неурожая и эпидемий^[340]. В этих условиях использовались все возможные увеличения пищевых ресурсов. Рыболовство, как один из наиболее доступных и экономически выгодных способов, получило хороший стимул для развития.

В общем, однородную картину древнерусских селищ с более или менее (по археологическим данным) выраженным земледельческим укладом экономики нарушают поселения с иным характером хозяйственной деятельности. Их не так много, но они есть. На одних преимущественное развитие получило какое-нибудь ремесло, например железоделательное или изготовление шиферных пряслиц. Жители других стали специализироваться в сфере добывающих промыслов: охоте, бортничестве, рыболовстве, а также огородничестве.

Если селища с ремесленным уклоном выявляются сравнительно легко по остаткам производственных сооружений: горнам, домницам или по массовым находкам полуфабрикатов и отходов производства, то обнаружить промысловые деревни значительно сложнее. Инвентарь последних, вернее, его сохранившиеся в земле остатки, как правило, не дают в руки исследователей надежных критериев. Тем ценнее в историческом плане открытые археологами памятники, реконструкция экономики которых не вызывает сомнений.

Среди них есть несколько поселений, в жизни обитателей которых рыболовство играло первостепенную роль. Под Новгородом у истоков

Волхова из озера Ильмень В. В. Седовым исследовано селище в урочище Перынь, просуществовавшее с XII по XV в.^[341] В жилищах-полуземлянках найдены многочисленные каменные грузила от сетей, железные рыболовные крючки, лодочные заклепки. Перед нами бесспорный поселок рыбаков-профессионалов, расположенный в чрезвычайно удобном для рыболовства месте. Однако окончательной связи с земледелием они не порвали, о чём свидетельствует обнаруженный там железный сошник. Вторым примером служит поселение близ Вязников^[342]. Постепенно оно слилось с посадом древнерусского города Ярополча-Залесского, но до этого существовало вполне самостоятельно. И здесь находки рыболовных орудий (крючки, грузила) превалируют над всеми прочими, недвусмысленно свидетельствуя об основном занятии жителей.

Прибавим сюда населенные пункты, названия которых (по письменным источникам) как будто указывают на прочную связь с рыбным промыслом: Езьск, Рыбаньск, Изьск^[343], Исады на Волхове^[344] и Исады на Оке^[345]. Теперь можно констатировать возникновение на Руси в XII в. ловецких деревень и сёл. Неудивительно, что все они были расположены в местах, славящихся своими рыбными угодьями.

Если нам правильно удалось интерпретировать имеющиеся факты, то налицо конкретный показатель дальнейшего роста общественного разделения труда. Вслед за ремеслом от земледелия в XII–XIII вв. начинает отрываться и рыболовство, превращаясь в специализированный промысел.

При реконструкции важных исторических процессов на основе археологических материалов (сложных для всякого рода социальных построений) всегда существует опасность принять желаемое за действительное. Но, перепроверив выводы показаниями письменных памятников, установленные закономерности получают должную аргументацию.

Поскольку для домонгольской поры акты и документы и свидетельства летописей по интересующему нас вопросу чрезвычайно скудны, извлеченные из них данные ни опровергнуть, ни укрепить выдвинутые положения не могут. Однако в случае их справедливости намеченный путь развития древнерусского рыболовства найдет опорные точки в материалах последующего времени. Количество последних столь велико, что вероятность ошибки сведена к минимуму.

Нет нужды вновь поднимать и пересматривать многочисленные грамоты и записи в писцовых книгах, рассказывающие о крестьянском рыболовстве на Руси в XIV–XVI вв. Исследователи хорошо проработали

всю совокупность источников. Обратимся к их выводам.

По мнению А. Д. Горского, «роль крестьянства в Северо-Восточной Руси в рыболовстве, как и в бортном промысле, в XIV–XV вв. была весьма значительна»^[346]. Об этом красноречиво свидетельствуют и повсеместная добыча рыбы, и связанные с ней поборы и повинности среди прочих крестьянских повинностей в пользу феодалов и государства участие крестьян в обработке и транспортировке рыбы, а также в торговле ею^[347].

Еще более очевидные результаты дает знакомство с хозяйственной деятельностью крестьян северо-западных земель. «Трудно найти хотя бы один погост в Новгородской земле, – пишет Л. В. Данилова, – где бы не существовало рыболовства»^[348]. Ей вторит знаток Псковской истории Б. Б. Кафенгауз: «Писцовые книги содержат много данных о рыбных ловлях на Псковском и Чудском озерах»^[349].

Итог всем наблюдениям подводит Г. Е. Кочин, специально изучавший сельское хозяйство на Руси в конце XIII – начале XVI вв.: «Рыболовство крестьян в реках и озерах своего края, а тем более в водоемах, прилегающих к земельным угодьям их деревень, сёл и волостей, было явлением естественным и широко распространенным»^[350].

Перечисленные высказывания – не плод умозрительных рассуждений, а результат глубокого и всестороннего анализа источников. Они базируются на десятках и сотнях конкретных примеров, зафиксированных в писцовых книгах, актовых материалах и других документах. Поэтому можно считать доказанным, что к XVI в. рыболовство не только не исчезло из крестьянских хозяйств, но и заняло в них более прочное и значительное место.

Об этом свидетельствует набор снастей, использовавшихся деревенскими рыбаками. Рядом с «бредниками», «курицами» и «чащами» (небольшие волоковые и ставные сети) в источниках постоянно фигурируют невода, кереводы, гарвы. Недаром в грамоте середины XV в. Новгорода Великого о предоставлении «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу невод приравнен к сохе как податная единица^[351]. Другой факт: в 1557 г. был установлен новый порядок взимания оброка в пользу царя и великого князя с крестьянских ловель в озере Селигере. Причем указывалось, что подати надо собирать «с неводов, и с кереводов, и с сетей, и со всяких ловель, хто какими ловлями учнет в озере Селигере рыбу ловити»^[352]. Количество подобных примеров можно увеличить в несколько раз (см. главу III). И хотя при характеристике рыболовства крестьян чаще сообщается о ловле малоценной рыбы,

«нередки случаи, когда крестьянина-рыболова, не профессионала, трудно отделить от рыболова-специалиста, посадского человека, – таковы бывают у этих крестьян рыболовные снасти и таков оказывается характер их рыбной ловли»^[353].

Значит, действительно, рыбный промысел на Руси XV–XVI вв. являлся одной из важнейших отраслей крестьянской экономики. Размах, оснащённость, круглогодичность лова заставляют задуматься над причинами, его породившими. Не приходится сомневаться, что во многих случаях потребности личного хозяйства крестьянина в рыбе перекрывались в несколько раз. При этом сами крестьяне названы «пашенными», т. е. по-прежнему крепко связанными с земледелием. Следовательно, рыболовство уже предполагало сбыт своей продукции на сторону. Иными словами, добыча рыбы для крестьян стала не только дополнительным источником питания, но и источником денежных средств. Сведения о торговле крестьян рыбой как нельзя лучше подтверждают настоящий тезис^[354].

С другой стороны, превращение рыболовства в мелкотоварное производство засвидетельствовано появлением ловецких деревень и слобод, а также отдельных рыбных ловцов-профессионалов, окончательно порвавших или почти порвавших с земледелием^[355]. В качестве примера таких поселений Л. В. Данилова приводит Ушинский и Взвядский погосты Шелонской пятины около озера Ильмень^[356]. В конце XV в. в первом из них были 81 двор и 143 тяглецов, а во втором – соответственно 88 и 130^[357]. И там, и там пашни не имелось вовсе, зато отмечены рыбные ловли (зимние и летние) в озере. Жители погостов занимались также скотоводством, поскольку в Писцовой книге учтены у них большие сенокосы. Весь оброк они вносили деньгами. Однако в недавнем прошлом, как можно судить по составу оброка – «за рыбное», «за коробщину» и «за мелкий доход», – хлебопашество здесь ещё не существовало.

Аналогичный характер имел и Голинский погост с 29 дворами, где жили «непашенные люди рыболове»^[358].

Много «непашенных» рыбных ловцов насчитал В. Н. Бернадский в селениях Вотской пятины: Пужавиной Веси, Кобоне, Вельце и по нижнему течению Невы: Васильевский остров и устье Охты^[359]. Широкое распространение получили специальные рыболовные селения – посадки. Например, в посадках по берегам Чудского озера, состоявших из 5–7 дворов, жили большей частью «непашенные» ловцы, платившие в казну и помещикам оброк рыбой и деньгами^[360].

Итак, наметившийся ещё в деревне XII в. процесс постепенного

отделения рыболовства от сельского хозяйства спустя четыре столетия зашел довольно далеко. Его вехи и этапы четко улавливаются в источниках: от повышения удельного веса лова рыбы в отдельных крестьянских дворах к появлению «пашенных» ловцов, а за ними и «непашенных» рыболовов и целых поселков рыбаков-профессионалов. Таким образом, рост общественного разделения труда в Древней Руси прекрасно иллюстрируется развитием рыбного промысла, приобретавшим «в богатых рыбой районах характер товарного производства»^[361].

б) Рыбный промысел в феодальной вотчине

Рассматривая выше историю крестьянского рыболовства на Руси в X–XVI вв., приходилось говорить как о рыбной ловле крестьян черносотных волостей, так и владельческих поселений. Но специализированный рыбный промысел существовал параллельно в последних столетиях этого периода и внутри самой феодальной усадьбы. «Рыбные угодья – тони в больших реках и озерах», богато оснащенные рыбные промыслы – необходимая принадлежность каждого крупного владельческого хозяйства»^[362]. Источники пестрят примерами такого рода.

Попробуем разобраться на конкретных материалах в существе дела. Уже Повесть временных лет упоминает о ловищах княгини Ольги: «...ловища ее суть по всей земли...»^[363] Новгородский князь Всеволод Мстиславович в первой половине XII в. в числе прочих пожалований дал Юрьеву монастырю «ловища на Ловати»^[364], а его брат Изяслав тогда же испросил у Новгорода для основанного им Пантелеймонова монастыря земли и тони, где посторонние могли ловить рыбу только с разрешения игумена^[365]. Около 1192 г. Варлаам передал Спасо-Хутыньскому монастырю «ловища рыбная» на Волхове, Волховце и Слудици^[366]. Антоний Римлянин «на потребу монастырю» купил на Волхове «рыбную ловитву» и отгородил ее межами^[367].

Князь Ростислав Мстиславович передал Смоленской епископии в 1136–1137 гг., помимо сёл, земель, дворов и сеножатей, озёра^[368].

Из приведенных примеров видно, что рыболовные угодья в X–XIII вв. были составными частями владений не только духовных, но и светских феодалов. Всё это подтверждается также находками орудий лова в заведомо владельческих поселениях. Каменные и глиняные грузила от сетей найдены при раскопках Рюрикова городища – резиденции новгородских князей^[369], в княжеском селе Ракоме под Новгородом^[370]. Железная

острога, рыболовные крючки и грузила обнаружены в замке черниговских князей – Любече^[371]. О рыболовстве в боярском и княжеском хозяйствах свидетельствуют полавки и грузила со знаками собственности, в том числе со знаками «Рюриковичей», начиная с Владимира Святославича, известные в Новгороде^[372], а также в Пскове и Ладоге^[373].

Таким образом, параллельно с процессом становления феодальных вотчин внутри них формируются специфические отрасли хозяйства, поставляющие к столу феодала различные продукты питания. Немалое место занимали там рыбные ловища. К сожалению, археологические находки пока не позволяют сколько-нибудь подробно охарактеризовать вотчинное рыболовство в X–XIII вв. Тяжелые каменные грузила из плиток девонского известняка, обнаруженные на Рюриковом городище и селище Ракоме, совершенно тождественные грузилам из культурного слоя Новгорода, свидетельствуют о неводном лове. Материалы из Любеча, а также Зборовского городища – типичного феодального замка, расположенного на Днепре напротив древнерусского города Рогачёва, где были найдены железная блесна, острога, рыболовный крючок и глиняные грузила, свидетельствуют о менее развитом, индивидуальном промысле. В общем, повторяется картина, свойственная всем памятникам того времени: озерное рыболовство опережает в своем развитии речное.

Если археологические источники лишь констатируют наличие рыбной ловли в хозяйстве феодала-вотчинника X–XIII вв., то несколько драгоценных свидетельств актовых документов приоткрывают завесу над принципами организации владельческих рыбных промыслов. В исследуемое время зависимое население, по-видимому, приписывалось к рыбным угодьям феодала для их обслуживания. Во всяком случае, Варлаам Хутынский наделил свой монастырь «ловищами рыбными» вместе с селами и челядью^[374]. Смоленская уставная грамота сообщает, что рыболовные снасти – невод, курица и бредник – для княжеских ловель входили в ежегодный «урок» с города Торопца^[375]. Наконец, имелись специальные люди, следившие за промыслом и своевременными поставками рыбы ко двору феодала. Согласно договорным грамотам Новгорода с князьями XIII в., в Ладогу, где вылавливались во множестве осетры, посылался княжеский «осетреник»^[376].

Всё вышесказанное убеждает нас в том, что одним из стимулов развития рыбного промысла было становление феодальных вотчин. Структуру крупного владельческого хозяйства по данным Русской Правды прекрасно обрисовал Б. Д. Греков^[377], а по археологическим материалам

(раскопки в Любече) – Б. А. Рыбаков^[378].

Оказывается, в вотчине в числе слуг жили люди разных профессий, не считая управляющих (тиунов, ключников, старост) всех рангов. Были там и закупы – крестьяне, получившие «купу» – ссуду деньгами, зерном или другими продуктами, – обязанные теперь отрабатывать долг феодалу. О присутствии среди них специалистов-рыболовов письменные источники не знают. Но нет сомнений (археологические находки), что они там были. Просто их профессиональная принадлежность скрыта под общими терминами «рядовичи», «смерды», «холопы» и «ремесленники», расшифровывающимися в исключительных случаях. Всё та же грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича передает епископу кроме прочих пожалований: «на горе огород, с капустником и с женою и с детми, за рекою, тетеревник с женою и с детми», а также «село Ясенское, и с бортником и с землею и с исгой»^[379]. Поэтому отрицать профессию рыбного ловца в вотчине, признавая существование специалистов-бортников, огородников, тетеревников, не приходится. Ведь кто-то должен был обслуживать обширные рыболовные угодья.

Были ли эти ловцы «пашенными» или промысел уже стал основой их благополучия, об этом данных нет. Думается, всё же рыболовство в какой-то мере сочеталось с земледелием, т. к. его полное отделение документально засвидетельствовано позднее.

Итак, внутри вотчины – крупного феодального владения – общественное разделение труда прогрессировало более быстрыми темпами, чем в окружающих ее поселениях крестьян-общинников. Переход вотчинного рыболовства к новой ступени развития – специализированному промыслу, в отличие от добычи рыбы в большинстве крестьянских хозяйств, дополняющей своими дарами патриархальное земледелие и прочие отрасли «домашней» экономики, – обуславливался гораздо большими потребностями феодала-вотчинника в натуральных продуктах. Ему они были необходимы для прокормления и содержания огромного двора, десятков и сотен дружинников, холопов, слуг, мастеров-ремесленников. Достаточно вспомнить многолюдные пиры князя Владимира Святославича в Киеве. Словом, углубление феодализации русских земель, распространение вширь феодальных отношений, отмеченные захватом общинных земель и формированием новых вотчин, способствовали дальнейшему росту общественного разделения труда в Древней Руси, в частности появлению профессионального рыболовства.

Документы XIV–XVI вв., прежде всего писцовые книги и актовъй

материал, позволяют в деталях изучить организацию рыбного промысла в крупных феодальных вотчинах этого времени. Археологические источники, к сожалению, здесь более скудны. Тем не менее и они сохраняют некоторое значение. Предприняв специальное археологическое обследование владельческих поселений в новгородских пятинах, С. А. Тараканова обнаружила на многих из них рыболовные орудия^[380].

Особенности хозяйства землевладельца-феодала в период сложения централизованного русского государства постоянно привлекали внимание исследователей. Наиболее обстоятельно, благодаря обилию источников, изучалась экономическая жизнь крупных русских монастырей^[381]. Однако в целом пути хозяйственного развития феодальных вотчин исследованы достаточно хорошо^[382]. Повсеместное наличие в них разветвленного и хорошо организованного рыбного промысла констатируют все авторы, касавшиеся этого вопроса. «Сложной и важной отраслью владельческого хозяйства являлось рыбное хозяйство; оно связывалось с содержанием и эксплуатацией многочисленных рыбных угодий – рыбных промыслов, ловель и т. д., – зачастую очень удаленных от центра хозяйства»^[383].

Следует помнить, что по своей структуре феодальная вотчина распадалась на две в хозяйственном отношении вполне самостоятельные части. Одна из них – боярская усадьба или «большой двор», с прилегающими пахотными землями, сенокосными и промысловыми угодьями, различными службами и другими постройками, населенная холопами и слугами – и представляла собственное хозяйство феодала. Именно она обеспечивала в первую очередь каждодневные потребности феодала, его семьи и двора в разнообразных продуктах. Другая, значительно бóльшая часть вотчины – сельские поселения, являвшиеся собственностью землевладельца, но жившие своей, обособленной экономической жизнью. Их обязательства сеньору выражались в различных формах феодальной ренты.

Рыболовство, причем в широких масштабах, осуществлялось и там и там. Крестьяне, как это отмечено в предыдущем разделе, ловили рыбу в озерах, прудах и реках, исстари входивших в фонд угодий, прилегавших к их селу или целой волости. Феодалы-землевладельцы взымали с них различные поборы рыбой (заменявшиеся потом деньгами). Но одновременно они организовывали свои собственные промыслы и ловли, строили езы и заколы, прикупали тони, участки требеи и т. п. Источники методично и монотонно перечисляют всевозможные «ловища», а иногда и части их, принадлежавшие князьям, боярам или монастырям.

Упоминаются даже «ночь в езу» или несколько дней в году, когда тот или иной феодал получал право ловить рыбу в каких-либо угодьях.

Листая документ за документом, страницу за страницей, мы сталкиваемся с любопытной особенностью, требующей некоторого размышления. Внушительной картине придирчиво регламентированных, хорошо оснащенных многочисленных владельческих рыбных промыслов противостоит в целом незначительная по площади собственно барская запашка в вотчинах (факт, зафиксированный всеми исследователями: «земледелие, в частности производство зерновых хлебов в собственном хозяйстве феодалов-землевладельцев в изучаемое нами время, – подводит итог Г. Е. Кочин, – занимало скромное место»^[384]). Иными словами, основную массу хлеба и фуража вотчинник получал в виде натурального оброка с зависимых крестьян. Зато рыба, часто в не меньших, если в не в больших количествах, поступала из его личного хозяйства.

В чём дело? Собственник, естественно, был заинтересован в регулярных (ежегодных или еженедельных) поступлениях свежей рыбы к своему столу. Крестьянское же рыболовство (не профессиональное) отличалось сезонностью, т. е. велось в паузах между основными циклами полевых работ. Трудности с консервацией и переработкой рыбы в масштабах мелкого крестьянского хозяйства, о чём говорилось выше, препятствовали ее длительному хранению. Кроме того, транспортировка причитающейся землевладельцу части уловов опять предполагала отрыв многих рабочих рук от хлебопашества.

В этих условиях феодалам было выгодно заводить собственное промысловое хозяйство (что мы уже видели на серии примеров из истории X–XIII вв.), а также налаживать в своей усадьбе массовую переработку и хранение продукции рыболовства (рыбокоптильни в Новгороде). Приоритет здесь принадлежал монастырям, захватившим лучшие угодья.

С развитием городов начали сказываться и другие факторы. Рыба, в первую очередь «красная», стала ходовым товаром, реализация которого через рынок приносила немалый доход^[385]. Новый стимул способствовал стремлению землевладельцев сосредоточить в своих руках богатые рыбой угодья и организовать ее интенсивную добычу. Примером служат северные владения Новгорода Великого, где владельческое хозяйство «имело главным образом промысловый характер» и его удельный вес «в общей экономике феодальной вотчины в Обонежье и Подвинье был выше, чем в центральных областях Новгородской земли»^[386]. Так можно сказать о Белозерском крае, верховьях Волги, низовьях Оки и других местах.

Неудивительно, что в источниках среди лиц, обслуживавших вотчинника, легко обнаружить профессиональных рыболовов или рыбных ловцов^[387]. Они непосредственно ловили рыбу на потребу господину, но рядом с ними существовал целый штат слуг – низшей вотчинной администрации, управлявшей рыбными ловлями и взимавшей повинности рыбой. Функции их были строго разграничены и в документах поименованы: езовники^[388], ловчие^[389], неводчики^[390], осетренники^[391], поледчики^[392], рыбники^[393] и тонники^[394]. Есть также сведения об участии в надзоре за рыболовством «сытников» и «стольников»^[395]. Вполне вероятно, что в княжеском хозяйстве рыбный промысел находился в ведении «ловчего» или «стольнича» пути^[396].

Вниманию одних из перечисленных лиц (поледчиков) поручались зимние ловли; другие (язовники, тонники, неводчики, осетренники) отвечали за эксплуатацию определенных угодий, сооружений и снастей; третьи (рыбники, ловчане, сытники и стольники) ведали всеми рыбными промыслами своего господина, а также сбором повинностей рыбой и деньгами за лов в его угодьях. Такое разнообразие профессий, связанных с организацией рыболовства во владельческом хозяйстве, свидетельствует не только о высокой степени его развития, но и о далеко зашедшем по тем временам процессе общественного разделения труда в феодальной вотчине.

Как выглядело промысловое хозяйство духовных или светских феодалов в XIV–XVI вв.? Возьмем, к примеру, Царе-Константиновский монастырь под Владимиром. Из Уставной грамоты митрополита Киприана (1391 г.) следует, что у монастыря были езы «вешней и зимней», рыбные садки («сады оплетати»), невода, озера, пруды и 2 истока, перегораживавшиеся запрудами и частоколами^[397]. Рыболовство велось силами зависимых крестьян. Они же вязали из льна игумена сети для езов и неводные дели. Рыбные угодья монастыря пользовались иммунитетными правами: рыболовам великого князя запрещалось въезжать в них.

Кирилло-Белозерский монастырь – владелец многих тонь, езов и езьков – только на Белоозере ловил рыбу пятью неводами^[398]. Не менее обширные промыслы были и у многих бояр. Известный новгородский боярин Богдан Есипов владел несколькими колами (на реках Ковоше, Кернове, Стрельне), большим количеством тонь в Волхове, Ладожском озере, Ильмене и десятками мелких озер и речек^[399].

В качестве типичной боярской усадьбы Г. Е. Кочин приводит описание вотчины князя Семёна Михайловича Мезецкого с многочисленными

озерами в пойме реки Клязьмы, на которых строились «езы вешняки» и зимние езы, имелись также два пруда и ловли в Клязьме и ее притоках^[400].

На отдаленных от центральной усадьбы промыслах феодалы ставили специальные «езовые» и «рыбные» дворы. Подробнейшее описание такого двора, принадлежавшего митрополиту Даниилу, «у Сенгу озера на истоках на рыбных ловлях с всяким запасом» сохранилось в Правой грамоте суда М. Ю. Захарьина (1528 г.)^[401]. На дворе стояли две жилых избы, погреб, ледник и сушило. Кроме того, там находились снасти: невод-сотник и десять сетей, а для посола рыбы было припасено 30 пудов соли. Словом, имелось всё необходимое не только для лова рыбы, но и для ее переработки и хранения. В сушиле рыбу коптили и вялили, здесь же развешивали сети. На леднике сберегали рыбу мороженой или соленой. Двор этот, как и многие другие, был настоящим промысловым заведением.

Помимо профессиональных ловцов, во владельческих ловлях участвовали окрестные крестьяне. В XVI в. иногда даже нанимали свободных работников «волочить невод»^[402]. Широко практиковалась (см. Новгородские писцовые книги и другие источники) землевладельцами сдача рыбных угодий в оброк или аренду, большей частью натуральные, но с конца XV в. всё чаще переводившиеся на деньги.

В результате обзора развития рыболовства в феодальной вотчине с X по XVI вв. нельзя не прийти к некоторым весьма существенным выводам. С самого начала, как показывают археологические материалы и сведения письменных источников, земельные собственники стремились организовать в своем личном хозяйстве регулярную добычу рыбы, так же как отлов и отстрел дичи, добычу меда; устроить сады и огороды. Вполне понятно, что они старались в первую очередь обеспечить себя теми продуктами, получение которых с зависимых крестьян было затруднено по разным причинам. На этом этапе рыболовство еще не выделилось в самостоятельную отрасль вотчинной экономики. Но уже в XII в. мы вправе видеть среди лиц, населяющих феодальную усадьбу, рядом с тетервником, капустником и бортником, специалиста-рыболова.

Процесс общественного разделения труда в боярщинах протекал быстрее, чем в окружающем их крестьянском мире^[403]. С одной стороны, его подталкивали всё возрастающие потребности феодала и его двора в различных товарах и продуктах. С другой стороны, хорошая обеспеченность вотчины (в результате эксплуатации подвластного населения) предметами первой необходимости – хлебом, мясом и

некоторыми другими – открывала большие возможности для развития внутри нее узко специализированных отраслей хозяйства: всяких ремесел, огородничества, садоводства, промыслов, в частности рыболовства.

Сначала, по-видимому, продукция промыслового рыболовства целиком поглощалась личным потреблением обитателей усадьбы. Но, если по данным XIV–XV вв. прикинуть, хотя бы приблизительно, производительность многих владельческих рыбных промыслов да прибавить к ней ежегодные поступления рыбы из крестьянских хозяйств, то станет очевидным, что никакой боярин даже с целым сонмом слуг физически не мог съесть тысячепудовую гору рыбы. Тем не менее землевладельцы по-прежнему усиленно развивают собственное рыболовство. Они всеми правдами и неправдами захватывают новые угодья, строят езы, заколы; посылают в отдаленные районы ватаги рыболовов, круглогодично вылавливают рыбу десятками неводов и сетей в окрестных водоемах. У них появляются в самых удобных для ловли местах специальные деревни и слободы, населенные «непашенными» ловцами. Можно не сомневаться в причинах этого явления: рыба стала товаром, источником дохода. Сейчас мы лишь наметим столь важный рубеж: вторая половина XIII–XIV в. ^[404] Товаро-денежные отношения теперь властно толкали феодалов на путь интенсификации своего рыбного хозяйства. Сколь велики были ее успехи, станет ясно из дальнейшего изложения. Нелишне только подчеркнуть, что уже в начале XVI в. (по данным письменных источников) во многих вотчинах существовали специальные предприятия по переработке рыбы – рыбные дворы.

Не следует, конечно, переоценивать достигнутые результаты. В основе их лежала жестокая эксплуатация феодально-зависимого крестьянства, на плечи которого тяжелым бременем падали многочисленные обязанности, связанные с вотчинным рыболовством: бить езы и заколы, ставить дворы, забивать истоки, насыпать запруды, вязать сети, «ходить на невод», участвовать в других ловлях и доставлять пойманную рыбу ко двору боярина. Это – оборотная сторона медали, глушившая ростки новых, капиталистических отношений. Всё-таки случаи найма в рыбном промысле хоть и имели место, но далеко уступали по массовости отработочным повинностям.

в) Развитие рыболовства в древнерусских городах

Даже беглое знакомство с письменными источниками XIV–XVI вв. не

оставляет сомнений в самом широком распространении рыболовства, причем промыслового, связанного с рынком, в городах и поселках городского типа. «Рыбаки-профессионалы, – справедливо отмечают исследователи, – одна из обычных категорий посадского населения в городах»^[405].

Такое положение сложилось, конечно, не вдруг, не в короткий промежуток времени. Актовые материалы и сплошные переписи эпохи сложения Русского централизованного государства зафиксировали один из конечных этапов длительного процесса, начало которого восходит к периоду возникновения городов и становления феодальных отношений на Руси.

Пытаясь вникнуть в существо вопроса, определить место рыболовства в хозяйстве горожан X–XII вв. и его экономическую значимость, приходится обращаться в первую очередь к археологическим находкам, поскольку сведения редких памятников письменности слишком отрывочны и фрагментарны.

Однако, благодаря многочисленным и хорошо документированным раскопкам древнерусских городов, особенно планомерно осуществляемым в последние десятилетия, накоплен богатый и разнообразный фактический материал. Если посмотреть на карту распространения находок рыболовных орудий (карта 1), легко убедиться, что практически нет ни одного города или поселения городского типа (археологически изученных), в культурных напластованиях которых не были бы обнаружены эти предметы. Если географически подобные находки характерны для городов всех русских земель-княжеств – крупных культурно-экономических центров типа Киева, Новгорода, Чернигова, Смоленска, Рязани или Полоцка; менее значительных, вроде Вщижа, Торопца, Воиня или Изяславля или, наконец, для поселений, только обещавших стать городами, таких как Шестовицы, Райковецкое городище, Липинское или Китаевское, – то налицо бесспорное свидетельство о повсеместном занятии горожан рыболовством.

Лучшим методом установить характер, степень развития и продуктивность древнерусского городского рыбного промысла (X – начало XIII в.) были бы сплошное сравнение добытых коллекций и статистическая обработка полученных результатов. К сожалению, эффективность этого способа резко снижается трудностями объективного свойства. Во-первых, различная сохранность тех или иных находок сразу искажает общую картину. Пример Новгорода (см. главу I) наглядно иллюстрирует, каким превратным было бы наше представление о местном рыболовстве, если бы

культурный слой города не консервировал органические вещества, прежде всего дерево. Во-вторых, неравномерность исследования воздвигает новую преграду: в одних случаях раскопки велись на широких площадях, чаще в их соотношении со всей территорией памятника кратко двузначной или трехзначной цифре. Кроме того, как правило, полнее изучены детинцы (военно-аристократические кварталы), а не посады. В-третьих, неразработанность хронологии (за редким исключением), суммарные датировки горизонтов слоя обедняют выводы.

Всё вышесказанное заставляет сконцентрировать внимание на наблюдениях общего порядка, привлекая в отдельных случаях коллекции наиболее исследованных городищ.

Итак, археологические находки убедительно показали, что рыболовство не осталось вне поля хозяйственной деятельности древнерусских горожан. Нетрудно ответить и на другой вопрос: когда и как это случилось? В древнейших напластованиях Ладоги, Новгорода, Пскова, Воиня, Родни и многих других городов рыболовные орудия встречены неоднократно. Если вспомнить, что лов рыбы играл существенную роль в жизни поселения таких городищ VIII–X вв., как Титчиха и Хотомель, имевших явную тенденцию к превращению в настоящие города или феодальные замки, то суть дела упростится еще больше. Жители городов ловили рыбу всегда. Они унаследовали эту отрасль своей экономики из комплексного, мелкого, натурального хозяйства предшествующей эпохи.

Генеральная линия размежевания первоначально не коснулась рыболовства: определяющим в самом процессе возникновения городов было отделение ремесла от земледелия. Добыча рыбы же и в хозяйстве крестьян, и в хозяйстве горожан в древнейшую эпоху не выходила за рамки «домашнего» промысла, являясь придаточной по отношению к главному занятию – хлебопашеству или ремесленной, военно-административной и прочей деятельности. В этом легко убедиться, так как раскопками нигде не обнаружено ни одного хозяйственного комплекса, ни одного жилища X–XI вв., главным занятием владельцев которых было бы рыболовство. Везде находки рыболовных орудий соседствуют с орудиями труда земледельца или ремесленника. Ничто сейчас не дает нам права считать лов рыбы на Руси в X–XI вв. самостоятельной профессией, хотя многие виды ремесла к этому времени стали таковыми^[406]. Конечно, было бы очень заманчиво подметить нюансы в структуре отдельных хозяйств, в сочетании их отраслей. Но имеющийся пока материал не всегда позволяет это сделать.

Какие черты присущи городскому рыболовству раннего времени? Рассматривая динамику развития рыбацкой техники, а также наблюдая

медленный рост интенсивности промысла (главы III и IV), можно вывести некоторые закономерности. По отношению к предыдущему периоду все категории интересующих нас находок количественно (главным образом за счет раскопок города) выросли в десятки и сотни раз. И дело здесь не столько в том, что значительно увеличилось число изученных памятников. Бросаются в глаза разнообразие и, что особенно важно, специализация рыболовных орудий. Появились новые типы крючков и острог (коллекции Новгорода, Ладоги, Гродно, Княжей Горы, Белой Вежи и др.), а найденные грузила и поплавки (Новгород, Псков, Белоозеро, Воинь, Полоцк) говорят о применении сетей различного назначения и размеров. Расширение ассортимента рыболовного инвентаря шло по пути его специализации.

В разделах, посвященных древнерусским рыболовным орудиям, подчеркивалось, что прогресс в этой области был связан с общим подъемом экономики – бурным развитием земледелия и ремесла. А оснащение городских рыболовов даже в X–XI вв. (по археологическим данным) отличалось большим разнообразием и совершенством, чем промысловое снаряжение сельских рыбаков. Именно в городах найдены целые серии рыболовных крючков, острог, блесен, десятки грузил и поплавков от сетей. Сельские поселения, даже хорошо раскопанные, дают лишь единичные экземпляры рыболовных орудий. Причина, по-видимому, одна: трудовая деятельность жителей городов, а отчасти и феодальных усадеб, не регламентировалась жестко сезонами полевых работ^[407]. Они свободнее распоряжались своим временем и часть его могли тратить на побочные занятия: промыслы, огородничество и т. п. К этому стимулировала их также необходимость постоянно изыскивать дополнительные источники пропитания, поскольку сельская округа, о чём неопровержимо свидетельствуют летописи, далеко не всегда обеспечивала город в избытке продовольствием.

Комплекс перечисленных факторов создавал благоприятные условия для развития рыболовства в древнерусских городах, чему в немалой степени способствовало наличие в их окрестностях водоемов, богатых рыбой^[408]. Постепенным освоением больших водных бассейнов (глава IV) как раз и отмечен первый период в истории городского рыбного промысла на Руси.

Однако лов рыбы, как уже говорилось, еще не превратился в самостоятельную отрасль хозяйства. Степень его интенсивности и продуктивности оставалась незначительной. Например, жители городища в Шестовицах, дружинный и ремесленный облик которого ярко выражен,

добывали рыбу главным образом в придаточных водоемах – старицах и пойменных озерах^[409]. Вспомогательный характер рыболовства здесь не вызывает сомнений. В древнем Пскове и Ладоге промысел рыбы первоначально велся в реках Великой и Волхове и в их предустьевых пространствах в Псковском и Ладожском озерах^[410].

К сожалению, не всегда удастся проследить распределение тех или иных рыболовных орудий во времени, т. к. стратиграфически культурные напластования во многих городах делятся плохо и датируются суммарно. Но если обратиться к памятникам, жизнь которых по тем или иным причинам прекратилась в X–XI столетиях (например, Витичев, Шестовицы, Екимауцы), то окажется, что ассортимент орудий рыбной ловли оттуда будет невелик: железные крючки, блесна, детали составной трехзубой остроги и глиняные грузила от небольших сетей. Всё это – предметы индивидуального лова, отнюдь не свойственные рыбакам-профессионалам.

А как обстояло дело в наиболее развитых городах? И здесь выявляется сходная картина. В Новгороде, стратиграфия и хронология которого разработаны очень четко^[411], наибольшее количество рыболовных крючков происходит из ярусов X–XII вв.^[412] (графики 1, 2). Обратное соотношение по подсчетам автора характерно для грузил и поплавок от сетей (графики 4, 5, 7, 8). Это наблюдение отражает процесс постепенного превращения рыболовства в специализированный промысел. Но до середины XII в. качественных изменений в его характере не произошло. Развитие шло вширь, совершенствовалась техника, осваивались новые водоемы, уловы становились разнообразнее, т. е. создавались материально-технические предпосылки для выделения рыболовства в самостоятельную отрасль экономики.

Начиная с середины XII в., наряду с количественным ростом находок рыболовных орудий в городах (глава III), наблюдаются заметные изменения в их территориальном распределении. По-прежнему трудно указать памятник, где бы те или иные орудия рыбного промысла не были обнаружены. Зато появились поселения с высокой концентрацией этих находок. Свыше 100 рыболовных крючков разных типов, составные четырех- и шестизубые остроги, блёсны, около 40 свинцовых и керамических грузил городища Княжая Гора (древняя Родня) близ Канева^[413]. Там же в жилищах и хозяйственных ямах найдены многочисленные кости и чешуя рыб: сомов, судаков, щук, лещей и других^[414].

Еще более впечатляющие результаты дали работы на территории древнерусского города Ярополча-Залесского на Клязьме и соседнего с ним Пирова поселения, слившегося постепенно с городским посадом^[415]. Среди находок там «важное место занимали орудия рыбной ловли, свидетельствующие о широком развитии здесь этого промысла»^[416]. Найдено около 100 железных рыболовных крючков, свыше 100 грузил (в основном глиняных, но есть и каменные, и свинцовые) от сетей. Большая коллекция всевозможных рыболовных крючков происходит из слоев XII–XIII вв. в Гродно^[417], а также из Волковыска^[418].

Прибавим, что именно в XII в. под Новгородом в Перыне возникает поселение рыбаков, а в самом городе увеличивается число находок грузил и поплавков от сетей (графики 4, 5, 7, 8).

Если сопоставить вышеизложенные данные с фактом большого разнообразия и специализации рыболовных орудий всех типов в это время (глава III), а также с тем, что на ряде памятников (Рязань, Ярополч-Залесский, Родня, Перынь) в некоторых жилищах орудия рыболовства преобладают над всеми прочими находками, вывод о появлении в русских городах в конце XII – начале XIII в. профессионального рыбного промысла получает необходимое подкрепление. Об этом же говорят пока немногочисленные, но достаточно веские наблюдения над значительным расширением количества объектов лова в Гродно^[419] и Волковыске^[420], как раз на рубеже XII–XIII вв.

В. В. Седов, внимательно исследовавший Пирово поселение и городской посад Ярополча Залесского, вполне обоснованно отметил, что отсутствие почвообрабатывающих орудий, единичные находки серпов при высоком развитии ремесел и промыслов не позволяют считать земледелие ведущей отраслью хозяйства^[421]. Рыболовство для многих жителей стало главным направлением их хозяйственной деятельности. Жилища рыбаков-профессионалов найдены в Старой Рязани^[422], несомненно они были в Новгороде^[423] и многих других городах.

Появление в городах и их ближайшей округе профессионального рыбного промысла не вызывает удивления. Помимо феодалов, окруженных штатом слуг и холопов, древнерусское городское население состояло из многочисленного посадского люда: ремесленников, купцов, церковного причта и пр. Связь перечисленных категорий лиц с сельским хозяйством быстро слабела. Особенно показательны в этом смысле развитие ремесла. Б. А. Рыбаков насчитывает в крупнейших древнерусских городах накануне татаро-монгольского нашествия около 60 ремесленных

специальностей^[424]. Ремесло не только выделилось в самостоятельную отрасль хозяйства, но и постепенно дробилось на более узкие профессии. Многие мастера, по мнению Б. А. Рыбакова, уже начали работать на рынок, т. е. приступили к товарному производству^[425]. Специализации ремесленников на изготовлении промышленных изделий и отход их от сельскохозяйственной деятельности позволили другим приступить к целенаправленному производству продуктов земледелия и промыслов для реализации их на городском рынке. Так в городах появились огородники, мясники, рыбные ловцы, калачники, кисельники и др.

Рыболовство прочно вошло в круг основных профессий посадского населения. И летопись, подтверждая сделанный вывод, называет рыбу среди главных товаров новгородского торгового в первой половине XIII в. В 1228 г. князь Ярослав привел в Новгород переяславские полки для участия в походе на Ригу и «вздоражаша все на торгу: и хлеб, и мяса, и рыбы; и оттоле ста дороговь»^[426]. Это свидетельство – ценный довод наших скудных на экономические подробности письменных памятников. Городской рынок сельскохозяйственных продуктов был, по-видимому, еще узок и не мог удовлетворить неожиданно увеличившийся спрос, но он уже существовал и, надо полагать, вполне обеспечивал сам Новгород.

Судя по археологическим данным, помимо посадских ловцов-профессионалов рыбу на городской торговле поставляли и крестьяне окрестных селений. Добыча рыбы стала в их хозяйстве важным вспомогательным промыслом. Любопытные сведения попали в летописную статью 1159 г. Ее автор, повествуя о княжеских усобицах середины XII в., сообщает, что князь-изгой Иван Берладник вкуче с половцами на Дунае «пакостяше рыболовомъ Галичскимъ»^[427]. Следовательно, за рыбой, по всей вероятности ценной (Дунай до сих пор славится своими рыбными богатствами), предпринимались специальные экспедиции заметного масштаба, если летопись упомянула это событие.

Таким образом, налицо новые успехи процесса общественного разделения труда на Руси. Вслед за ремеслом от земледелия отрываются «домашние» или «добывающие» промыслы, в первую очередь рыболовство, отвлекающее в свою сферу много рабочих рук пригородного и посадского населения. Степень дифференциации и специализации хозяйственной деятельности второй половины XII – начала XIII в. оказывается сравнительно очень высокой. Из регулярной, но малопродуктивной или, точнее, слабо развитой статьи городской экономики лов рыбы превратился в специализированный промысел с определенными чертами товарного

производства. Связь его с рынком, зафиксированная источниками, надежно аргументирует этот вывод. Однако рыболовство не стало исключительно уделом профессионалов. Топография находок орудий рыбной ловли на многих памятниках, где вскрыты значительные площади (например, Новгород, Псков, Белоозеро, Рязань, Суздаль, Киевский Подол и др.), показывает, что рыбу по-прежнему добывали во многих хозяйствах. Причем лов велся не только крючными снастями и острогами, но и сетями. Значит, круг сбыта продукции ловцов-специалистов был еще недостаточно широк и удовлетворить полностью потребности населения большого города в рыбе они не могли. Перед нами начальные стадии формирования местных сельскохозяйственных рынков, возможности которых были ограничены и не подрывали натуральной основы большинства хозяйств.

Пути дальнейшего развития рыболовства в древнерусских городах отчетливо вырисовываются в процессе изучения разнообразного актового материала, летописей, писцовых и лавочных книг, сотных выписей, а также подробной документации крупных монастырей и церквей (XVI в.): расходо-приходных книг, книг ключей и т. д. Дополнительные сведения можно извлечь из наблюдений за результатами археологических раскопок в таких городах, как Новгород, Псков, Москва, Дмитров, Старая Русса, Городец на Волге, Путивль и др. Наибольшее значение, конечно, имеют материалы, полученные после многолетних работ Новгородской археологической экспедиции.

Татаро-монгольское нашествие сильно подорвало экономику многих древнерусских городов, нанесло тяжелый удар переживавшему период расцвета ремеслу. Его рыночные связи, установившиеся к XIII в., частично были нарушены^[428]. Некоторые из крупнейших культурно-экономических центров (Киев, Чернигов, Галич, Рязань, Переяславль-Русский и др.) или совсем пришли в упадок, или в течение длительного времени не могли оправиться от жестокого разгрома.

Зато северо-западные и северо-восточные города, частично избежавшие общей участи, вскоре преодолели последствия варварского разорения и век спустя жили полнокровной, многосторонней жизнью.

Вслед за татарами на Русь устремились и другие иноземные захватчики. В боях с ними защитники русской земли покрывали себя неувядаемой славой. Но всё-таки литовско-польским феодалам удалось отторгнуть от бывшего Киевского государства многие из его западных и юго-западных княжеств.

Все эти события не могли не сказаться и, безусловно, сказались отрицательным образом на прогрессивном развитии русских городов.

«Застой, вызванный разгромом 1237–1241 гг. и последующим установлением татарского господства, продолжался до XIV в.»^[429]. Некоторые ремесла исчезли, продукция других стала грубее и проще. Изменился и облик самих городов: резко сократилось строительство каменных зданий.

Произошли ли существенные сдвиги в роли городского рыбного промысла? Хотя в нашем распоряжении находятся главным образом новгородские и псковские материалы, всё же думается: в решении этого вопроса особой ошибки не будет.

Кривые распределения находок рыболовных орудий по строительным ярусам древнего Новгорода, особенно глиняных грузил и ботал (графики 6, 8), стремительно возрастают. В XIII в. стало больше острог (график 3). Зато несколько сократилось количество тяжелых, каменных грузил (график 4).

Взаимосвязь этих явлений с историческими судьбами Руси и Новгорода в тяжелую эпоху иноземного нашествия несомненна. В несколько раз увеличился промысел рыбы с помощью ставных ботальных сетей, а также волоковыми снастями типа бредней. Широкое распространение получила острога – орудие, не свойственное профессионалам-рыболовам. Налицо заметное повышение экономического коэффициента рыболовства в хозяйстве горожан. Любопытно, что параллельно несколько сокращается неводная ловля (каменные грузила). По-видимому, это связано с уменьшением посевов прядильно-масличных культур, или, скорее, с возросшим спросом на пряжу и соответствующим ее вздорожанием. А ведь для изготовления невода требовалась несколько пудов волокна. Профессиональное рыболовство, конечно, не исчезло в это время. Но рядом с ним и вместе с ним вновь получила широкое развитие добыча рыбы внутри каждого хозяйства, как отрасль его домашних промыслов.

Тяжелый удар, нанесенный татарами древнерусскому земледелию, прежде всего тем областям, откуда поступал в Новгород хлеб («несть места, ни веси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша на Суждальской земли»^[430]), приток в город населения, бежавшего от захватчиков, остро поставил вопрос о дополнительных источниках пропитания. Поэтому рыболовство, повсеместному распространению которого благоприятствовали природные условия как Северо-Западной, так и Северо-Восточной Руси, в Новгороде, Пскове, Старой Руссе, да и в большинстве других уцелевших или восстанавливающихся городов и сёл, приобрело исключительно важное значение.

Дальнейшие наблюдения над новгородскими находками проливают свет на пути развития рыбного промысла в древнерусском городе. Постепенно сокращается количество глиняных грузил и ботал, почти исчезающих к началу XV в. (графики 5, 6). В обратной пропорции возрастает число каменных грузил (график 4), а также круглых, прошитых лыком, берестяных поплавков (график 7). Следовательно, лов неводами и большими ставными сетями, лов промысловый вытесняет менее продуктивные виды рыболовства. В топографическом распределении интересующих нас предметов по площади новгородских раскопов обнаруживается их концентрация в отдельных пунктах, вместо широкого разброса в предшествующее время. Нет нужды подробно анализировать характер этого явления. Промысел рыбаков-профессионалов и полупрофессионалов, промысел, связанный с рынком, т. е. товарное «производство» рыбы, выходит в Новгороде и его землях на первое место. Этот вывод закрепляет целая серия берестяных грамот (№ 92, 99, 124, 131, 134, 144, 169, 186, 258, 260, 280, 310 и др.)^[431].

Такие города, как Новгород и Псков, расположенные в соседстве с богатейшими рыбой водоемами, тем не менее не были исключением. Письменные источники конца XV – начала XVI в., а также середины XVI – начала XVII в., не позволяющие ретроспективно судить о более ранней эпохе, дают яркое и исчерпывающее представление о развитии городского рыболовства в Древней Руси. Многие из этих материалов подробно изучены и обработаны Н. Д. Чечулиным^[432], М. Н. Тихомировым^[433], В. Н. Бернадским^[434], Л. В. Даниловой^[435], Б. Б. Кафенгаузом^[436] и другими исследователями^[437]. Привлекая их выводы и наблюдения, а также некоторые дополнительные сведения, можно детально ответить на поставленный вопрос.

Итак, по далеко не полным данным, рыбаки-профессионалы отмечены в документах среди посадско-тяглового и беломестного населения в XVI в. в Белоозере, Волочке, Галиче Мерском, Коломне, Копорье, Кореле, Костроме, Ладоге, Можайске, Москве, Муроме, Нижнем Новгороде, Новгороде, Орешке, Переяславле-Залесском, Переяславле-Рязанском, Пскове, Ростове, Соликамске, Твери, Торопце, Туле, Устюжине Железнопольской, Холмогорах, Яме и Ярославле – всего в 26 городах. Появились они затем и в Казани, Свияжске и Астрахани (после присоединения этих земель к Руси).

Перечисленные факты свидетельствуют о широком, практически повсеместном распространении профессии рыбака в древнерусских

городах XV–XVI вв. (карта 3). Отчетливо проступает связь городских рыбаков с рынком, так как многих из них документы называют владельцами лавок и амбаров.

Количество рыболовов в разных городах колебалось от нескольких человек до очень значительной прослойки среди посадского населения. Например, по подсчетам Н. Д. Чечулина в Торопце из 79 ремесленников (33 профессии) рыболовов было 3; в Можайске – из 224 (57) – 3; в Серпухове соответственно 331 (51) – 1; в Устюжине 245 (43) – 3 и т. д.^[438]

Нигде в этих городах рыболовы не составляли большинства и своей продукцией, надо полагать, обслуживали местный рынок. Но присутствие рыбаков-профессионалов само по себе показательно. По всей вероятности, рыболовством в расчете на сбыт добычи в городе занимались не только его жители, но и население окрестных сёл. Иначе трудно объяснить, скажем, что в Туле в качестве рыбаков фигурируют четыре человека, а рыбой торговали в 10 лавках^[439]. Вряд ли поставщиками рыбы были другие горожане, скорее ее привозили из ближайшей округи.

Во многих городах рыболовы-профессионалы жили обособленно, в слободах, принадлежавших духовным и светским феодалам. Такие поселения известны в Переяславле-Залесском, Ростове, Ярославле, Костроме, Галиче, Твери, Муроме, Переяславле-Рязанском, Коломне, Кашире. Своими размерами (99 дворов) выделялась Рыболовная царская слобода в Переяславле-Залесском^[440]. 18 дворов было в слободе под Ростовом, откуда рыбаки выезжали на озеро Неро в 16 лодках с 15 неводами, 4 мережами и 4 сетями, а зимой выходили на лед с 6 неводами^[441]. В Кашире рыболовы, жившие в 10 дворах за речкой Каширкой, обязаны были ловить для государя осетров, стерлядей и белорыбицу^[442]. В Муроме в специальной слободке стояло 6 дворов «государевых мережников»^[443]. Дворцовыми были и 31 рыболов Рыбной слободы «над озером» в Галиче Мерском, платившие в XVI в. более 50 рублей оброка в год^[444].

На этом явлении стоит остановиться подробнее, ибо оно отражает типичное для XVI в. «развитие беломестного феодального землевладения за счет посада»^[445]. Помимо рыболовных существовали ямские и стрелецкие слободы, жители которых несли особую государственную службу, но немало было и слобод, населенных ремесленниками всех профилей и торговцами. Однако рыболовы представляли всё-таки одну из самых значительных групп беломестного населения. И это не удивительно. Во-первых, феодалы, прежде всего монастыри и великокняжеский двор,

были заинтересованы в получении высокосортной рыбы. Во-вторых, сами ловцы, выделяясь из посада, освобождались от общего тягла и несли повинности (натуральный или денежный оброк) только в пользу своего государя.

Последнее обстоятельство имело общественное значение. Чтобы вскрыть его причины, надо разобраться в одном немаловажном вопросе: где ловили рыбу городские рыбаки? Источники определенно отвечают, что у каждого города имелся некоторый фонд различных угодий, в том числе и рыболовных. «А угодий у ивангородцев в реце Нарове – ловля рыбная, 30 колов», – сообщает писцовая книга^[446]. Были рыбные ловли и в Устюжине, с которых собиралось 4 рубля оброку и 2 гривны пошрины^[447]. В Ладоге у посадских людей на оброке находилось «на реке Волхове 41/2 сиговых тони, да 8 тонь вешняя ловли лещевых, да на Ладожском озере лещевые ловли 100 мест и нижние ловли 11 лодок»^[448]. Такой порядок возник не в XV–XVI вв., а гораздо раньше. Достаточно вспомнить, что еще в первой половине XII в. князь Изяслав Мстиславович испрашивал у Новгорода разрешения наделить основанный им Пантелеймонов монастырь рыбными тонями^[449].

Есть все основания думать, что земельные и прочие угодья, тянувшиеся к городам, сложились разными путями в процессе их становления: или это были те общинные угодья, которыми пользовались жители предшествующего поселка, или же пожалования горожанам центральной властью при основании нового города. Без такого обеспечения жизнь посадских людей оказалась бы крайне затрудненной, если не невозможной. Роль побочных источников их существования – огородничества, скотоводства, рыболовства – была в средневековье еще очень высока.

Любопытно другое: наступление феодалов на городские владения. Со всех угодий, и рыбных в частности, взимался в пользу казны (если город не был владельческим) натуральный или денежный оброк. Мало этого – особо богатые рыбой участки водоемов были предметом воцелений духовных и светских феодалов. Случай с Пантелеймоновым монастырем наглядно иллюстрирует процесс отторжения городских территорий в XII в. Для более позднего времени количество подобных фактов можно увеличить во много раз.

Вот хороший пример. В середине XVII в. на заре городской жизни в Торопце, при достаточно еще не развитом институте феодальных поборов его жители, как об этом говорилось выше, платили смоленскому князю

оброк тремя санями рыбы. А в середине XVI в. (1540 г.), когда город являлся самым значительным центром на западном рубеже между Смоленском и Новгородом, располагал обширным посадом (415 тяглых дворов, 595 человек взрослого мужского населения) и торгом (68 лавок, 2 полка)^[450], с городских рыбных ловель взималось всего 1¹/₂ рубля за пять бочек щучины^[451]. Причем оброк этот разводили сами жители «по рыбнымъ ловлемъ»^[452]. Предполагать здесь снижение оброка по каким-то причинам не приходится. Думается, что лучшие угодья (а окрестности Торопца и поныне славятся прекрасной рыбой) со временем перешли к частным собственникам. У города остались худшие водоемы, ведь щуки (за них, кстати, брали деньгами) никогда не считались ценной рыбой.

В этих условиях стремление городских рыболовов-профессионалов уйти под покровительство крупных феодалов вполне понятно. Их экономическое положение сразу значительно улучшалось. Они освобождались от многочисленных государственных повинностей и, обязанные лишь фиксированным рыбным оброком (иногда в денежной форме) землевладельцу, успешно реализовали основную часть добычи на местных, а возможно, и более далеких рынках. Известны случаи, когда люди (не рыбаки) «выходили с посаду» и закладывались за вотчинниками (Годуновыми, родственниками царя) в Ловецком присуде «для легкости, что им в том присуще жить было легко»^[453].

Рассматривая состав городского населения центральных и южных областей Руси в XVI в., присутствие ловцов-профессионалов в большинстве из них устанавливается легко. Однако количество представителей этой профессии, как правило, невелико. Причина здесь одна – отсутствие обширных угодий, обеспечивающих беспрепятственное развитие рыбного промысла. В тех же случаях, где такие угодья имелись (Поволжье, низовья Оки), процент рыбаков сразу возрастал (Переяславль-Залесский, Ярославль, Кострома, Галич и др.). Правда, в основном они были белодворцами, что, впрочем, не влияло коренным образом на промысловый характер их деятельности.

Несколько иная картина сложилась в северо-западном крае – в новгородских и псковских землях. Исследователи давно уже обратили внимание, что в таких городах, как Ладога, Корела и Орешек, рыболовы составляли большинство посадского населения^[454]. Так, в Кореле, по переписи 1500 г., из 177 дворов на посаде 110 принадлежали рыболовам, причем 15 числились «лучшими»; в Орешке – 40 дворов из 148, а в древней Ладоге – 73 из 107. В этих городах рыболовство никак нельзя признать

свидетельством прочной связи жителей с сельским хозяйством. Напротив, товарный характер промысла выражен очень отчетливо. Внутренние потребности в рыбе перекрывались уловами местных рыбаков в несколько раз. Их промысел был в первую очередь рассчитан на внешний рынок, которым, как это уже отмечалось в литературе, являлся огромный, густо заселенный Новгород^[455]. В XV в., как пишет В. Н. Бернадский, «давние рыболовные и звероловные промыслы, солеварение, развивающиеся промыслы по добыче и обработке железа, а может быть, и кожевенное производство работали отчасти уже на широкий рынок, выходивший даже за пределы Новгородской земли»^[456].

Вообще, появление в ближайшей и дальней округе крупнейших древнерусских городов промысловых сёл, рядков и настоящих городских поселений с узконаправленной хозяйственной деятельностью знаменует большие успехи процесса общественного разделения труда на Руси. Рыболовству в нём принадлежит заметное место. Новгородские погосты, вроде Ужина и Взвада; псковские посады, например Талабск в Псковском озере, или деревня Мачкова и погост на Куре-озере под Суздаlem; сёла на Шексне и многие другие поселения, где процветал рыбный промысел, бывший основным занятием их жителей, приобрели такой характер благодаря установившимся рыночным связям с городами. Именно развитие городов как центров ремесла и торговли давало толчок к дифференциации деревни, начинавшей специализироваться в снабжении города определенными продуктами. Иными словами, близость емкого рынка для деревенских товаров постепенно придавала сельской экономике черты, характерные для городского хозяйства.

Заканчивая обзор истории городского рыболовства в Древней Руси, следует подчеркнуть длительный путь его развития от обычного «домашнего» промысла, ничем не отличающегося от прочих «побочных» занятий горожанина, до вполне самостоятельной отрасли городского хозяйства, связанной с торгом и определявшей в некоторых случаях экономическое лицо того или иного города и поселка.

Феодальные повинности, связанные с рыболовством, и их эволюция под воздействием развивавшихся товарно-денежных отношений

Выше, в разных разделах по тем или иным поводам приходилось касаться всякого рода повинностей и поборов, связанных с рыболовством и налагавшихся на сельское и городское население феодальным государством и землевладельцами-вотчинниками. Теперь необходимо более конкретно разобрать их формы, размеры и эволюцию.

Источники домонгольского времени содержат очень мало интересующих нас сведений. Согласно древнейшим спискам «Покона вирного», население должно было поставлять княжескому вирнику во время постов рыбу (заменяющуюся денежным взносом)^[457]. Такое же обеспечение полагалось и городнику^[458].

Из уже неоднократно цитировавшейся Уставной грамоты Смоленской епископии известно, что рыба составляла часть урока, взимавшегося с Торопца и Лучина^[459]. Договоры Новгорода с князьями постоянно упоминают княжеского осетренника, посылавшегося на третье лето в Ладогу, где он, по-видимому, получал отчисления с уловов осетров^[460].

Даже эти немногочисленные примеры доказывают наличие рыбы среди сбиравшихся натурой государственных повинностей. Особое внимание князья обращали на ловлю осетровых рыб и регулярно облагали их соответствующими поборами. Кроме того, в обязанности поселения некоторых волостей входили поставки орудий рыболовства (невод, курица и бредник – Смоленской грамоты) для княжеских ловищ. Можно предположить, что уже тогда существовали и отработочные повинности по обслуживанию этих ловищ, и доставка рыбы.

Оброк рыбой поступал, конечно, и феодалам-вотчинникам. Недаром в данных грамотах XII в. князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславовича Юрьеву монастырю, Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю, а также в грамоте Варлаама Спасо-Хутынского монастырю рядом с земельными пожалованиями даруются ловища, тони и колы в реках^[461]. По всей вероятности, крестьяне монастырских сёл привлекались к участию в рыбной ловле, обязаны были поддерживать в порядке рыболовные сооружения и отдавать в пользу землевладельцев какую-то часть своих уловов. Однако установить

конкретные формы и размеры повинностей не позволяет состояние источников.

Думается, всё же поступления рыбы в виде феодальной ренты были невелики. Основную ее массу землевладельцы получали со своих собственных ловищ, обслуживавшихся челядью.

Таким образом, уже в домонгольской Руси мы встречаем рыбу и в составе натурального обеспечения (корма) правительственных агентов, и среди государственных податей, и, наверное, в оброке натурой, взимавшемся феодалами-вотчинниками с подвластных им крестьян. Существовали также отработочные повинности, связанные с владельческим рыболовством.

Вопрос о соотношении количества продуктов (в том числе и рыбы), производившихся в собственно вотчинном хозяйстве и доставлявшихся феодалам через эксплуатацию путем оброчной системы крестьянских хозяйств, остается открытым. Ряд косвенных фактов заставляет отдать предпочтение первым и полагать, что продуктовая рента находилась еще в зародышевом состоянии^[462].

Начиная со второй половины XIII в. сведения о феодальных повинностях, ложившихся тяжким бременем на плечи населения русских земель, постепенно приобретают массовый характер. Исследователи насчитывают около двухсот наименований только специфически крестьянских повинностей и поборов^[463]. Многие из них касались рыболовства.

Одним из специальных поборов в пользу великих или удельных князей было «рыбное»^[464]. Так, в жалованной грамоте можайского князя Ивана Андреевича Ферапонтову монастырю на деревню Крохину (1434–1435 гг.) говорится: «ино тем всем его людем на надобе моя дань на десять лет, ни которая пошлина ни рыбное»^[465]. Другие акты позволяют установить порядок сбора «рыбного». «Мои рыбники с ыгумновых неводов и съ его людеи неводов, колко игумновыхъ неводов ни буда, за рыбное емлють с невода по двадцети бель, как и су горожан емлют», – сообщается в грамоте белозерского князя Михаила Андреевича, данной Кирилло-Белозерскому монастырю (1476–1482 гг.)^[466]. Здесь денежный взнос заменил, по-видимому, прежние отчисления натурой.

«Рыбному» Белозерского и Вологодского уездов идентичен, надо полагать, рыбный оброк, взимавшийся представителями великокняжеской администрации с различных снастей и ловель в других древнерусских землях. «А збирати старостам и целовальником тот рыбный оброк с

рыбных ловцов с их рыбных ловель с неводов, и с кереводов, и с сетей, о со всяких ловель, хто какими ловлеми учнет с озере Селигере рыбу ловити, а не по пашне, а не по двором, и не по сохам, и не по тяглу, и не по животом», – объявляется в выписи из книг рыбной ловли (1557 г.) в озере Селигер.

Размеры этого оброка определялись применительно к местным условиям (пятая, шестая, десятая рыба; «пятнадцать сущик да по пяти пластей» с чаща или «с невода по десяти рыб в стрелу» и т. д.). Важно другое: рыбным оброком облагались все ловцы (если им не давались льготы), независимо от их правового положения^[467]. «А кто имеет рыбу ловити на моем озере на Переславском и на Вексе неводом, или сетью, или бредником, или иною рыбною ловлею, – говорится в Уставной грамоте (1506 г.) великого князя Василия Ивановича переславским рыболовам, – мой ли кто великого князя, или митрополичь, или боярской, или монастырской, и те все потянут в мою поварню великого князя с моими рыболовами во всякие проторы»^[468].

Таким образом, рыбный оброк («рыбное») взимался с людей, ловивших рыбу в угодьях, не огражденных от податей иммунитетными правами. Сумма его иногда сразу определялась центральной властью, а рыболовы лишь раскладывали ее между собой соответственно снастям. В других случаях оброк взыскивался представителями княжеской администрации на месте в установленных размерах с каждого вида рыболовных снарядов или же в пользу князя отчислялась заранее оговоренная часть улова.

Всё это свидетельствует о широком распространении рыболовства на Руси, благодаря чему рыбный оброк оказался в числе важных государственных податей, а невод и другие снасти стали наряду с сохой, плугом, кожевническим чаном, кузницей и т. п. единицами обложения.

Рыбный оброк фиксировался в специальных книгах (например, по вышеупомянутым озерам Селигер и Плещеево). Причем в них скрупулезно перечислялось: сколько, каких рыб, в каком виде и когда требовалось доставлять княжеским сборщикам. Однако в имеющихся документах XV–XVI вв. четко улавливается стремление заменить натуральные поборы денежным взносом: «А не велит государь на которой год взятии рыбою, а велит взять за рыбу деньгами..., им давати за зимний лов за всю рыбу дватцать полтретья рубля»^[469]. О важном значении для пополнения казны этих поступлений позволяют судить крупные суммы денег, сбиравшиеся с некоторых водоемов (например, с того же Селигера в середине XVI в. за

вешний, осенний и зимний ловы вместе взималось 101 рубль, 7 гривен, 10 денег^[470], а с Галичского озера только за летнюю ловлю получали 301/2 рублей^[471]).

Пути трансформации рыбного оброка можно исследовать, сравнивая материалы Новгородских писцовых книг конца XV в. (около 1495 г.) с данными выписи 1557 г. по озеру Селигер. В первом случае оброк носил еще явно издольный характер: «Да на князя же ловили зиме по первому льду семью неводы в Селигере озере двадцать и три тони... Да с тех же семи неводов давали князю с невода по десяти рыб в стрелу. А сколько будет чащов зиме, и они ловили на князя в Селигере озере по первому льду две тони... Да с чаща шло князю по пяти рыб в стрелу»^[472]. Спустя немногим более 50 лет картина уже иная: оброк стал нормированным (за тот же зимний лов «с озера ж с Селигеря давати им царю и великому князю... сто щук четырехпядных, да двесте щук трехпядных, да триста щук двупядных и меньши; сто судокон трехпядных, да двести судокон полутретьи пяди, да триста судокон полуторы пяти и меньши; да двадцать лещей полутретьи пяди, да тридцать лещей двупядных, да пятьсот лещиков полторы пяди и меньши; да десять четвертей мелкие всякие рыбы»^[473]) с возможной заменой рыбы деньгами. Показатель роста товарно-денежных отношений – налицо.

Помимо единого рыбного оброка существовали в разное время и другие повинности, в частности, отработочные. Среди них особо тяжелой было «езовое дело»^[474] (см. главу III), иначе фигурирующее в источниках под термином «ез бити»^[475]. Освобождение от него рассматривалось как большая льгота: «и тем людем пришлым на десять лет не надобе некоторая моя дань, ни нищая белка, ни подвода, ни ям, ни томга, ни мыт, ни костки, ни восмъничье, ни весщее, ни езовое, ни побережное», – говорится в Жалованной грамоте (1423 г.) великого князя Василия Дмитриевича Нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю^[476].

Но и эти весьма трудоемкие отработочные повинности в XVI в. нередко переводились на деньги: «впред тех волостей и слободок и оброчных деревень хрестьяном того езу не бити и езового двора не делати. А давати им за езовое и за дворовое дело Колицевские слободы хрестьяном с сохи по гривне»^[477].

Очень часто крестьянам вменялось в обязанность участвовать в княжеских зимних ловах на самой тяжелой работе: бить проруби во льду. Повинность эта так и называлась – «поледное» или «подледное». О ней говорится, например, в грамоте великого князя Ивана Васильевича III

вотчиннику Глядящему (1487 г.): «також ни езов моих, великого князя ни поледнего не бьют»^[478]. Крестьяне обязаны были также давать княжеским слугам, приехавшим на ловлю, снасти. Иногда князь отказывался от этого права в пользу монастырей или других феодалов. «Коли мой подлещик поедет на меня, на великого князя, рыбы ловити, – сказано в грамоте Ивана III Спасо-Евфимиеву монастырю (1462–1464 гг.), – и он в монастырских озерах и в заводях на меня рыбы не ловит, и невода у них и их людей монастырских на ловлю не емлет»^[479].

К числу мелких поборов относилось «езовое», бравшееся за проход судов сквозь княжеские езы (а не за ловлю в езах, как думают составители АСЭИ), что становится ясным из текста Жалованной грамоты тверского князя Михаила Борисовича Кирилло-Белозерскому монастырю (1471–1475 гг.): «И вы, мои мытники, ... не имали бы есте съ игуменова кутчины, и съ его лодеи, и съ его намитовъ ни мыта, ни тамги, ... ни езового, ни иных никоторых пошлин»^[480]. Рыболовство же в езах облагалось другим издольным побором, получившим название: «ночь княжа в езу»^[481]. Например, белозерский князь Михаил Андреевич освободил от него (1435–1447 гг.) участки в езах на Шексне Ферапонтова монастыря: «и ловцы его ловят на Белеозере, и на Прутьище на Осиновом, и в Шоксне, и что у них в езах участков, ино им не надобе рыбное, ни ночь княжа»^[482].

Таким образом, среди государственных повинностей и пошлин, связанных с рыболовством, в конце XIV–XV в. наблюдался определенный разнородностью: существовали повинности отработочные («бить езы», поледное, ходить на невод, волочить затоны, озеро; ставить езовые и рыболовные дворы и т. д.) и издольные (рыбное, рыбный оброк из части улова, ночь в езу, ловить неводом ночь на князя и т. д.), а также собирались пошлины на провоз рыбы в судах и на возах, за торговлю ею на базарах и ярмарках. Характерным было сочетание издольных поборов с барщиной. Но к XVI в., а особенно к его середине рыбный оброк постепенно унифицируется, становится нормированным, вытесняет прочие виды повинностей и, наконец, обнаруживает явную тенденцию к переходу в денежную ренту. Не приходится сомневаться, что за этими превращениями скрывались серьезные сдвиги в социально-экономическом развитии Руси в целом и в характере рыбного промысла в частности, товарная сторона которого приобретала всё большее значение.

В разделе, касающемся истории и организации рыбных промыслов в частновладельческих хозяйствах, нам приходилось отмечать настойчивое стремление духовных и светских феодалов на протяжении XII – начала

XVI вв. к расширению за счет захвата и освоения новых рыбных угодий этой отрасли своей экономики. С другой стороны, рыболовство успешно развивалось и в крестьянских хозяйствах, заняв там в некоторых областях Руси особо видное место.

Рыба в составе феодальной ренты, получаемой землевладельцами, постоянно упоминается в источниках. Таким образом, повинности в пользу собственника, связанные с рыболовством, были двоякого рода. Во-первых, подвластное население непосредственно привлекалось к участию во владельческих промыслах. Во-вторых, часть продукции собственно крестьянского рыболовства изымалась в числе поборов за пользование рыбными угодьями. Есть все основания относить происхождение и тех и других еще к домонгольскому времени, к эпохе становления и формирования феодальных вотчин. Однако их взаимосвязь и структура в столь ранний период ввиду малочисленности наших источников прослеживаются слабо. Можно полагать, что основную массу рыбной продукции вотчинник получал тогда со своих ловищ, обслуживавшихся челядью. Исследователи справедливо указывают, что в это время «владельческое хозяйство имело более важное значение, охватывало не только подсобные отрасли хозяйства, но и хлебопашество»^[483]. Со временем последнее потеряло свое значение (барская запашка вновь увеличивается лишь с XVI в.^[484]), но промыслы, наоборот, всемерно поддерживались и расширялись.

Несомненно, претерпели серьезную трансформацию и всякого рода феодальные повинности. К изучению этого процесса на примере рыболовства нам следует сейчас приступить. Сравнив полученные результаты с аналогичными материалами по великокняжеским и государственным землям, возможно, удастся нащупать и некоторые общие закономерности.

Внимание исследователей не раз привлекала Уставная грамота митрополита Киприана владимирскому Царевоконстантиновскому монастырю (1391 г.)^[485]. В этом документе дан перечень феодальных повинностей, которые сироты – монастырские крестьяне – должны были нести в пользу игумена и братии. Многие из них непосредственно касаются рыболовства. Прежде всего крестьяне были обязаны: «ез бити и вешней и зимней, сады (садки? – А. К.) оплетать, на невод ходити, пруды прудить, ...истоки... забиваты». Кроме того, им полагалось изо льна игумена прясть сежи и дели неводные наряжать. Все эти повинности – отработочные. Иными словами, зависимые крестьяне постоянно

привлекались к непосредственному участию в монастырских ловлях («ходити на невод»), оборудовали ловища соответствующими сооружениями («ез бити зимней и вешней», «пруды прудить», «истоки забивать»), а также снабжали монастырь рыболовными орудиями («сежами» и «делями»). Таким образом, основную массу рыбы Царевоконстантиновский монастырь в конце XVI в. получал со своих собственных промыслов, где использовался труд зависимых крестьян. Можно лишь предположить, что какая-то часть рыбы попадала к игумену в качестве обязательного приношения к праздникам: «А на велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках».

Думается, очерченный круг крестьянских повинностей, повинностей трудом во владельческом промысловом хозяйстве, был характерным для XIV – начала XV в.

Но есть в нашем распоряжении и другие факты, свидетельствующие о наличии издольного оброка. Большой интерес представляет берестяная грамота № 99 (XIV в.)^[486]: «Паапоклоно о... рика к Онцифору. Прикажживаеши про риби, а мни смедри не платя без руоба. А ни посла еси цоловека да грамотоу. А сто оу тебе недоборе стари, пришли зеребе». Л. В. Черепнин истолковывает содержание письма как ответ некоего управляющего чернососшными рыболовными угодьями на требование посадника Онцифора собрать со смердов государственный рыбный оброк^[487]. Более вероятным, на наш взгляд, являлось совместное (по жребьям) владение смердами и Онцифором какими-то рыболовными угодьями. В Новгородских писцовых книгах нетрудно найти множество сходных случаев. «А в озере Вельевском им (4 боярщинам. – А. К.) четь, а с тое четверти дают им рыболови с невода пятаю рыбу»^[488]. Так и Онцифор приобрел права (возможно, перекупил или докупил) на часть (жребы) рыболовных угодий. Ловившие там рыбу крестьяне должны были теперь делиться с ним уловом. Однако они отказываются это делать без грамоты, подтверждающей новый раздел (розруб) угодий (повинностей. – А. К.), а также платить старые недоборы, пока посадник не пришлет свои «жребы», т. е. письменное свидетельство о принадлежавших ему долях.

Еще более яркое представление об оброчной (издольной) системе рыбного оброка дает грамота № 169 (XIV в.)^[489], сохранившаяся полностью: «Василеве, Софонтеева. Онтане. послале. Овдокиму. два. клеща. да. щука. с Василевы. рыбы. клеща. послале. клеще Стопане. четворты». А. В. Арциховский переводит ее так: «Во двор Василия Софонтеева. Антон послал Евдокиму двое клещей. Да щука из Васильевой

Рыбы послал клещи. Степан послал четвертые клещи». Л. В. Черепнин понимает текст иначе, полагая, что неизвестный автор письма сообщает Василию Софонтееву о посылке Евдокиму Антоном двух клещей и щуки; из деревни Васильевой – рыбы и клещей, и от Степана – клещей^[490].

По-видимому, слово «клещи», в котором вышеназванные исследователи видели железный инструмент или хомутные, деревянные клещи, ввело их в заблуждение. Если же читать его как хорошо всем знакомое «лещи» (рыбы), смысл грамоты прояснится. Наше определение спорного слова подкрепляется данными лингвистики (сравни польское *Kleszcz* – лещ, русское – Клещино (лещевое) озеро и другие названия)^[491]. Некоторые затруднения вызывает теперь лишь начало грамоты. Но если следовать в толковании этого места как «(слова) Василия Софонтеева», за В. И. Борковским, то и они отпадут^[492].

В новом переводе грамота выглядит так: «(слова) Василия Софонтеева (из Офонтеева? – А. К.) Антон послал Евдокиму двух лещей и щуку. Из Васильевой рыбы послал леща. Четвертый лещ от Степана». Перед нами короткая записка, фиксирующая раздел пойманной рыбы между ловцами и феодалом-вотчинником.

Василий, Антон и Степан – крестьяне-рыбаки, обязанные частью улова (пятой, десятой рыбой?) делиться с владельцем (совладельцем) угодий. Причитающийся Евдокиму рыбный оброк доставил к нему в городскую усадьбу Василий. С его слов один из приказчиков (почему о рыбе Василия и сказано в третьем лице), ведавший хозяйством феодала, составил грамоту, оформившую документально даже столь незначительные (пять рыб!) расчеты.

Таким образом, берестяное письмо № 169 из Новгорода не только является одним из самых ранних примеров существования издольного оброка в рыболовстве, но и подтверждает наличие повозной повинности, согласно которой крестьяне сами должны были везти натуральные продукты (в том числе и рыбу) из своего хозяйства вотчинникам.

В связи с ростом феодального землевладения, выразившимся в частности в разбросанности и лоскутности вотчин, возникали трудности с освоением дальних промыслов. Их владельцы посылали туда ватаги рыболовов^[493].

Помимо холопов, участвовать в таких походах приходилось, по-видимому, и зависимым крестьянам. На это указывает берестяная грамота № 310 (начало XV в.)^[494]: «Цълобитие осподину посаднику новгороцкому от твъегъ ключника от Вавулы и от твоихъ хрестияно, которые хрестияни

сь лова пришли за тебя».

Входила рыба и в состав «подъездного» – корма, получаемого феодалом во время личных посещений вотчины. «А коли архимандрит приеде на подъездъ, – говорится в рядной крестьян робиичан (около 1460 г.) с Юрьевским монастырем, – стояти ему на стану две ночи, а пива положити христьяномъ доволно, а хлеба и вологи, рыбное и мясное доволно»^[495].

В конце XIV–XV в.в. часть своих ловищ, эксплуатация которых непосредственно вотчинниками почему-либо осложнялась, они сдавали в аренду своим же крестьянам или иным лицам^[496]. Промыслы жаловались также крупными феодалами на оброк своим вассалам. Причем уже в середине XV в. этот оброк был нормированным. Так, Блинов – Монастырев с данного ему митрополитом Феодосием еза на устье реки Ковжи должен был давать «на всякий год оброком на его дворец к погребу до десяти осетров вялых шохонских, а привозити ми к нему на Москву на збор»^[497].

В целом картина бытовавших во второй половине XIII – первой половине XV в. феодальных повинностей, связанных с рыболовством в вотчинах, получается довольно пестрая. Владельческие промыслы всё же в основном осуществлялись с помощью слуг-холопов («свои люди» – новгородских грамот) и труда (отработки) зависимых крестьян. С середины XIV в. постепенно приобретает немалое значение оброчная система эксплуатации ловищ. Издольный оброк превалирует, но с конца XIV (вероятно), а в XV в. – безусловно, распространяется и нормированный оброк.

Значительно больше данных по интересующему нас вопросу сохранилось от конца XV – начала XVI в. Исключительно важный материал содержат Новгородские писцовые книги, актовые памятники и другие источники.

Исследователи Л. В. Данилова, В. Н. Бернадский, Г. Е. Кочин и др. на огромном количестве примеров доказали, что ведущей формой эксплуатации феодалами всех рангов зависимого крестьянства в Новгородской земле, да и по всей Руси в указанное время была рента продуктами, т. е. полностью преобладала оброчная система. Основу владельческого дохода составлял хлеб, часто взимавшийся уже не из доли урожая, а в соответствии с заранее определенной нормой. Нормированный оброк способствовал в некоторой степени повышению продуктивности крестьянского хозяйства.

Рыба входила в состав (по данным Новгородских писцовых книг) так

называемого мелкого и затем ключнического доходов. Поборы эти не были издольными, а строго фиксировались. В них включалась как высокоценная (например, лососи), так и низкосортная рыба. Например, с Юшковской волости шло «рыбы 2 лососи, 10 лык курвы, 10 лык ершов»^[498]. В другом случае взималась «бочка сигов, 1000 курвы»^[499] или «10 лык курвы, 10 лык ершов»^[500]. Иногда владельцы предпочитали получать только первосортную рыбу. Вот перечень мелкого дохода с волости Федоринской: «пол-яловицы, да 7 лопаток говяжьих, баран, 18 полоть мяса, 20 и полосма борана, 52 куров, 9 лопаток бараньих, 9 сыров, 22 блюда и ведро масла коровья, 3 лососи, 48 хлебов, 60 бочек без четверти бочки пива» и т. д.^[501]

Характерным является стремление многих вотчинников заменить рыбный оброк натурой денежным: «И всего дохода шло монастырю и с игуменом и с казначеем и с столпником и с чашником и с дьяком и с повозщиком и за рыбную ловлю денгами 7 рублей Ноугородцкая и 7 гривен с четвертною»^[502] или «оброка положено на ту волостку денгами и за рыбную ловлю пол – 6 рубля ноугородцкая, oprичь великого князя дани»^[503].

При эксплуатации своих собственных угодий вотчинники по-прежнему нередко использовали труд зависимых крестьян. Здесь практиковалась издольная рента: «А те все озера ловят князи своими христианы; а что уловят рыбы, и они делят с христианы по половинам»^[504].

Нередки случаи, когда феодалы предпочитали сдавать свои ловища внаймы или на оброк. Причем доход они взыскивали всеми тремя способами: долями улова, заранее оговоренным количеством рыбы или деньгами. Так было повсеместно. «А угодий у той волостки: в озере Источке учясток, а дает его ловить ез (Филя Дмитриев) из третьей рыбы»^[505]. Другой пример: «А угодий у тех боярщын: в озере Полонце третьей учясток, а дает его ловити из пятые рыбы, а в Селигере озере учясток, а дает его ловити из пятые же рыбы»^[506]. То же самое было и в псковских землях. В 1447 г. городские власти наделили церковь Фёдора Тирона рыбными ловлями в Рудницкой губе. Попы передавали их на оброк рудницким ловцам Ларке с товарищами или кому-нибудь еще с условием, что те «с неводу дают, что уловят восьмую рыбу, а с мережи и с уд и переметов пятую рыбу»^[507]. В XVI в. и здесь появляется нормированный оброк. Б. Б. Кафенгауз привел несколько примеров, когда ловцы из посадов, стоявших на землях церквей и помещиков, обязаны были в год поставлять земледельцам «за позем» – «двести рипух», «полбочки» или «бочку ряпухи» и т. д.^[508]

Аналогичная картина характерна и для Северо-Восточной Руси. Так, жалованная оброчная грамота (1511 г.) митрополита Симона архимандриту Царевоконстантиновского монастыря Матфею и порецким крестьянам на рыбные ловли в реках Оке и Клязьме устанавливала: давать им на митрополичий погреб «оброком с году на год на Юрьев день на осенней тринадцать бочек добрые рыбы, семь бочек щучины да шесть бочек соль»^[509]. Им не вменялось в обязанность доставлять собранную рыбу в Порецкое и митрополичьему поселскому.

Иногда оброк брался или натурой или деньгами: «А угодий: озеро Соминец все Старку с братьею; а в Селигере им озере девять тоней, а ловят тремя неводы, а с трех неводов им идет по дватцати рыб, а не любя рыба, ино за рыбу по две денги Ноугородцкой»^[510].

Однако примеров чисто денежных поборов за ловлю во владельческих угодьях гораздо больше. «А за рыбную ловлю и с веж положено на ту волость оброку полтора рубля ноугородская»^[511]. Встречаются в книгах и такие пометки: «И то озерцо христьяном ловити себе волостью, и за рыбную ловлю давати им оброку 2 гривны Новгородцкие»^[512], или: «и в тех вежах ловити христьянам рыбу по старине. А оброку им давати рубль Новгородцкий и полшести гривны з денгою»^[513].

В источниках нет точных критериев, чем отличался денежный оброк за эксплуатацию рыбных ловищ от найма (аренды) таких же угодий. Например, крестьянам Пискупицкого погоста принадлежали 2 вежи и они «в одной веже ловят рыбу на монастырь (Юрьевский), а з другие вежи дают найму монастырю 5 гривен»^[514]. Несколько яснее следующая запись: «Да в тех же деревнях монастырские 4 вежи, а найму емлют с них 8 гривен Новгородцкую»^[515]. По-видимому, размеры найма устанавливались на более короткий срок и деньги брались вперед.

Существовал еще натуральный побор, известный под названием «сторожевая рыба»: «а дают... да сторожевые рыбы по 10 рыб на ночь»^[516]. Возможно, он взимался вотчинником с арендаторов как бы за охрану угодий от посягательств посторонних лиц.

В итоге изучения феодальных рыболовных повинностей на рубеже XV–XVI вв. и в более позднее время приходится констатировать их значительную пестроту. В одних и тех же владельческих хозяйствах денежная рента за рыбные ловли соседствовала с натуральным оброком не только нормированным, но и издольным. Широко применялся труд зависимых крестьян в порядке подготовки и обслуживания промыслов феодала. «Да с тех же веж рыболове рыбу ловят на владыку 4 дни»^[517].

Сохранил некоторое значение в хозяйстве земельных собственников и лов рыбы специалистами-холопами. Таких рыболовов мы находим в перечне отпускаемых на волю или передаваемых по наследству людей, в некоторых из духовных грамот [\[518\]](#). Может быть, холопом, а может быть, и зависимым крестьянином, полностью порвавшим с земледелием, был и Ивашко Харитонов из деревни Яловцово. Пашни у него не было, и в Писцовой книге замечено кратко: «А нового дохода с него нет: ловит на Сома (помещика) рыбу» [\[519\]](#).

Однако общие тенденции развития форм феодальных повинностей улавливаются вполне отчетливо. Лучшим показателем этого процесса служат данные, зафиксированные в Новгородских писцовых книгах, предоставляющих исследователю массовый и однородный материал. Во-первых, денежная рента начинает вытеснять натуральные поборы рыбой (в составе мелкого дохода) из оброка, сбиравшегося с крестьянских хозяйств. Во-вторых, там, где оброк натурой сохранился, нормированный порядок взыскания преобладает над издольным. В-третьих, свои собственные угодья и ловища вотчинники стали предпочитать сдавать на оброк (чаще денежный) или внаймы. Л. В. Данилова убедительно показала, что владельческий промысел (непосредственный лов рыбы на потребу двора феодала) был типичен прежде всего для вотчин, расположенных поблизости от Новгорода, рядом с городскими усадьбами бояр и прочих землеладельцев [\[520\]](#). Очень важным является наблюдение того же исследователя над фактом первоочередного внедрения денежной ренты в тех владениях, где помимо земледелия процветала промысловая деятельность населения (в частности, рыболовство) [\[521\]](#). Это могло происходить только при условии реализации крестьянами и рыбаками-профессионалами части своей продукции на рынке. Таким образом, развитие рыбного промысла, превращение его в товарное производство было связано с расширением рынков сбыта и постепенным ростом удельного веса товарно-денежных отношений на Руси в XV–XVI вв. в целом. Эволюция форм феодальных повинностей, относящихся к рыболовству, сходная в своих основных этапах, как на великокняжеских землях, так и в частновладельческих хозяйствах, хорошо подтверждает этот вывод.

Осталось коротко остановиться еще на одном виде феодальных повинностей, в котором рыба занимала определенное место. Речь идет о «корме» – натуральных и денежных поборах, поступавших в пользу административно-судебного аппарата. Эта система обложения всего

населения Древней Руси имела давнюю традицию и генетически восходила еще к знаменитому полюдию, о чём свидетельствует известная грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю на село Буйцы (около 1130 г.), называющая в числе прочих пожалований и «осеньнее полюдие даровьное»^[522]. Первоначально ею пользовались феодалы и представители государственных органов власти при объезде владений на предмет сбора податей и осуществления судебных функций. Со временем «дар» и «корма» становятся формой регулярного оброка^[523].

Выше говорилось, что еще в XI в. рыба (или заменявший ее денежный взнос) входили в состав натурального обеспечения вирника и городника. Новые примеры аналогичных поборов рыбой, но уже в XIII–XIV вв. дают новгородские берестяные грамоты. Среди них особый интерес вызывает письмо № 147 (XIII в.), истолкованное А. В. Архциховским как переписка по поводу покупки сигов^[524]. Текст грамоты сохранился полностью: «Поклоно от подвоискаго ко Филиппу Нь пожали, с ос подине, прасигы, еще сигово нету, по цта тобь буде гъже. А язо тебе кланяюся». Нельзя не согласиться с Л. В. Черепниным, что дело здесь идет не о закупках, а о получении сигов в качестве натуральной повинности^[525]. Однако фраза «по цта тобь буде гъже» не только не означает обещания хорошего угощения в будущем, но и вряд ли указывает на «не годных» для высокого адресата сигов. Есть все основания читать в ней слово «поцта» вслед за Л. П. Жуковской слитно^[526]. «Поцта» – это то же, что «поцте» – почестье, одна из повинностей, ежегодно получаемая правительственными агентами. Идентичность «поцте» и почестья Л. В. Черепнин убедительно доказал на примере других грамот, где этот термин встречен в контексте с «даром»^[527]. Смысл нашей грамоты теперь раскрывается легко. Сиги наряду с другими продуктами входили в состав «почестья», полагавшегося Филиппу (по-видимому, представителю высшей судебной администрации Новгорода). Его подручный – подвойский, в обязанностях которого было вызывать в суд истцов и ответчиков, оказывается, должен был следить за своевременной отправкой причитавшихся вышестоящему начальнику кормов. По каким-то причинам ему не удалось достать сигов, и он уведомляет об этом Филиппа, заодно обещая, что, несмотря на отсутствие высокосортной рыбы, последний получит доброе (хорошее) почестье.

Берестяная грамота № 131 (XIV в.) представляет не меньший интерес^[528]. Перед нами переписка сборщиков дани в Обонежье – докладная записка одного из агентов, действовавших на месте, своему начальнику в Новгород. Содержание ее вполне логично объяснено

Л. В. Черепниным^[529]. Наше внимание привлекает фраза: «А нине есеме к тебе рибоко (рыб. – А. К.) послаля». Таким образом, сборщики дани также получали рыбу с населения.

Любопытной особенностью обоих рассмотренных нами писем является тот факт, что и там и там главные получатели натуральных повинностей рыбой благополучно оставались в Новгороде. Это не мешало им претендовать на своевременное обеспечение «почестьем» «кормом» и т. п. Налицо неоспоримое свидетельство превращения подобных поборов в регулярный оброк.

Аналогичные повинности зафиксированы и в более поздних документах. Так, по откупной Обонежской грамоте (1434 г.), в пользу судий шла половина осетра: «А хто изымает осетр, ино судиям половина»^[530]. Рыба полагалась в качестве корма и великокняжеским наместникам. Взималась она различными способами. В одних случаях применялась отработочная система. «На те озера на поледную ловлю в осенинах посылает намесник Ямской свои поледчики, а ловят на намесника 5 день»^[531]. Сходными привилегиями пользовались лица великокняжеской администрации и в Северо-Восточной Руси. Уставная грамота Василия III (1506 г.) обязывает переяславских рыболовов ловить на наместника и волостеля в течение «трех ночей»^[532].

Получали наместники и долевого оброка: «а из хлеба и из рыбы десятина»^[533]. Известны случаи замены натуральных поборов в пользу наместника денежными взносами: «за 3000 суцу 3 гривны»^[534].

Словом, и эта категория феодальных повинностей эволюционировала, подобно всем прочим, в сторону превращения в денежную ренту.

Изученные нами материалы позволяют на конкретных примерах проследить длительный путь развития и трансформации всякого рода податей и повинностей, которыми облагалось население древнерусских земель, занимавшееся рыболовством^[535]. Этот процесс отражает определенные и закономерные этапы в социально-экономической истории Руси, в частности глубокие изменения в характере рыбного промысла.

Для домонгольского времени поборы рыбой не были типичным явлением и осуществлялись лишь в местностях, славящихся рыбными запасами. Причем представителей государственного аппарата интересовала в первую очередь высокосортная рыба (осетровые и лососевые). Владельческое хозяйство, включавшее и промысловые угодья, велось и поддерживалось в основном силами челяди. Можно лишь предположить, что зависимые крестьяне спорадически привлекались к

устройству феодальных ловищ. Натуральная форма ренты рыбой (там, где она вообще существовала) господствовала абсолютно. И замена рыбы в составе корма городнику деньгами говорит не о каком-то прогрессивном переходе к денежной ренте, а о том, что во многих местах рыболовство находилось в зачаточном состоянии и населению просто неоткуда было взять рыбу. Следует также подчеркнуть, что рыба тогда оказывалась в составе таких архаических по своему происхождению повинностей, как дар (полюдие даровное), почестье, подъездное, связанных с непосредственным пребыванием в той или иной местности землевладельца или административного лица с целью выполнения судебных и других функций. Сущность этих повинностей – удовлетворение узко личных потребностей феодала и его двора в рыбе – не вызывает сомнений. Тем не менее само их возникновение уже свидетельствует об известной экономической значимости рыбного промысла.

В XIV–XVI вв. количество видов «рыболовных» повинностей увеличивается в несколько раз. Приблизительно до середины XV в. ведущее место во владельческих промыслах занимает барщина, впрочем, сохранившаяся и в более позднее время. Феодалы всемерно развивают промысловое хозяйство (за счет земледелия – собственной запашки), где широко используют труд зависимых крестьян. Тогда же рыба как издольный оброк начинает широко взиматься за пользование угодьями вотчинника. Думается, что уже на этом этапе некоторые землевладельцы со всем сонмом своей родни и двора не могли целиком потребить получаемую массу рыбы и должны были реализовать ее на рынке. Денежный доход от столь продуктивной отрасли хозяйства толкал их к дальнейшей интенсификации промысла, к захвату новых угодий. Одним из способов увеличения собственных поступлений, а также поощрения крестьянского рыболовства было внедрение вместо издольщины строго нормированного оброка. Это вело к усиленному культивированию промысла в местах с благоприятными природными условиями. Некоторые хозяйства порывают с земледелием. В других рыболовство становится важнейшим источником дополнительных доходов. Возрастает значение рыночных связей. Так процесс общественного разделения труда включил в сферу своего действия и рыболовство.

Вотчины разрастались, разбрасывались. Неизбежно возникали трудности с доставкой рыбной продукции (натурального оброка). С другой стороны, рыба превращалась в ходовой товар, особенно в городах. При этих обстоятельствах феодалам было выгодно переводить оброк натурой на деньги, а часть угодий опять-таки сдавать в оброк или внаймы.

Собственные промыслы, а также натуральные поставки они предпочитали сохранять лишь поблизости от своих главных резиденций.

Вот сжатая схема подмеченного процесса. Конечно, эта эволюция никогда не была абсолютной. Как мы видели, одновременно могли существовать самые разнообразные формы феодальной ренты, и даже ее архаические виды благополучно дожили до XVI в. Тем не менее генеральная линия ясна: от натуральных поборов (кормового обеспечения) на время пребывания феодала в вотчине – к регулярным податям, от отработочных повинностей и издольного оброка – к нормированной продуктовой, а затем и денежной ренте. Рост товарно-денежных отношений здесь несомненен. Рыболовное хозяйство – как феодальное, так и крестьянское, – приобщается к рынку. Документы указывают на рыбный промысел как один из главных источников прибавочного продукта в экономике крестьян. «На основе прогрессирующего отделения ремесла и промыслов от земледелия в сельских местностях расширялась сеть мелких местных рынков, – пишет Л. В. Данилова, – эта необходимая предпосылка рынка национального»^[536]. Рыболовство превращалось в товарное хозяйство.

Торговля рыбой и продуктами ее переработки

Роль торговли, прежде всего внутренней, в процессе разложения натурального хозяйства и феодального способа производства в целом хорошо известна. Но применительно к изучаемому периоду истории Древней Руси важно установить: в какой степени расширение рыночных связей (и каких связей!) служит показателем роста общественного разделения труда.

Одним из аспектов этой большой и сложной проблемы является возникновение и развитие торговли рыбой. Здесь перед исследователем встанут несколько вопросов, ответ на которые может повлиять на общую оценку успехов товарного обращения и формирования предпосылок единого национального рынка.

Во-первых, необходимо выяснить, когда рыба превратилась в товар, т. е. стала вылавливаться специально на продажу. Во-вторых, следует узнать, кто принимал участие в торговле рыбой и вошла ли она, как составная часть данного раздела, в сферу деятельности купеческого капитала. В-третьих, наконец, не менее существенным представляется вопрос о социальной роли торговцев рыбой: были ли они посредниками между непосредственными производителями на внутреннем рынке или нет.

Археологические материалы могут лишь косвенно способствовать решению очерченного круга вопросов. Основную массу сведений, пригодных для всестороннего анализа, дают письменные источники.

Однако количество их ограничено и заложенная в них информация не равнозначна. Причем наиболее полные в интересующем нас плане записи сохранились в большинстве своем от XVI в., к тому же от второй его половины. Речь идет о расходо-приходных книгах монастырей, писцовых документах вроде таможенных книг, таможенных и некоторых жалованных грамотах. Всё это затрудняет исследование, заставляет прибегать к ретроспективным методам, но не лишает его смысла.

Появление рыбы на городском торге в качестве предмета купли-продажи зафиксировано летописью в первой трети XIII в.^[537] Возможно, что и раньше она продавалась на базарах. Но здесь рыба упомянута в числе основных продовольственных товаров: хлеба (ржи, пшеницы, пшена) и мяса. Последнее обстоятельство исключает случайный характер записи. Внимание летописца привлекало вздорожание продуктов питания в связи с

прибытием в Новгород переяславских полков. Однако для нас остается неясным: кто торговал рыбой? Ответить на этот вопрос помогают археологические раскопки. Именно во второй половине XII в. возникает поселение рыбаков в Перыне под Новгородом, рыболовство получает преимущественное развитие у жителей Пирова селища близ Ярополча-Залесского, да и среди населения самого Новгорода, Старой Рязани, Гродно и других городов появляются ловцы-профессионалы (см. раздел о городском рыболовстве настоящей главы). Таким образом, на рубеже XII–XIII вв. рыба становится товаром. Важно отметить, что происходит это не только и не столько благодаря торговле ею, сколько в результате развернувшегося в древнерусских городах и их ближайшей округе промыслового и полупромыслового рыболовства. Наверное, спорадически торговали рыбой и раньше. Но на торг она попадала лишь в качестве временных излишков «домашних» промыслов крестьян и горожан или выбрасывалась на рынок феодалом-вотчинником как избыток продуктов и запасов, произведенных в его хозяйстве. Более точно исследовать этот процесс не позволяет состояние источников. Не приходится сомневаться, что и в дальнейшем подобная форма торговли рыбой имела место.

Тем не менее главный итог очевиден: продажа рыбы на городских базарах вместе со свидетельствами возникновения специализированного рыбного промысла указывает на начало XIII в. как время дальнейшего роста общественного разделения труда. Теперь не только ремесло отделяется от земледелия, но и промысловая деятельность начинает кристаллизоваться в самостоятельную отрасль хозяйства. Конечно, не следует переоценивать достигнутые результаты. Налицо лишь самые начальные этапы длительного процесса. Развитие товарного рыболовства, а вместе с ним и расширение торговли рыбой регламентировались узким рынком сбыта, незначительным спросом и ограничивались городами. Рыбой торговали ее непосредственные производители – ловцы, еще не утратившие полностью связи с занятиями другого рода. Рыболовство даже в хозяйстве большинства горожан сохраняло еще свою вспомогательную роль, являясь дополнительным источником питания. Город, как об этом говорят летописи, прежде всего нуждался в хлебе. Прочими пищевыми продуктами его жители во многом обеспечивали себя сами. Но и с поправкой на высказанные замечания ценность первоначального вывода не теряет силы.

От второй половины XIII–XIV в. почти не сохранилось документов, непосредственно касающихся торговли рыбой. Однако археологические данные и показания письменных источников, как это было отмечено выше,

рисуют картину бурного развития рыболовства как раз в указанное время. О причинах наблюдаемого явления сказано достаточно. Поэтому следует попытаться найти те же признаки оживления и в рыбной торговле.

Пристальный интерес в связи с поднятым вопросом вызывают несколько берестяных грамот XVI в., найденных в Новгороде. Этих писем шесть. Три (№№ 258, 260, 280)^[538] найдены в слоях конца XIV в. на усадьбе «Е», принадлежавшей знатному боярину Сидору^[539].

Грамота № 92 (XIV в.)^[540], возможно, также имеет отношение к этому комплексу. Два последних документа (№№ 144 и № 186)^[541], по-видимому, вполне самостоятельны.

Исследователи по-разному истолковали содержание этих писем. В четырех первых поименованы лица, с которых следует получить долги или повинности рыбой (лососями), мехами и деньгами. А. В. Арциховский считает автора грамоты № 92 купцом-рыбником, специализировавшимся на скупке и перепродаже лососей^[542]. К этому же мнению склоняется Л. В. Черепнин^[543]. Л. П. Жуковской кажется, что в список внесены покупатели-должники^[544]. Б. Б. Кафенгауз и В. Л. Янин, напротив, полагают, что в грамоте идет речь об оброке рыбой и деньгами, взимаемом с феодально зависимых крестьян-рыбаков^[545].

Так ли это на самом деле? Может быть, ключ к разгадке перечисленных записей дают упомянутые выше грамоты № 144 и № 186. Текст первой краток: «Приказъ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сиговъ о 3 рубля, а роко на роство». Перевод А. В. Арциховского: «Приказ Косарику от Есифа. Возьми у Тимофея 50 сигов рубля на три. А срок на рождество», т. е. адресату предписывается взять в кредит рыбу, а расплатиться за нее позже, в условленный срок^[546]. В. Л. Янин вполне согласен с этим переводом и прибавляет, что «на такие деньги Онцифор Лукинич приобрел бы трех коней для своего хозяйства»^[547].

Л. В. Черепнин, основываясь на различиях в употреблении глаголов «купить» и «взять», несколько иначе раскрывает содержание грамоты. По мнению исследователя, «у автора письма № 144 Есифа была ранее договоренность с Тимофеем о приобретении 50 сигов». Сам Есиф – купец или феодал и купец, занимающийся перепродажей рыбы. Заранее скупив у Тимофея (рыбака) часть улова, тем самым закабалил его. В грамоте, таким образом, указан не будущий срок расплаты, а наступившее время получения долга^[548].

Последнее замечание Л. В. Черепнина выглядит убедительным, но его предшествующие рассуждения менее обоснованы. Во-первых, социальное

лицо Есифа достаточно определено: он был крупным землевладельцем, а не купцом. Его имя встречено в нескольких одновременных грамотах, найденных на усадьбе «Б», стоявшей на перекрестке Великой и Холопьевой улиц. Ему принадлежали сёла, зависимые люди, скот, табуны лошадей^[549]. Во-вторых, непомерная цена сигов вызывает удивление и настораживает. Сиги, безусловно – первосортная рыба, но не столь уж редкая в древнем Новгороде. Их главный лов проводился весной и летом в окрестностях города, когда они массами устремлялись на икрометание из Ладожского озера в Волхов и далее в Ильмень и Мсту. Недаром в XVI в. Новгород являлся крупнейшим русским рынком этой рыбы^[550]. К сожалению, цены на сигов, известные для последней трети указанного столетия, вряд ли могут быть использованы для сравнения^[551]. Но косвенным свидетельством в пользу не столь высокой стоимости сигов не только в позднее, но и в более раннее время, служат данные Новгородских писцовых книг конца XV в. о суммах годовых оброков или найма, взимавшихся за эксплуатацию сиговых тонь на Волхове, где вылавливалась, конечно, не одна сотня рыб. Они колебались от 2 до 8 новгородских гривен^[552].

Наконец, в тексте берестяной грамоты № 144 нельзя найти прямых оснований видеть в Тимофее рыбака-профессионала. Кроме того, исследователи не обратили внимание на отсутствие внутренней логики в предлагаемых ими транскрипциях приказа Есифа. Как объяснить достаточно ясно выраженную зависимость между определенным количеством рыбы (5) и точной суммой денег (3 рубля)?^[553] Всё это заставляет по-другому интерпретировать письма.

Перед цифрой | – 3, предлог в грамоте стоит в форме «ѡ (на прориси это ясно видно), что можно переводить и как «О» и как «ОТ». Приняв последний вариант, получим фразу: «Возьми у Тимофея 50 сигов от 3 рубля», т. е. от 3 рублей или в счет 3 рублей. Соглашаясь с Л. В. Черепниным, что речь в письме идет именно о получении долга, а не о сделке в кредит, весь текст следует понимать несколько иначе: Есиф ссудил Тимофея тремя рублями. Теперь он, находясь, по-видимому, вне Новгорода, приказывает слуге получить с должника 50 сигов и напоминает, что срок возвращения основного капитала истекает на Рождество. Таким образом, полсотни сигов отнюдь не эквивалентны трем рублям и соответствуют лишь части этих денег, а вернее, по смыслу записки, являются процентами на указанную сумму.

Сейчас мы не будем касаться личности Тимофея. К этому вопросу придется вернуться ниже. Но суть его отношений с Есифом очевидна.

Богатый феодал ссужал Тимофея деньгами, а проценты тот выплачивал (по взаимной договоренности) высокосортной рыбой – сигаами.

Письмо № 186 (XIV в.)^[554], сохранившееся полностью, дополняет и поясняет предыдущую грамоту. В. Л. Янин видит в нём, да и то с оговорками, один из немногих документов (купеческих писем), говорящих не об отдельных продуктах, а о торговле^[555]. Л. В. Черепнин, наоборот, считает, что оно повествует «о внутренних отношениях» между рыболовами (по поставке товара либо оброка)^[556].

Текст грамоты ясен и не нуждается в переводе: «Поклонно от Стыпана ко Смынку. Возми оу Кануниковыхо десять лосой, а другую десять возми оу Даунилки оу Бешкова, а даи Смыну Флареву. А язю тебе ся кланяю». Л. В. Черепнин так характеризует поименованных здесь лиц: Степан (автор) – рыботорговец или приказчик феодала; Кануниковы, Данилка и Семён Фларев – рыболовы; Семенко (адресат) – их староста. С этим определением согласиться трудно. Ведь стиль письма обособляет скорее Семёна Фларева, который мог быть и феодалом. А остальные? Ни в Волхове, ни в Ильмене, ни в ближайших к Новгороду реках лососи не водятся. Поэтому предположение В. Л. Янина выглядит более обоснованным, чем мнение Л. В. Черепнина. По-видимому, перед нами переписка новгородских рыбников, скупавших на местах у ловцов рыбу и перепродававших ее затем в городе, что и приходилось отмечать уже раньше^[557]. Надо думать, в исследуемом документе дело касалось уплаты процентов рыбой на ссуды, взятые деньгами. В выводах Л. В. Черепнина ценным является наблюдение о несомненной деловой взаимосвязи указанных в грамоте лиц.

Рассмотренные под тем же углом зрения берестяные грамоты, из которых три (№ 258, 260 и 280) безусловно и одна (№ 92) вероятно имеют отношение к хозяйству карельского данника Сидора, укрепляют высказанное предположение. Например, в письме-приказе № 260 предлагается с некоего Климашека Щекарева получить «наклад» (10 белок и 4 лосося) – процент на ссуду в один рубль. У попа Михаила надо забрать полрубля и 10 лососей, поскольку он поручился за несостоятельного должника Ивана, а с Григория причитается сверх прочего полрубля «посула». Речь идет, конечно, об уплате долгов ростовщику. Усмотреть здесь запись феодальных повинностей, как это делает В. Л. Янин, мы не можем.

Он считает, что с зависимых рыбаков «боярин Сидор предпочитал за другую рыбу получить оброк деньгами, а с лососей – натурой»^[558]. Но ведь

даже в конце XV – начале XVI в. в годовой оброк с целой волости среди десятков лык «ершов», бочек «ряпухи», говяжьих туш, бараньих лопаток, сыров и прочего входило не более 2–3 лососей^[559]. Цепочку несоответствий легко продолжить. Натуральные повинности фиксировались достаточно точно. И если в грамоте № 260 еще выдержано какое-то единообразие, то в трех других царит полный разнобой. Признав в них реестр недоимок, придется увеличить количество поступлений с каждого рыбака до нереальных размеров. Наконец, те же источники не знают и такого странного деления рыбного оброка: он или целиком взимался деньгами, или же соответствующими частями уловов всякой рыбы.

Смутили В. Л. Янина и перечисленные суммы денег: «на них можно было бы приобрести небольшие деревеньки или значительные земельные участки»^[560].

Противоречия и недоумения рассеются, если во всех изучаемых грамотах дело касалось не рыбаков далеких промысловых деревень и даже не рыболовов-профессионалов Новгорода, а городских рыбников-скупщиков и торговцев рыбой^[561]. Ведь так или иначе, большинство исследователей признают связь указанных писем с торговлей рыбой. Предложенное выше толкование спорных писем снимает многие оговорки и приводит нас к важному заключению о появлении в Новгороде (а наверное, и в других городах) торговцев рыбой – именно торговцев, а не рыболовов, доставлявших на рынок свой улов. Характерно, что среди их товара первое место занимают лососи и сиги – высокосортная, «красная» рыба. Дешевой, «белой» рыбой Новгород, по-видимому, в избытке снабжался ближайшей округой, например Поозерьем Ильменя, еще в XIX в. славившимся рыбными запасами. Феодалы получали рыбу со своих пригородных ловищ. Простые горожане или ловили ее в Волхове и Ильмене, или же покупали на базаре у местных ловцов – профессионалов и крестьян.

Однако сиги и особенно лососи, водившиеся в далеких от Новгорода землях (недаром в ихтиологической коллекции Новгородской экспедиции этим рыбам принадлежит незначительное число костей и чешуи), были еще редкостью. Вспомним, что в это время новгородские феодалы начинают посылать в Обонежье и Двинские области свои рыболовные ватаги. Вместе с ними (а возможно, и раньше) туда проникают предприимчивые рыбаки, скупавшие у тамошних крестьян и ловцов высококачественную рыбу, пользовавшуюся большим спросом в столице.

Не исключена, конечно, и перекупка новгородскими рыбниками уловов в ближайших окрестностях. Но первоначально всё же их привлекали окраины новгородской земли, богатые семгой, различными сига́ми и другими лососевыми, прибыльный сбыт которых был обеспечен. По-видимому, главными покупателями этой рыбы были новгородские феодалы и духовенство.

Вполне обоснованное предположение о появлении в Новгороде в середине XIV в. рыбников подтверждается летописным свидетельством 1418 г. Во время усобицы в городе с моста в Волхов сбросили боярина Дмитрия Ивановича. «Некто же людинъ Личковъ сын, хотяше ему добра, възхити его челнъ, и народ, възрившись на того рыбника, домъ его разграбища»^[562]. В этой записи есть несколько любопытных подробностей. Рыбник со своей лодкой оказался около моста, куда впоследствии также приставали суда с рыбой. В городе у него есть дом. Сам он (людин) не относится к новгородской социальной верхушке, но известно, чей он сын. Последнее замечание указывает на его заметное имущественное положение, поскольку лица, не имевшие такового, фигурируют в летописях под уменьшительными именами, без ссылки на отчество.

Письменные источники XV в. содержат уже гораздо больше сведений о торговле рыбой. Ряд важных данных можно извлечь из княжеских жалованных грамот, освобождавших вотчинников от уплаты торговых пошлин при продаже и покупке рыбы. Несколько таких грамот было выдано белозерским князем Михаилом Андреевичем Кирилло-Белозерскому монастырю. «И кого пошлють своих старцов или своих людей торговать лете в лодках, а зиме на возех, купити и продати, – говорится в жалованной грамоте середины XV в. (1435–1447 гг.), – а торгуютъ и в озере у неводов доброволно сущом и рыбою»^[563]. В другой грамоте (1448–1470 гг.) того же князя монастырю предоставляется право покупать рыбу: «Освободил есми им купити рыбу в Озере и за Озером на всяку зиму по тридцати рублев ноугородских»^[564]. Эти привилегии монастыря вновь подтверждались князем: «А тем людем монастырским на озеро рыбы ловити, а за озером рыбы купити, и в городе рыбою с гостями торговати»^[565]. Сходными пожалованиями был наделен и Ферапонтов монастырь: «что его старцы и его люди монастырские и Крохинские деревни люди в городе и на Белеозере за озером купят и продают с гостями сущом и рыбою, и во всей моей вотчине...»^[566]. Светские феодалы также получали разрешение свободной торговли рыбой (жалованная грамота Афанасию Внукову – 1455 г.): «А торговати Афонасью и его детем и их

людem на Белоозере в городе з гостми сущем и рыбою слободно, а заповеди им нет»^[567].

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют об оживленной торговле рыбой в Белоозере. Причем в ней участвуют как сами феодалы-вотчинники, так и их люди и крестьяне, а также какие-то гости – купцы.

Из грамот выясняется, что рыбу привозят в город на лодках и в возах; ее ловят в озере, покупают, по-видимому, у ловцов за озером и перепродают опять-таки в городе (в озере – ловить, за озером – купить, в городе – торговать). Наконец, рыбой торгуют прямо в озере у неводов. Покупателями здесь были, несомненно, скупщики рыбы. Таким образом, торговля рыбой охватывала самый разнородный круг лиц. Особенно важным является указание на существование купцов – гостей, скупавших рыбу.

В связи в этом следует подробнее остановиться на встретившейся в нескольких грамотах фразе: «в городе рыбою с гостми торговати» или «а торговати... в городе з костми сущем и рыбою слободно» и т. д. Нам кажется, что в этой формуле выражено не трафаретное разрешение торговать рыбой наряду с прочими гостями, а именно предоставляется право свободно перекупать и продавать рыбу для перепродажи. Из писцовых и лавочных книг XVI в. известно, что городские рыбники – рядовичи рыбных рядов – как раз пользовались привилегией перекупать рыбу, а приезжие ловцы и торговцы ее лишались^[568]. Белозерский князь жаловал подобным правом и некоторых вотчинников с их людьми, почему в одной из грамот вслед за разрешением купли-продажи рыбы старцам, людям и наймитам Кирилло-Белозерского монастыря идет предупреждение: «наместници мои белозерские и их тиуни, и все горожане о том им не бранят»^[569].

Круг покупателей белозерской рыбы был достаточно широк. За ней приезжали из других русских земель. Например, посылали на Белоозеро по рыбу свои суда Симонов и Троицко-Сергиевский монастыри^[570].

Район Белоозера не был в XV в. исключением. За рыбой ездили в Нижний Новгород, о чём можно судить по жалованной грамоте князя Фёдора Юрьевича Шуйского Спасо-Ефимиеву монастырю (около 1447–1449 гг.) с разрешением свободно закупать рыбу на Низу^[571]. Словом, фигура княжеского, монастырского или городского купца, разъезжающего по Руси, покупающего и перепродающего рыбу, достаточно типична для этого времени. Недаром в грамоте Великого Новгорода о предоставлении «черного бора» с новоторжских волостей великому князю Василию

Васильевичу (1448–1461 гг.) упоминается, «где будеть ноугородецъ заехалъ лодьею, или лавкою торгуеть»^[572]. Из той же грамоты узнаём, что торговля в лодье, т. е. наездом, связанная с покупкой и перепродажей товара, была делом выгодным. Владелец лодьи платил подати, равные поборам, шедшим с двух сох, или с плуга, или с солеварочного «црена»^[573].

Пожалуй, наиболее подробные сведения об организации торговли рыбой в конце XV в. содержит Таможенная Белозерская грамота откупщикам Титу Окешеву, Есипу Тимофееву и Семену Бобру 1497 года^[574]. В числе торгующих на городском торге грамота называет белозерцев и околгородцев, служилых людей, представителей Кириллова, Ферапонтова и других белозерских монастырей, а также людей из Москвы и из всех Московских, Тверских, Новгородских земель и вотчины «братаничев» великого князя. Белозерцы закупают товар для продажи по всей волости или в самом городе. Но в первом случае пошлина с них берется, а во втором – нет. «А которой белозерец городцкой человекъ купит себе на лавку мед, или икру, или рыбу, – гласит статья 3-я, – имъ плати у них с рубля по полу дензе порядного». В тех же размерах бралась пошлина за бочку рыбы или сельдей и за кадь рыбы. Белозерцы везли рыбу не только в город, но и наоборот – из города в волость (статья 7). Товар привозили в судах и на возах. Горожане и посадские люди пользовались преимущественным правом торговли за озером, чего лишались все прочие купцы (статьи 16 и 17). Кроме того, пошлины, налагаемые на торговые сделки белозерцев, были меньше, чем тамга и другие поборы, взимающиеся с купцов из других земель.

Белозерская таможенная грамота не оставляет сомнений ни в характере, ни в значительном объеме торговли рыбой. Участие в ней купеческого капитала, выступающего посредником между непосредственными производителями, выражено вполне четко. Менее ясно выступают черты какой-то корпоративной организации белозерских купцов, права которых оберегаются рядом ограничительных (для иных торговцев) статей.

Материалы XVI в. дополняют нарисованную картину многочисленными и яркими подробностями. Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, А. Г. Маньков и некоторые другие исследователи нашли немало всевозможных сведений, характеризующих торговлю рыбой на русских рынках в это время. «Не приходится говорить о том, что продукты питания, – пишет С. В. Бахрушин, – которые производились далеко не повсеместно, как соль или рыба, были предметами особенно оживленной

купли-продажи^[575]. В огромных количествах рыбу закупали монастыри, посылавшие за ней и в Ярославль, и на Белоозеро, в Новгород и Псков, в Осташков, Холмогоры, Терский берез, а затем в Казань и Астрахань. Об объеме таких покупок говорят монастырские расходные книги. Например, Иосифо-Волоколамский монастырь израсходовал в 1579 г. на рыбу в Москве почти 350 рублей^[576]. Болдин-Дрогобужский монастырь также закупал рыбу большими партиями^[577]. Лишь в 1585 г. было куплено на «монастырский обиход» 51 длинный осетр, 4 пуда 30 фунтов семги, 13,5 пудов черной икры^[578]. Тот же Волокамский монастырь выхлопотал право покупать себе беспошлинно в Казани и за Казанью четыре тысячи рыб (осетров) в год^[579]. По жалованной грамоте царя Ивана Грозного (1564 г.) митрополит Афанасий получил разрешение на беспошлинный провоз 100 возов или 100 телег с товарами в Новгород и Псков с их пригородами^[580]. Туда везли хлеб, мед, воск и т. д., а обратно – рыбу, соль и пр.

Нет нужды увеличивать этот список. Рыбу закупали все монастыри, закупали помногу и в разных местах. Однако шла она не только на потребу монастырской братии, но и на продажу. Недаром в некоторых грамотах право монастыря беспошлинно покупать рыбу сопровождается оговоркой: «купают на монастырский обиход, а не на продажу»^[581].

Очень интересные сведения о купле-продаже рыбы Новгородским Софийским Домом в XVI в. собрал Б. Д. Греков^[582]. Из расходных книг 1547–1548 гг. выясняется, что покупалась главным образом дорогая «красная» рыба. «Того же месяца в 9 день куплено рыбы свежей 50 лососей да 90 судочков с удоком» или «месяца генваря в 8 день куплена бочка лососей»^[583]. Спустя немногим менее 50 лет покупки рыбы (расходная книга 1593 г.) становятся почти ежедневными. Теперь уже в городе и его окрестностях приобретаются самые различные рыбы. То «на пар и в уши» куплено «20 щюк, да 40 лещов, да 8 меньков», то Михайло купчина на 14 алтын покупает в Паозерье «50 рыб щук и судочков»^[584]. Делаются и более значительные, оптовые закупки. Так, по митрополичьему приказу боярский сын Казарин Петров «на Софейской обиход» в Ладоге «купил и осолит 35 бочек сигов» на 44 рубля, 10 алтын и 5 московок^[585]. Одновременно в приходных книгах попадаются и такие записи: уже знакомый нам Михайлов купчина передает в казну денег 21 алтын 2 деньги, «а он те деньги взял в Паозерьи у рыбных ловцов с 4-х вежок, с вежки по 5 алтын по 2 деньги»^[586].

Нельзя не согласиться с С. В. Бахрушиным, что «на примере Софийского Дома мы видим, таким образом, большие изменения,

происшедшие за вторую половину XVI в. под влиянием развития товарно-денежных отношений в хозяйстве одного из крупнейших феодалов – владыки новгородского»^[587]. В середине столетия к митрополичьему столу покупалась лишь редкая рыба (вспоминаются берестяные грамоты XIV в. – А. К.), отсутствовавшая в избытке среди поступлений из собственно софийских вотчин, доставлявших лишь обычную «белую» рыбу. В конце же века владыка обращается за рыбой на городской торг и непосредственно в промысловые районы Приильменя. Почти ежедневно с софийских же ловищ предпочитают теперь брать оброк не натурой, а деньгами. Согласие между приходо-расходными книгами и отмеченной нами тенденцией к широкому введению денежной ренты во владимирских промысловых хозяйствах полное. Отрицать здесь большие успехи в расширении рыбной торговли, сделавшей выгодным даже для феодалов-вотчинников покупать рыбу на базаре, а не требовать ее от своих крестьян и ловцов, бессмысленно.

Если обратиться к переписям XVI в., так или иначе включавшим торговые предприятия (ряды, лавки, амбары, полки, прилавки, шалаши и т. п.), то даже их отнюдь не исчерпывающие материалы (писцовые и лавочные книги, сотные выписи и другие документы, сохранились далеко не по всем уездам и городам Древней Руси) засвидетельствуют почти повсеместную торговлю рыбой. На большинстве базаров и ярмарок рыба оказывалась в числе самых ходовых товаров. Специальные рыбные ряды были во многих городах, на некоторых посадах, рядках и даже просто в больших селах. Существовали они в таких крупных центрах, как Москва, Новгород, Псков, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, на Белоозере и в Каргополе, в Холмогорах и Устюжине, в Торопце, Переяславле-Рязанском, Туле, Муроме, Серпухове, Коломне, Можайске, Соликамске, Павлове, Рославле и т. д. Немедленно появились они после присоединения к России в Казани, Астрахани, а также в Свияжске. В Москве, например, было даже три рыбных ряда: свежий, селедочный паровой и Вандышный (снетковый)^[588]. Столько же рядов (рыбный, просольный и суцовой) имелось и в Пскове^[589].

Прекрасную картину обширного рыбного торга рисуют «Лавочные книги Великого Новгорода 1582/3 г.». Рыбный свежий ряд состоял из 10 лавок, 22 амбаров и 52 полков^[590]. Все они вытянулись позади пристани вдоль берега Волхова. Был также и рыбный просольный ряд^[591]. Кроме того, рыбники откупили пустующие места в других рядах (около Большого ряда, в Новом сапожном ряду) и поставили там 8 амбаров, 8 полков и 1

ледник, образовав третий рыбный ряд^[592]. Всего же, по приблизительным подсчетам А. В. Арциховского, в Новгороде в конце XVI в. жили и торговали 175 рыбников^[593]. Близкую цифру называет и А. П. Пронштейн^[594].

Словом, в XVI столетии торговля рыбой на Руси достигла огромного по тем временам размаха. Ее потребляли в больших количествах не только представители господствующего класса, но и простые горожане и крестьяне. Поэтому «Домострой» и советует рачительному хозяину, «у ково поместья и пашни, сел и вотчины нет», заблаговременно позаботиться и купить на базаре годовой запас продуктов, в том числе и «рыбу всякую и свежую и длинную осетрину на провес и бочесную в год, и семжину и икру сиговую и черную»^[595].

В этой торговле наряду с купцами-горожанами, рыболовами из городов и деревень, просто крестьянами участвовали и феодалы-вотчинники, прежде всего богатые монастыри.

Было бы голословным утверждать, что столь активная торговая деятельность рыбников и рыбных прасолов не свидетельствует об углублении процесса общественного разделения труда. Ведь даже они сами уже делились на рыбников свежих и прасольных, а в больших городах для каждого вида рыбной продукции образовывались свои ряды. Путь развития торговли рыбой на Руси с XIII по XVI в. шел по восходящей линии и завершился превращением ее в одно из самых распространенных и прибыльных занятий.

Корпоративные объединения рыбаков и торговцев рыбой в Древней Руси

Одним из показателей роста товарно-денежных отношений и углубления общественного разделения труда является наличие ремесленных организаций и купеческих корпораций. К сожалению, «прямых указаний источников на существование в русских городах XIV–XV вв. ремесленных корпораций с оформленными уставами нет»^[596], но условия для их возникновения были^[597], и попытки обнаружить хотя бы косвенные свидетельства таковых, кажущиеся некоторым исследователям бесплодными, не лишены смысла. Данные же о существовании на Руси купеческих союзов («Ивановское сто» в Новгороде) уже в XII в. хорошо известны. Материалы XVI в. во многом способствуют решению этого вопроса и дают право искать опорные точки и в более ранней эпохе.

Предпринятое в предыдущих разделах изучение в разных аспектах истории древнерусского рыбного промысла заставляет признать бесспорным широкое развитие этой отрасли хозяйства и ее высокого удельного веса. Превращение рыболовства, прежде всего в городах и отдельных сельских районах, в товарное производство также подтверждается серией фактических данных. Поэтому появление и здесь каких-то объединений рыбаков или купцов вполне вероятно.

Сплочению рыбаков-профессионалов в своеобразную ремесленную организацию должен был способствовать и столь немаловажный факт, как коллективный характер их промысла. Ловить рыбу неводом, большой промысловой сетью в одиночку или двум-трем человекам – нельзя.

Рассматривая исследования о состоянии рыболовства в России в середине XIX в., мы сейчас же наткнемся на следы таких довольно устойчивых союзов^[598]. Речь идет о неводных артелях (ватагах, дружинах), из года в год промышлявших в северо-западных и северо-восточных озерах. Такая артель насчитывала 16–20 человек. Ловцы коллективно владели снастью. Каждый из них поставлял по определенному куску мелкочейистой и крупночейистой сети. Кроме того, они делали еще денежный взнос на покупку прочего снаряжения и съестных припасов. Улов делился строго по паям (один пай за сеть и один за работу). Артельщики выбирали ватамана – наиболее опытного рыбака, руководившего впоследствии промыслом. Они коллективно платили налог

за пользование рыболовными участками. Устраивались совместные пирушки-братчины. Перед первым выездом на лов снасти и сами рыбаки очищались дымом костра, куда подбрасывались ладан и пучок заветной травы, хранившийся у ватамана в доме за иконой. Артели были тесно связаны с приходскими церквями, где оставлялись сети, веревки, поплавки и грузила. В пользу церкви обычно отчислялось несколько паев пойманной рыбы. Наконец, свой улов рыбаки обычно продавали хорошо известному им рыбнику, часто по заранее установленным ценам.

Конечно, такую организацию не назовешь цеховой, но многие черты ремесленной корпорации ей присущи. Тем более что ее деятельность была обставлена многими архаическими пережитками: братчины, «охотничья» магия, патрональный храм.

Подобные союзы могли иметь место и в древности. Во всяком случае, в XVII в. на Тихвинском посаде рыболовы жили компактными группами (неводными артелями): 6–8 работных ловцов, бочар, прасол, урешник, коренщик и ватаман^[599]. Такие же поселения рыбаков-профессионалов известны по Новгородским и Псковским писцовым книгам в конце XV–XVI в. Особого внимания заслуживает уже приводившийся пример о сдаче на оброк попами церкви Фёдора Тиропа в Пскове своих побережных ловель рудницким ловцам: Ларке с товарищами^[600]. Перед нами несомненная профессиональная организация рыбных ловцов, коллективно арендующих уголья, совместно владеющих снастями (неводами, мережами), располагающих также и другими орудиями лова: переметами и удами. У них есть, по-видимому, выборный староста – Ларка. Конечно, настоящее известие можно истолковать и как пример складничества среди рыболовов. Но суть дела от этого не изменится. Так или иначе, рудницкие ловцы объединялись для совместного промысла, коллективной выплаты оброка и других повинностей.

В связи с затронутой проблемой нельзя пройти мимо еще одного документа. В 1506 г. великий князь Василий Иванович выдал переяславским рыболовам Уставную грамоту, регулирующую их взаимоотношения с государственной властью и городским посадом^[601]. Грамота не выходит из общего круга подобных пожалований белодворцев-специалистов: тонников, сокольников, бобровников и т. п. Однако она обладает некоторыми особенностями. Во-первых, князь жалует не вообще переяславских рыболовов, а «старосту рыболовля Гридку и всех рыболовей».

Статья 10 устанавливает для рыбаков сместной суд: «А без старосты и

без лучших людей волостелю и его тиуну суда не судити никакого». В статье 23 говорится о пирах и братчинах. Порядок внесения рыболовами оброка определялся специальными книгами. Думается, что в грамоте под признаками, свойственными всякой территориальной общине, выступают черты, характерные для производственного объединения. Создается впечатление, что переяславские рыболовы имели внутреннее самоуправление, выборного старосту. Были среди них и «лучшие» люди. По-видимому, в их компетенцию входили разверстка оброка, определение порядка пользования угодьями и т. д., как это делали рыбаки на озере Селигер^[602].

Если в нашем распоряжении и нет неопровержимых данных о профессиональных объединениях древнерусских рыбаков, то собранные сведения всё-таки не дают права голословно отрицать их существование.

Что касается союзов купцов-рыбников, то сомневаться в их наличии после работ А. П. Пронштейна и М. Н. Тихомирова не приходится. На материале Новгородских лавочных книг конца XVI в. А. П. Пронштейн убедительно доказал, что одной из форм ремесленно-торговых организаций рыбников, как и других ремесленников и торговцев в Новгороде, был ряд на торгу^[603]. Рядовичи выбирали своего старосту; они коллективно владели торговыми помещениями, лавочными местами и земельными участками на территории ряда; всю сумму государственного оброка они вносили «рядом», как союз. Рядовичи обладали привилегиями: торговля вне ряда на торгу не допускалась. Причем приезжие рыбники должны были торговать не в рыбных, а в других рядах.

Еще более и конкретные сведения о корпорации рядовичей 3 рыбных рядов в Пскове занесены в писцовые книги 1585–1587 гг. Впервые на этот документ (относящийся к 1583 г.) обратил внимание Н. Д. Чечулин^[604]: «Рядовские старосты Рыбного, Просольного и Суцового рядов ходатайствовали отдать им на оброк “по старине” рыбные ловли в реке Великой, Псковском и Большом (Чудском) озерах. Выясняется, что желавшие вступить в организацию должны были внести «вклад» – 40 алтын, а также при записи заплатить дьяку и подьячим по 6 денег. Рядовичи пользовались преимущественным правом торговать рыбой в рядах и в лодках на реке Пскове. Приезжие же рыболовы должны были торговать в Рыбном ряду и не могли свободно перекупать рыбу для продажи у посторонних людей. Подробно остановившись на перечисленных особенностях организации псковских рыбников, М. Н. Тихомиров с полным основанием заключил: «Содержание документа

об отдаче в оброк рыбных ловель в Пскове настолько ясно, что утверждать об отсутствии каких-либо торговых организаций в средневековом Пскове, как это упорно делается в некоторых трудах, бесполезно^[605].

Хотелось бы только несколько подробнее остановиться на взаимоотношениях рядовичей с ловцами. Старосты жаловались, что «после Псковской осады... рыбные голомянные ловли опустели»; «до осады с голомя выезжали ловити до неводов, а после – «выезжают ловити неводов с пол-30»^[606]. Даже если считать, что неводная артель состояла лишь из 8 человек, окажется, что на лов ходили 720 и более человек. Такого количества рыбников в Пскове, конечно, не было. Иными словами, рядовичи, получая в оброк государственные рыбные ловли, уже по-своему устанавливали порядок их эксплуатации: облагали сторонних ловцов издольными и денежными поборами, возможно, ограничивали их право продавать уловы на сторону. Самовольный промысел в участках рядовичей карался большим штрафом в 2 рубля с человека в пользу великого князя и 40 алтын в пользу ряда. Таким образом, торговая организация псковских рыбников конца XVI в. отнюдь не выглядит корпорацией, лишь только-только вступившей на путь объединения. Их союз обладает достаточно развитыми чертами, чтобы отодвинуть момент его возникновения вглубь веков.

Выше говорилось о существовании некоторых привилегий, которыми пользовались белозерские купцы-горожане в начале XV в. (жалованные грамоты монастырям и Афонасию Внукову) и особенно в конце столетия (Белозерская таможенная грамота 1497 г.). Всё это наводит на мысль о появлении уже тогда каких-то купеческих организаций рыбников.

В связи с этим нельзя пройти мимо и уже упоминавшихся новгородских грамот на бересте XIV в. Помимо письма № 186, разобранного достаточно подробно, чрезвычайно любопытным является участие попа в торговых сделках из грамоты № 260. Хорошо известно, что средневековые купеческие корпорации группировались вокруг патронального храма. Служители такой церкви не оставались в стороне от сулящей большие выгоды деятельности своих прихожан. Священник Михаил и был, по-видимому, одним из них. Неясно, стояла ли эта церковь на торгу или на одной из новгородских улиц. Кроме объединения купцов-рядовичей, источники позволяют подозревать существование и более мелких союзов. Так, в Лавочных книгах сказано: «Ряд Рыбный Свежей, а в нем торгуют рыбники свежую рыбою, староста Федор Калинин з Городища всех рядович Рыбного ряду с товарищи»^[607]. Следовательно, были и какие-

то товарищества рыбников (братии, складничество), коллективно вкладывавшиеся в ряд. Не те ли это группы рыбников – жителей одной улицы, отмеченные писцовыми книгами? Тогда и церковь, их поддерживавшая, могла быть местной, уличанской; и поп, за определенную мзду, не чуждый мирским делам, принимал на себя поручительство перед кредиторами своей паствы.

В свете высказанных соображений кажется вероятным предположить существование уже в XIV в. в древнерусских городах с развитым в окрестностях рыбным промыслом объединений купцов-рыбников. Сначала они возникли, наверное, как складнические организации с общим капиталом для совместного ведения торговых дел и постепенно вылились в более четкую форму корпорации – ряда на городском торге. И если здесь нет большого сходства с купеческими гильдиями Западной Европы, то многое сближает такую организацию с объединениями ремесленников и торговцев вокруг торговых рядов в некоторых странах Востока^[608].

* * *

Итак, рыболовство на Руси прошло длительный путь развития. Первоначально оно не выходило за рамки «домашнего» или «подсобного» промысла в мелком, натуральном крестьянском хозяйстве. В городской экономике в древнейшую эпоху (IX – начало XII в.) добыча рыбы также не играла самостоятельной роли. Можно лишь предполагать, что более интенсивно лов рыбы велся в местах, богатых пригодными для этого водоемами.

Первые шаги к обособлению рыбного промысла делают князья и бояре, организуя в своих вотчинах ловища и рыбные ловли, обслуживавшиеся по преимуществу челядью. Параллельно в городах рост общественного разделения труда, выразившийся в развитии и специализации ремесел, побудил некоторую часть населения приступить к изготовлению и продаже на рынке продуктов питания. Так, в середине – второй половине XII в. появляются на посаде рыбаки-профессионалы. Растущие вширь города постепенно включают в орбиту своего экономического воздействия и ближайшую сельскую округу, где среди прочих возникают поселки рыбаков, частично или полностью порвавших с хлебопашеством и снабжавших городской рынок рыбой. Начальные этапы этого процесса обнаруживаются еще в конце XII в., а в XIV–XV вв. он захватывает и более удаленные от крупных центров районы. Рыболовство

даже в ряде случаев оказывается той основой, благодаря которой бывшие сельские поселения превращаются в промысловые деревни, а затем – в ремесленно-торговые рядки.

Новым свидетельством превращения промыслового рыболовства в товарное производство является появление в древнерусских городах на рубеже XIII–XIV вв. скупщиков рыбы – рыбников, рыбных прасолов. Со временем они сосредотачивают в своих руках основную торговлю рыбой так, что даже крупные вотчинники предпочитают покупать ее на рынке, а не получать из своих владений.

К XVI в. складываются три основных типа рыболовства^[609]. Во-первых, промысловое рыболовство рыбаков-профессионалов, обладавшее всеми чертами мелкотоварного производства. Они жили как в городах, так и в сельских поселениях, а также в рыбацких слободах, специальных поселках и в рядках, обнаруживавших явную тенденцию к превращению в настоящие города. Эти рыбаки были тесно связаны с рынком, иногда – непосредственно, а иногда через купцов-скупщиков. Во-вторых, рыболовство осуществлялось внутри феодальных вотчин на специально организованных владельческих ловлях. В-третьих, лов рыбы оставался одним из обычных занятий крестьян и горожан в качестве «домашней» отрасли их комплексного хозяйства.

Заключение

Начиная настоящее исследование, автор ставил перед собой задачу последовательно изучить историю развития древнерусского рыбного промысла на протяжении длительного отрезка времени (конец I тыс. н. э – XVI в.). В результате предполагалось получить ответ на несколько вопросов, имеющих не только историко-технический, но и более общий социально-экономический характер. Главными среди них были: когда и как рыболовство превратилось в самостоятельную отрасль хозяйства? Какие причины лежали в основе этого процесса? Какое влияние на развитие древнерусской экономики в целом он оказал? В теоретическом аспекте эти проблемы можно свести к установлению закономерностей проявления роста общественного разделения труда в сфере рыбного промысла. Итоги предложенной вниманию читателей работы, как нам кажется, достаточно показательны.

Во-первых, можно утверждать, что в результате роста общественного разделения труда во второй половине XII – начале XIII в. рыболовство обособилось от земледелия и ремесла. Роль городов – центров постоянно специализирующегося и развивающегося ремесленного производства – здесь несомненна. «Всё бо́льшая специализация ремесленников на изготовлении промышленных изделий и отрыв их от сельскохозяйственной деятельности, – пишет А. П. Пронштейн, – делали выгодной для других специализацию на производстве сельскохозяйственных продуктов для продажи их на рынке»^[610]. Так зародилось и профессиональное рыболовство.

Во-вторых, начавшись в городах, этот процесс одновременно (или почти одновременно) проник в феодальную вотчину, ближайшую городскую округу, а затем охватил и всю территорию страны. В итоге рыболовство превратилось в самостоятельную отрасль народного, а не только городского или вотчинного хозяйства. Во многих местах, на побережье больших озер и рек возникают промысловые слободы и деревни, населенные пашенными, а зачастую уже и непашенными ловцами. Определить строго хронологию этой трансформации трудно. Однако новгородские берестяные грамоты середины – конца XIV в., свидетельствующие о появлении в городе перекупщиков рыбы, с одной стороны, и грамота Великого Новгорода Василию II о «черном боре» с Новоторжских волостей (середина XV в.), фиксирующая невод в качестве

податной единицы, а следовательно, и рыболовство как одно из важнейших занятий, доставлявших части населения средства к жизни, – с другой стороны, указывают тот промежуток времени, когда исследуемое явление приняло массовые масштабы. Новгородские писцовые книги конца XV в. и некоторые близкие им по датам актовые материалы рисуют уже разветвленную сеть промысловых сёл и интенсивно эксплуатируемых рыбных угодий. Наконец, в некоторых статьях Псковской судной грамоты, время составления которых исследователи относят ко второй половине XIV – началу XV в., рядом с изорником и огородником назван рыболов-кочетник как лицо, типичное для Псковской земли^[611].

В-третьих, прослеживается прямая взаимосвязь развития промыслового рыболовства с растущим влиянием товарно-денежных отношений на всю структуру русской экономики. Профессиональное рыболовство было связано с рынком с самого начала, оно уже зародилось в форме мелкотоварного производства, сбывающего свою продукцию на сторону. Если еще рыбак-специалист, дворовой человек феодала-вотчинника мог кормиться за счет запасов своего господина, то городской рыболов или непашенный ловец – как черносошный, так и зависимый крестьянин, но живущий вдали от владельческой усадьбы, получали основные средства к жизни только через рынок в обмен на пойманную рыбу. Таким образом, рыба превращается в товар, спрос на который постоянно увеличивается. Лучшим свидетельством этого является эволюция форм феодальных повинностей, относящихся к рыболовству: от издольного к нормированному оброку с последующей заменой его денежной рентой. Недаром Л. В. Данилова при сплошном изучении материалов Новгородских писцовых книг установила, что денежная рента распространяется в первую очередь в тех вотчинах, где была развита промысловая деятельность^[612].

Под воздействием тех же сил собственное промысловое хозяйство вотчинников также претерпело существенные изменения. Сначала феодальные ловища обслуживались челядью. Затем основная тяжесть по их устройству и эксплуатации легла на плечи зависимых крестьян целым рядом трудоемких отработочных повинностей: бить ез и поледное; забивать истоки; ходить на ловлю, на невод; ставить езовый (рыболовный) двор; плести сети и неводные дели и т. д. В конце XV–XVI вв. землевладельцы по-прежнему стремятся приумножить число своих рыбных угодий, но промысел там организуют несколько иначе. Часть ловищ они предпочитают сдавать в оброк или аренду (преимущественно за

деньги). На других участках (расположенных ближе к центральной усадьбе или известных запасами ценной рыбы), особенно монастырских, устраивается подлинно товарное хозяйство. Возводятся специальные дворы или отдельные службы – сушила («мережные корпуса»), где рыба подвергалась всесторонней обработке: сушилась, вялилась, коптилась или солилась. Начинает применяться вольнонаемный труд, и в расходных книгах монастырей (например, Болдин-Дрогубужского, Кирилло-Белозерского или Новгородского Софийского дома) появляются статьи, регистрирующие выплату вознаграждения «наймитам» «за волочение невода» или «казакам», нанятым в помощь владычным ловцам.

Так промысловое рыболовство вносило, причем в широком масштабе, новый элемент – элемент товарно-денежных отношений – как в хозяйство феодала-вотчинника, так и в хозяйство крестьянина, не говоря уже о городской экономике. Именно в городах рядом с рыбаком-профессионалом вскоре (не позднее середины XIV в.) возникает фигура рыбника или рыбного прасола, скупавших рыбу с целью ее последующей перепродажи. Они уже выступают в роли прямых посредников между непосредственными производителями и всемерно содействуют упрочению и развитию рыночных связей. В торговлю рыбой включаются и некоторые землевладельцы, в частности монастыри, укреплявшие свое хозяйство на почве связи с рынком.

Объем этой торговли во второй половине XV–XVI в. возрос необычайно. Практически в каждом городе имелись специальные рыбные ряды или рыбу продавали в отдельных лавках, полках и шалашах. Причем рыбой торговали не только местные рыбники и ловцы, но и приезжие – как из ближайшей сельской округи, так и из более отдаленных мест. Это обстоятельство привело исследователей к мысли, что рыба и продукты ее переработки составляли «одну из важнейших статей питания»^[613]. Крупнейшими рынками и поставщиками рыбы на северо-западе стали Новгород и Псков, откуда импортировавшиеся из Европы сельди и местные сиги развозились по всей России. Поморский край, особенно Холмогоры, а также Карелия и Терский берег поставляли на рынки государства семгу. По словам Штадена, «с Поморья шли торговые люди с семгой и с солью»^[614]. На северо-востоке оживленно торговали рыбой в Белоозере, Вологде, Ярославле, Костроме, Шуе, Волоколамске. На берегу озера Селигер процветала под властью Волоцкого монастыря Осташковская (Осташков) ловецкая слобода. На ее примере легко судить о высокой товарности и доходности рыболовства. С конца XV в. денежный оброк со слободы в

пользу монастыря за короткое время возрос почти в 4 раза (с 37 руб. до 150 руб.)^[615].

Одним из крупнейших русских рынков рыбы в XVI в. был Нижний Новгород, не уступавший по своему экономическому значению Пскову и Смоленску. Сюда поступала рыба не только с Волги, но и со славящихся рыбными запасами угодий Нижней Оки. Особенно возросло значение Нижнего Новгорода как всероссийского рынка осетровых рыб после присоединения к Москве Казани и Астрахани. Последние города, естественно, также стали важнейшими поставщиками рыбы.

Но самым емким потребителем рыбы и ее самым значительным рынком была, конечно, Москва. В столицу Руси рыбу везли со всех концов страны. Ченслер в XVI в. наблюдал, как каждое утро в Москву по Ярославской дороге направлялось 700–800 саней с хлебом и рыбой^[616]. Здесь закупали рыбу большими партиями многие монастыри. Помимо трех рыбных рядов в Москве для приезжих купцов был построен специальный Рыбный двор, обслуживавшийся штатом грузчиков-«дрягилей», которым платилось «деловье» за провоз товара на взвешивание от двора к важне^[617].

Таким образом, с конца XV в. наблюдается (во всяком случае, в торговле рыбой) постепенное стирание граней между местными рынками и медленное, но неуклонное формирование предпосылок «всероссийского рынка», выразившееся в укреплении дальних и ближних торговых связей таких городов, как Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Нижний Новгород и др. Конечно, для рыбака-крестьянина эти связи не простирались дальше волостного или уездного центра, или даже ближайшего рядка, а то и просто торгового села. Наконец, он мог сбывать улов прямо в реке или озере – «у неводов». Но купцы-рыбники на возах и в ладьях колесили и плавали из конца в конец огромной страны.

Тем не менее нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей, что корни территориального разделения труда уходят вглубь веков, вплоть до времени Киевской Руси^[618].

Этот процесс не миновал и рыболовство. Выше мы уже говорили, что к XVI в. образовались целые районы промыслового рыболовства: в окрестностях Онежского и Ладожского озер; вокруг Ильменя, Псковского и Чудского озер; на Двине и по берегам Белого моря; на Белоозере, а также Кубенском и Чарондском озерах; у озера Селигер; на верхней Волге и поблизости от Нижнего Новгорода; на Оке в пределах Муромо-Рязанской земли. Здесь, конечно, обнаруживается не территориальное разделение труда в полном смысле слова, а его элементы, среди которых рыболовство

занимало не последнее место. Именно лов рыбы стал для многих жителей этих районов важнейшей стороной их хозяйственной деятельности. Любопытно, что, как и в случаях с некоторыми видами ремесла, области развитого рыболовства начинают складываться еще в домонгольскую эпоху, что подтверждается археологическими находками в Новгороде, Пскове, Ладоге, Белоозере, Старой Рязани.

Особо следует сказать о широком освоении во второй половине XVI в. района Нижней Волги (от Казани до Астрахани) – будущего главного рыбного центра России, сохранившего свое ведущее значение вплоть до начала XX в. «После казанского взятия, – подчеркивает М. Н. Тихомиров, – богатые рыбные ловли на Волге сделались объектом вожделений больших и влиятельных монастырей^[619]. Англичане рассказывали, что вниз по Волге каждое лето отправлялось «за минеральной солью и осетрами» не менее 500 больших и малых судов^[620]. Однако русские рыбаки появились в этих водах еще задолго до падения Казани. Летописцы сообщают об их ограблении под Астраханью в 1489 г., о бегстве 1000 московских рыбаков в 1521 г. из-под Казани, о том, что в иное лето на среднем течении Волги скапливалось до 10 000 русских рыбаков, ловивших рыбу в «диких водах» и, «наловящиеся и обогатившиеся», возвращавшихся осенью назад^[621]. Более того, археологическими раскопками на Водянском городище близ Волгограда обнаружена славянская колония на этом золотоордынском поселении^[622]. Огромное количество костей осетровых рыб, десятки железных рыболовных крючков, сотни каменных и керамических грузил не оставляют сомнений о главном занятии ее жителей^[623].

Как мы видим, рыболовство здесь привлекало тысячи рабочих рук, велось с широким размахом и самыми хищническими методами, но его товарный (некоторые монастыри получили право покупать или вылавливать до 10 тыс. и больше одних только длинных осетров!) характер выражен совершенно отчетливо^[624].

Нельзя не коснуться и другой стороны изученного вопроса. Внимательное знакомство с источниками полностью опровергает получившее права гражданства мнение, что «судя по археологическим данным и письменным сообщениям, в X–XII вв. уже существовали почти все известные сейчас способы ловли рыбы и орудия рыболовства»^[625]. Как раз все материалы, напротив, свидетельствуют о постоянном развитии и совершенствовании рыбацкой техники, без чего рыболовство никогда бы не смогло достичь тех масштабов, в каких оно осуществлялось в XV–XVI вв. Прогресс в развитии рыбного промысла был тесно связан с подъемом

других отраслей хозяйства, прежде всего с успехами в возделывании прядильно-масличных культур – льна и конопли. Недаром районы развитого рыболовства были и передовыми по льноводству и высевам конопли^[626]. Рост продуктивности рыбного промысла стимулировал и добычу соли, в больших количествах требовавшейся для посола рыбы.

Наконец, ярким доказательством важного экономического значения рыболовства является возникновение к XVI в. специальных отраслей ремесла, изготовлявших промысловые орудия для продажи их на рынке. Среди кузнецов выделяются специалисты-удники, производившие рыболовные крючки^[627]. На Белозерской ярмарке в конце столетия бойко шла торговля мережами, тетивами неводными; продавались бочки рыбные, проволока на уды (крючки)^[628]. В Заозерье, расположенном на берегу Кубенского озера, продавали мережи и неводные рукава^[629]. Деготь и смола, необходимые для предохранения снастей от гниения, также в изобилии поступали на рынки. Торговали всякими рыболовными снастями и в слободе Ипатьевского монастыря под Костромой^[630].

Таким образом, история древнерусского рыбного промысла вполне согласуется с точкой зрения тех исследователей, которые считают конец XVI – начало XVII в. временем формирования всероссийского рынка и складывания буржуазных связей (первый этап процессов, ростки которых обозначились еще раньше)^[631].

Конечно, переоценивать влияние новых, буржуазных по сути отношений, внедрившихся в промысловое рыболовство, в своем развитии часто опережавшим такие важнейшие отрасли народного хозяйства, как земледелие и скотоводство, нельзя. Рядом с хозяйствами рыбаков-профессионалов и вокруг них располагалось море из тысяч и тысяч мелких крестьянских хозяйств, являвших типичный для средневекового режима пример соединения крестьянских «промыслов» с земледелием. Даже продажа такими крестьянами рыбы не нарушала «натуральности» их экономики, поскольку вырученные деньги целиком уходили на выплату землевладельцу денежных повинностей^[632].

Список сокращений

Архивы и хранилища

ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГИМ – Государственный исторический музей в Москве.

ИА – Институт археологии Академии наук СССР.

ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук УССР.

КГУ – Кафедра археологии Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МГУ – Кафедра археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов в Москве.

Издания

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. I. – СПб., 1836.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I, II. – СПб., 1841.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в... Т. I. – М.; Л., 1952; Т. III. – М.; Л., 1958; Т. III. – М.; Л., 1964.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I. – М., 1951; Ч. II. – М., 1956; Ч. III. – М., 1961.

АЮ – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838.

ВПК I–II – Переписная окладная книга Вотской пятины 7008 г., вторая половина. Временник Общества истории и древностей российских при Московском Университете. Кн. II, 1851; Кн. 12, 1852.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 1949.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные Археографической комиссией. Т. I. – СПб., 1846.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л., 1950.

ИАК – Известия археологической комиссии.

ИЗ – Исторические записки.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.

Лихачёв – *Лихачёв Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. I. Духовные и договорные грамоты. Вып. 2. Грамоты правовые. – СПб., 1895.

МАР – Материалы по археологии России.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МУХ – Сборник Муханова. Изд. 2-е, доп. – СПб., 1866.

НГБ – Новгородские грамоты на бересте. *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). – М., 1954; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). – М., 1955. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские

грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). – М., 1958; *Они же*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). – М., 1958; *Они же*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). – М., 1963; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). – М., 1963.

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археологической комиссией. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1445 г. первая половина. – СПб., 1859; Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г., вторая половина. – СПб., 1862; Т. III. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 г., первая половина. – СПб., 1868; Т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. – СПб., 1885; Т. V. Книги Шелонской пятины. – СПб., 1905; Т. VI. Книги Бежецкой пятины. – СПб., 1910.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.

ОВПК – *Гневушев А. М.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины, 1504–1505 гг., содержащий опись части дворцовых земель этой пятины. – Киев, 1908.

ОПК – Писцовые книги Обонежской пятины, изданные Археографической комиссией. – Л., 1929.

ПИ – Сборник «Проблемы источниковедения».

ПЛ 1,2 – Псковские летописи. Вып. 1. – М.; Л., 1941; Вып. 2. – М., 1955.

Правда Русская – Правда Русская / под ред. Б. Д. Грекова. Т. I. Тексты. – М.; Л., 1940.

ПРП – Памятники русского права. Вып. 1. – М., 1952; Вып. 2. – М., 1953; Вып. 3. – М., 1955.

ПС – Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. – СПб., 1860.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

ПСГ – Псковская судная грамота, изданная Археографической комиссией. – СПб., 1914.

РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РИБ – Русская историческая библиотека.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников СССР.

СГ – *Чаев Н. С.* Северные грамоты XV в. Летопись занятий Археологической комиссии за 1927–1928 гг. Вып. 35. – Л., 1929. С. 121–164.

СГКЭ – Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Игр., 1922; Т. II. – Л., 1929.

СЭ – Советская этнография.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Список литературы и источников [\[633\]](#)

Алексеев Л. В. Полоцкая земля. – М., 1966.

Алеппский Павел. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в половине XVI века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. IV, кн. XI. – М., 1898.

Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. – СПб., 1866.

Арциховский А. В. Новгородские ремёсла // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. – М.; Л., 1939.

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М.: МГУ, 1944.

Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 2. 1949.

Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55. 1956.

Археологические исследования в РСФСР. – М.; Л., 1941.

Архимандрит Сергей (Тихомиров). Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Вотской пятины 1500 года. – СПб., 1905.

Бахрушин С. В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного гос-ва XVI – нач. XVII в. // Научные труды. Т. I. – М., 1952.

Бахрушин С. В. (ред.) Лавочные книги Новгорода Великого, 1582/3 г... – М., 1930.

Бережкович А. С., Жеголова С. К... Лебедева А. А., Просвиркина С. К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры: определитель. – М., 1959.

Березовец Т. Поселение улочей на р. Тясьмине // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. 108. 1963.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.

Богословский Н. Г. Рыболовство и рыбоводство в Новгородской губернии. – Новгород, 1865.

Брайчевская А. М. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. № 108. 1963.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в геополитическую эпоху. – М., 1952.

Буров Б. М. Археологические находки в старичных торфяниках

бассейна Вычегды // СА. I. 1966.

Буров Б. М. Археологические памятники Вычегодской долины. – Сыктывкар, 1967.

Бэр К. М. Материалы для истории рыболовства в России. Записки Академии наук по I и III оглд. Т. II. Вып. 4. – СПб., 1854.

Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. – М.; Л., 1936.

Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. Т. I. – М.; Л., 1947.

Воеводский М. В. Городища Десны // Археологические памятники УРСР. Т. I. – Киев, 1949.

Воронин Н. Н. Пища и утварь // История культуры древней Руси. Т. I. – М.; Л., 1951.

Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. № 41. 1954.

Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения ее к Москве. – Киев, 1915.

Голубоцкий В. А. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации // Вопросы истории. № 9. 1959.

Гончаров В. К. Лука-Райковецкая // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. № 108. 1963.

Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. – М.: МГУ, 1960.

Горский А. Д. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого Летописного свода XVI в. // Историко-археологический сборник. – М.: изд-во МГУ, 1962.

Готье Ю. В. (перевод). Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – М., 1938.

Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии. – СПб., 1914.

Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. // Летопись занятий Археологической комиссии. Т. 33. – Л., 1926.

Греков Б. Д. Помещечье хозяйство в XVI–XVII вв. в Новгородской области // Ученые записки Института Истории РАНИОН. Т. 6. – М., 1928.

Греков Б. Д. Рабство и феодализм в древней Руси // Известия ГАИМК. Вып. 86. 1934.

Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. – Л., 1924.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. – М., 1952; Кн. 2. – М., 1954.

- Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1953.
- Гримм Э. А. Охотничьи, пушные и рыбные промыслы // Производительные силы России. Отдел V. – СПб., 1986.
- Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка // КСИА. 104. 1965.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. – М., 1955.
- Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства Новгородской земли XIV–XV вв. – М., 1955.
- Довженок В. И., Гончарова В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. – Київ, 1966.
- Ефименко А. Исследование народной жизни // Крестьянское землевладение на крайнем Севере. – М., 1884.
- Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8. 1948.
- Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. – М., 1959.
- Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода // МИА. № 65. 1959.
- Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123. 1963.
- Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. – А., 1967.
- Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и археология // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовлад. и феод. – М., 1970.
- Зверуго Я. Г. Сельскохозяйственные и промысловые орудия из раскопок Волковыска // Древности Белоруссии. – Минск, 1969.
- Зимин А. А. История России в XVI в. в свете Ленинской концепции // В. И. Ленин и историческая наука. – М., 1968.
- Исследования о состоянии рыболовства в России. Изданы Министерством государственного имущества. Т. I–IX. – СПб., 1860–1875.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II. – СПб., 1833.
- Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–39) // СА. 1946. № 13.
- Кафенгауз Б. Б. Заметки о новгородских берестяных грамотах // История СССР. Т. I. – М., 1960.
- Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. – М., 1969.
- Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X – XV вв. (по археологическим материалам) // МИА. № 65. 1959.
- Кирьянов А. В. Земледелие Киевской Руси // Возникновение и развитие земледелия. – М., 1967.

Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА. № 12. 1949.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. № 32, 1953.

Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. Вып. 117. 1963.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. 1959.

Колчин Б. А. Новгородские древности (деревянные изделия). САИ, ЕІ-55. – М., 1968.

Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. – Новгород, 1959.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. – М.; Л., 1951.

Копачева М. Г. Феодальная рента в Новгородской земле на рубеже XV–XVI вв. // Уч. зап. ЛГПИ. Вып. 3. 131. 1957.

Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородского Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. № 5. 1955.

Корнеев О. И. Фауна з розкопок підніжня Великого Канівського району. Матеріали до вивчення Історії та природу району Канівського заповідника, – К., 1962.

Кочин Г. Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // ПИ. Сб., II – М.; Л., 1936.

Кочин Г. Е. (сост.) Материалы для терминологического словаря древней России. – М.; Л., 1937.

Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства (конец XIII – начало XVI в.). – М.; Л., 1965.

Куза А. В. Рыболовство в Новгороде по берестяным грамотам // Археологический сборник. – М.: МГУ, 1961.

Куза А. В. Развитие рыболовства в Восточной Европе // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований. 1965 г. – М., 1966.

Куза А. В. Место и значение рыболовства в истории хозяйства восточных славян // Этническая история и современное развитие народов мира. – М., 1968.

Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. Вып. 68. 1957.

Лебедев В. Д. Четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. – М.: изд-во МГУ, 1960.

- Левашева В. П.* Сельское хозяйство // Труды ГИМ. Вып. 32. – М., 1956.
- Левенок В. П.* Юсновская культура // СА. № 3. 1963.
- Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МКА. Вып. 74. 1958.
- Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. 1961.
- Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152. 1968.
- Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. – СПб., 1911.
- Маковский Д. П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства XVI в. Изд. 2-е. – Смоленск, 1963.
- Мальм В. А.* Промыслы древнерусской деревни // Труды ГИМ. Вып. 32. 1956.
- Маньков А. Г.* Цены и их движение в русском государстве XVI в. – М.; Л., 1951.
- Маньков А. Г.* Хозяйственные книги монастырских вотчин // ПИ, Сб. 4. – М., 1955.
- Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // САМ, ЕИ-36. 1966.
- Медведев А. Ф.* Из истории Старой Руссы // СА. № 3. 1967.
- Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян. – Київ: КГУ, 1965.
- Мезенцева Г. Г.* Древньоруське місто Родень. – Київ, 1968.
- Милонов Н. П.* Древнерусские курганы и селища в бассейне верхней Волги // МИА. № 13. 1950.
- Монгайт А. Л.* Старая Рязань // МИА. № 49. 1953.
- Монгайт А. Л.* Рязанская земля. – М., 1962.
- Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. – Воронеж, 1965.
- Нечкина М. В.* О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории». № 7. 1958.
- Нидерле Л.* Славянские древности. – М., 1956.
- Никитский А. И.* История экономического быта Новгорода Великого. – М., 1893.
- Никольская Т. Н.* Древнерусское селище Лебёдка // СА. № 3. 1957.
- Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 2. – СПб., 1910.
- Отто Н.* Поозерье Ильменя // Северная пчела. № 96.
- Пономарёв Н. В.* Рыболовные снаряды и другие приспособления рыболовного лова, употребляемые в России. – СПб., 1889.
- Пащучо В. Т.* Голодные годы в древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. – Минск, 1964.

- Перельман И. Л.* Новгородская деревня XV–XVI вв. // ИЗ. Т. 26. 1948.
- Плетнёва С. А.* От кочевий к городам. – М., 1967.
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1957.
- Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. – Харьков, 1957.
- Рабинович Г. С.* Новгородские ремесла XVI в. // Уч. записки Ленинградского гос. педагогич. ин-та А. И. Герцена. Т. 39. – Л., 1941.
- Рабинович М. Г.* Раскопки в Москве в 1950 г. // КСИИМК. Вып. 14. 1952.
- Радзивилловская летопись* (фотомеханическое воспроизведение). – М., 1902.
- Рафалович И. А.* Славяне VI–IX вв. Молдавия: автореф. дисс. – М., 1968.
- Рафалович И. А.* Раннеславянское поселение у села Ханска // КСИА. Вып. 113. 1969.
- Ржизга В. Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси // Труды ГИМ. Вып. 5. – М., 1929.
- Рожков Н. А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. I, II. – СПб., 1905.
- Рожков Н. А.* Город и деревня в русской истории. Изд. 6-е. – М., 1920.
- Розенфельдт Р. Л.* О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. № 2. 1960.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. – М., 1948.
- Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. – М., 1964.
- Рыбный промысел на Ильмене* // Вестник рыбопромышленника. I. XIX. 1904.
- Рыднина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X – XV вв. // МИА. Вып. 117. 1963.
- Сабанеев Л. П.* Жизнь и ловля пресноводных рыб. Изд. 3-е. – М., 1911.
- Сахаров А. Н.* Города Северо-Восточной Руси XIV – XV веков. – М., 1959.
- Сахаров А. Н.* Русская деревня XVII в. – М., 1966.
- Световидов А. Н.* К истории ихтиофауны р. Дона // МИА. № 8. 1948.
- Седов В. В.* Поселение XII – нач. XV в. в Перыне // КСИИМК. № 62. 1956.
- Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. – М., 1960.
- Седов В. В.* Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине // КСИА. № 86. 1961.

Седов В. В. Древнерусское поселение близ города Вязники. КСИИМК. № 81, 1961.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.) // МИА. № 65. 1959.

Седова М. В. Раскопки Ярополча Залесского (1961) // КСИА. № 96.1963.

Седова М. В. Археологические работы во Владимирской области в 1962 г. // КСИА. № 104. 1965.

Семёнов А. М. Топография Новгородского торгового двора в 1583 году // Новгородский исторический сборник. Вып. 1. – Л., 1936.

Семёнов А. М. Неизвестный Новгородский список грамот Изяслава, данный Пантелеймонову монастырю // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. 1959.

Семёнов П. П., ред. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. IX. 1905.

Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. I. Вып. 1–2. – Киев, 1917–1919.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I–II. – М.; Л., 1947–1948.

Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. I–II. – М., 1959–1963.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. – М., 1958.

Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 // КСИИМК. № 11. 1945.

Струмилин С. Г. О внутреннем рынке России XVI – XVII вв. // История СССР. Т. IV. 1959.

Сычевская Е. К. Рыбы городища Титчиха в кн. А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. – Воронеж, 1965.

Сычевская Е. К. Рыбы древнего Новгорода // СА. 1965. № 1.

Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. – М., 1939.

Тараканова-Белкина С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // Труды ГИМ. Вып. 11. – М., 1940.

Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник в XVI в. Изд. Т. III, М., 1938.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. – М., 1962.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV – XV веках. – М.: изд-во МГУ, 1957.

Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской

письменности. – М., 1952.

Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы // История культуры древней Руси. Т. I. – М., 1948.

Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения древней Руси // Труды ГИМ. Вып. 32. – М., 1956.

Фёдоров В. В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. 1957. № 2.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // Археологические открытия 1967 г. – М., 1968.

Фехнер М. В. Раскопки селища близ Грехова ручья // Труды ГИМ. Вып. 37. – М., 1960.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. – М.; Л., 1962.

Хавлюк П. И. Славянские поселения XIII – начала XIX в. на Южном Буге // Археологический сборник. Вып. 4, Гос. Эрмитаж. – Л., 1962.

Хавлюк П. И. Ракасславянские поселения Семенки и Саичицы в среднем течении Южного Буга // Славяне накануне образования Киевской Руси. МНА. Вып. 108. 1963.

Цепкин В. А. Промысловые рыбы древнего Волковыска // Древности Белоруссии. – Минск, 1969.

Чечулин Н. Д. Города Московского государства XVI в. – СПб., 1889.

Черепнин Л. В. 1. Русские феодальные архивы XIV – XV вв. Ч. I. – М.; Л., 1948; Ч. II. – М., 1954.

Черепнин Л. В. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. // ПИ. Сб. IV. – М., 1955.

Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. – М., 1969.

Чернецов В. Н., Мошинская В. И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). – М., 1954.

Шереметьев С. Д. Грамоты с подписями Годуновых // ЧОИДР. I. М., 1897.

Шрамко Б. А., Цепкин В. А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII – XIII вв. // СА. № 2. 1963.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. – М., 1925.

Шурыгина А. П. Новгородская боярская колонизация XIV – XV вв. // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 78. 1948.

Щапова Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117. 1963.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... – М.: изд-во МГУ, 1965.

Bielenstein A. Holzbauten und Holsgerate der Retten. Bd. II. – Petrograd, 1918.

Bukowski Zb. Uwagi o konserwacji ryb u slowian swiette materialow archeologicznych i etnograficznych // Studia s dziejow gospodar stwa wiejskiego, T. 9, zeszyt-3. 1967.

Clark J. G. D. The Development of fishing in prehistoric Europe // The Antiquaries Journal. – London, 1948.

Honsel W. Studia I materially do osadnictwa Wielkopolski wezenohistorycznej. T. I. – Poznan, 1950.

Krauze E. Vergleichliche Pishereigerate und newere Vergleichsstucke // Zeitschrift fur Fischerei, t. XI, zeszyt 3/4, 1904.

Manninon J. Die Sachkultur Estland. – Tartu, 1931. T.1.

Mossynski K. Kultura Ludowa Slowian. T. I–II. – Warszawa, 1967.

Niederle L. Zivot starych Slovanu. T. I–III. – Praha, 1911–1925.

Palsi S. Ein steinzeitlicher locherfund. Suom. Muin. Aik. – Helsinki, 1920.

Perians O. Slovensko, nazvoslovie ryb // CSR a susediach Krajov Prirodovedny Sbornic. 2. 1947.

Rank G. Reipsi Kalastusest. – Tartu, 1934.

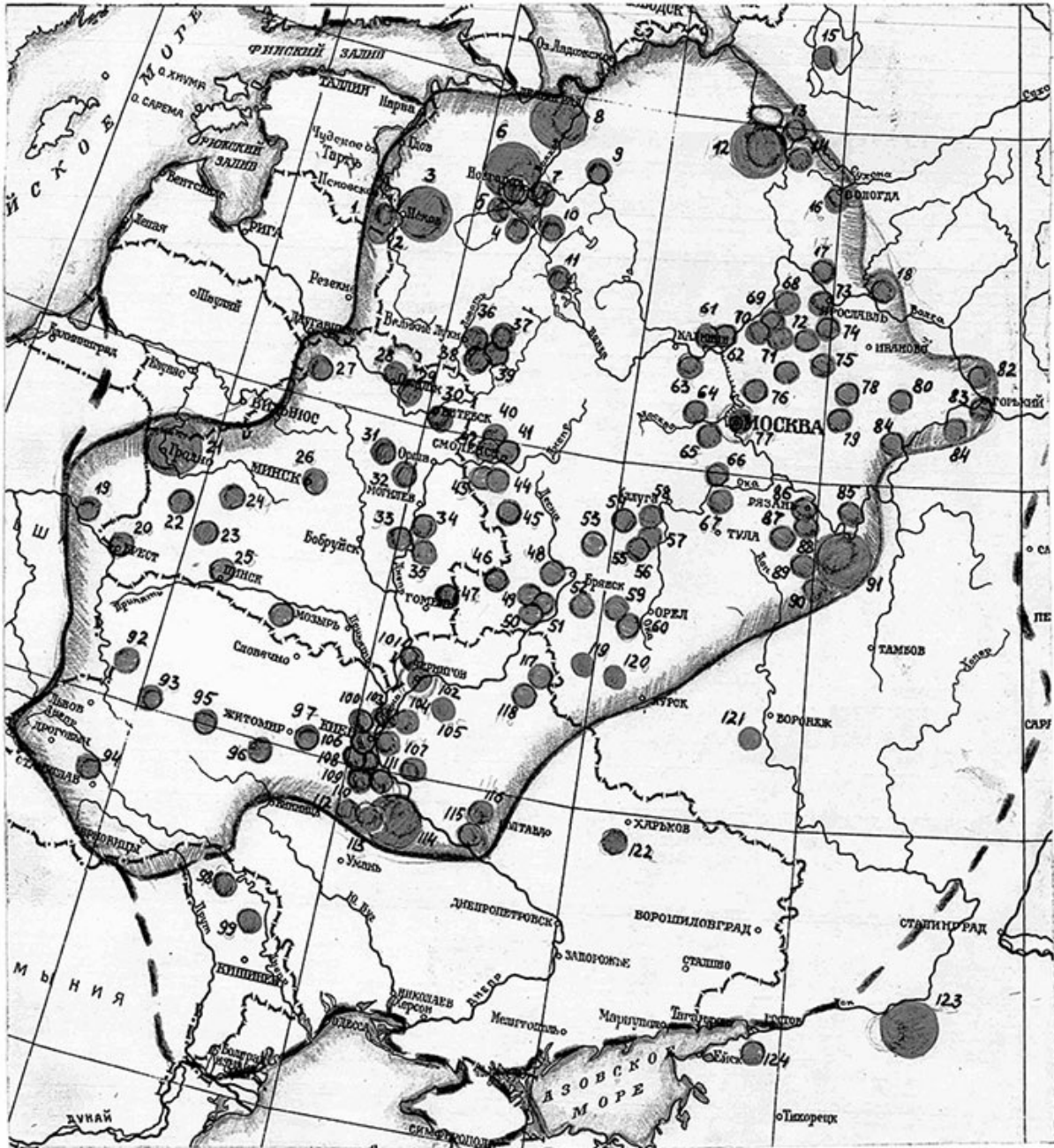
Sirelius U. T. Suomalaisten kalastus. T. I–III. Helsinki, 1906.

Sirelius U. T. Die Volkkultur Finnlands. B. II. – Berlin und Leipzig, 1934.

Znamierowska-Prufferowa M. Rybackie nasedrla Kolne w Polsce I w sasiednich. – Torun, 1957.

Vikuna K. Varsina issuumalaisten kapsaanomaisesta taloudesta. – Porvo-Helsinki, 1935.

Альбом иллюстраций

МЕСТА НАХОДОК:

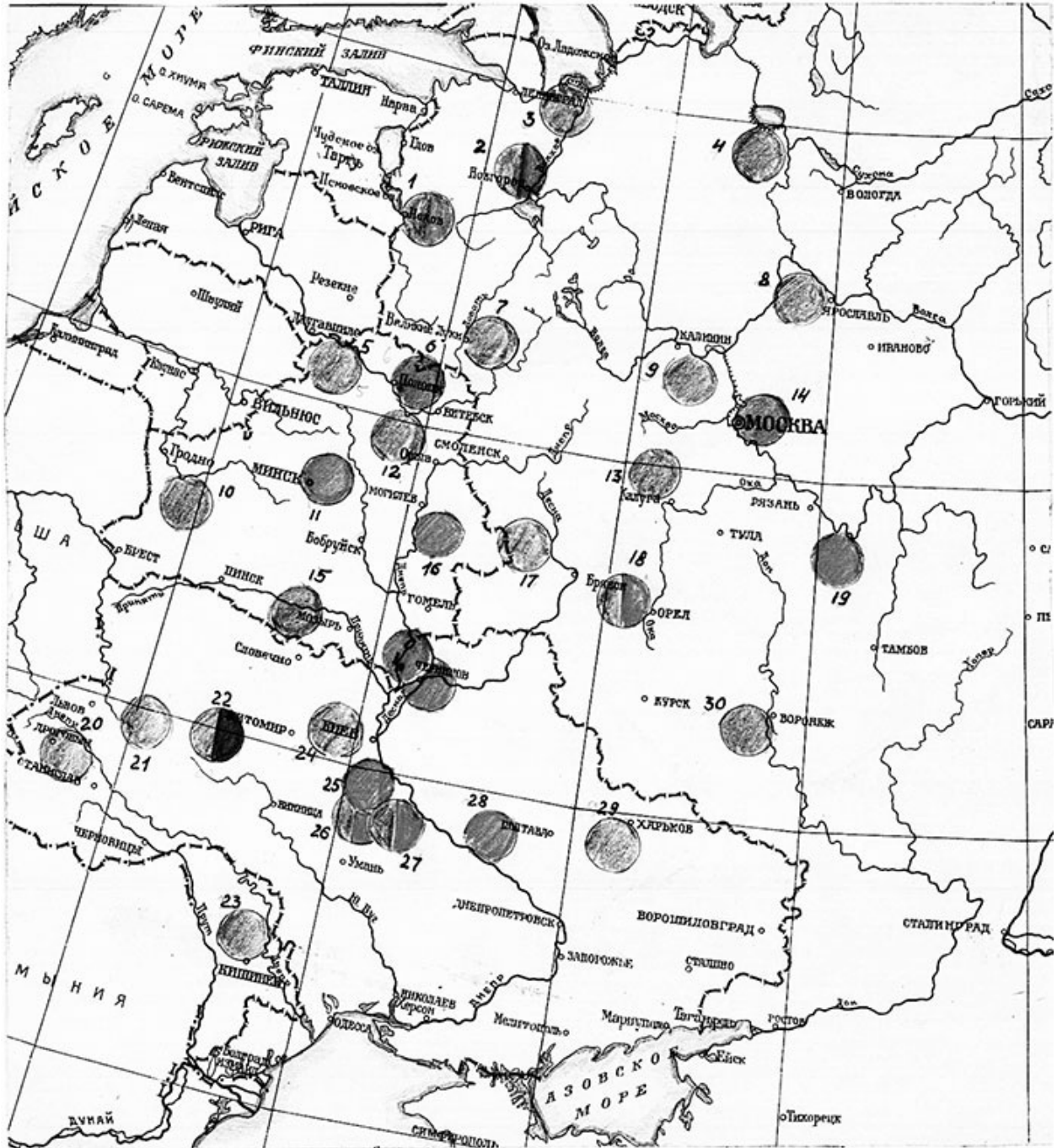

ОСНОВНЫЕ

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ

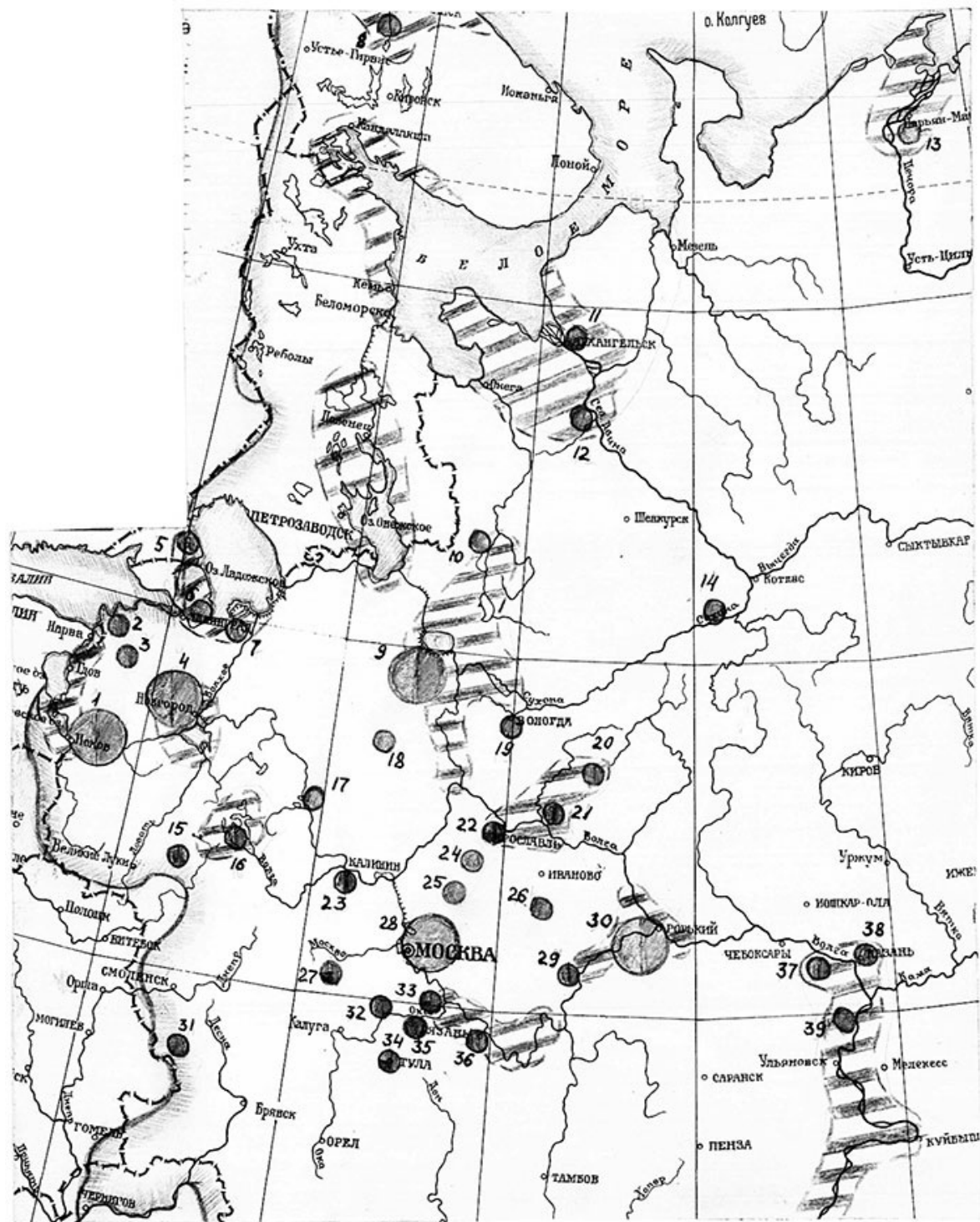
Карта 1. Находки рыболовных орудий

● ТИП I

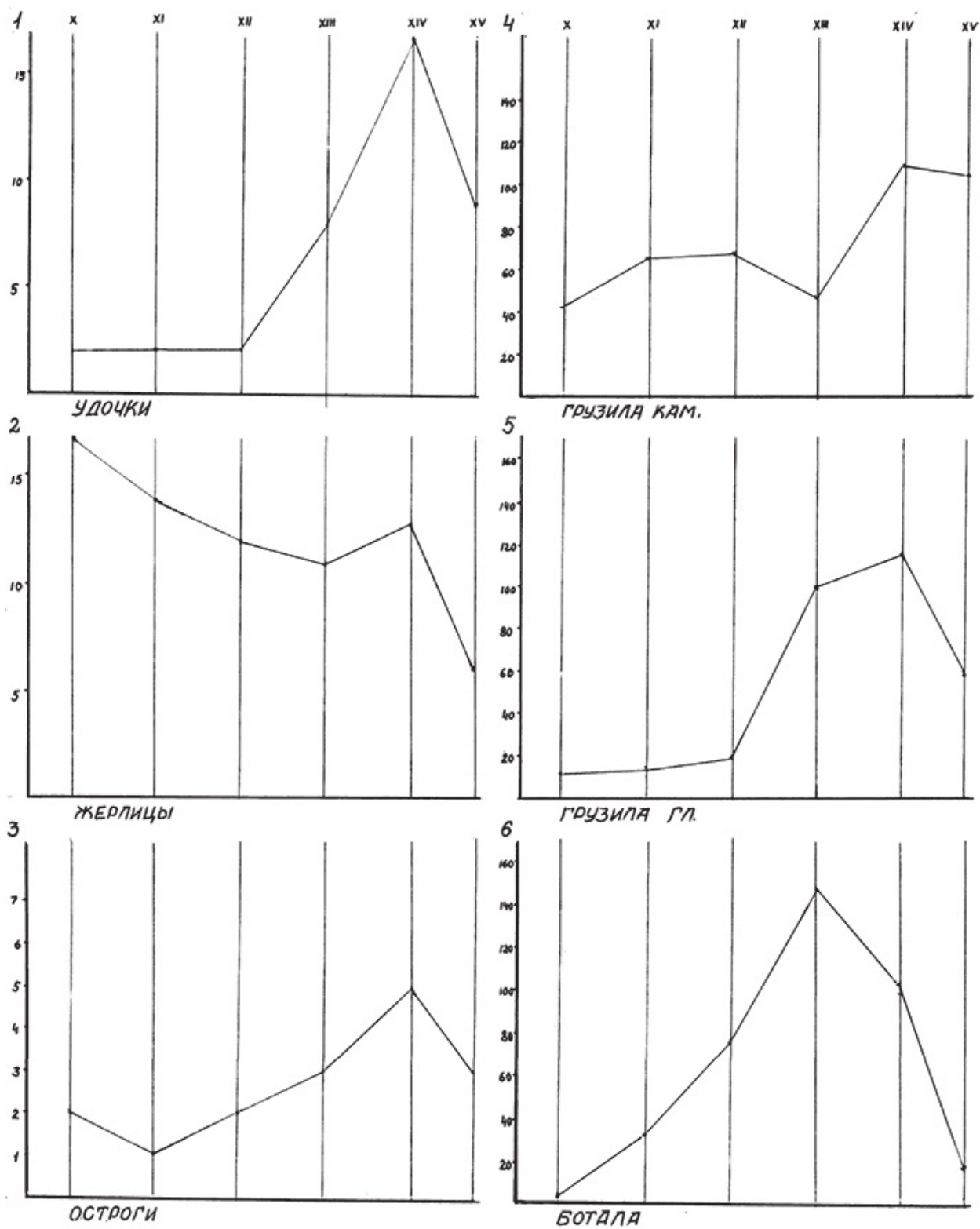
● ТИП II

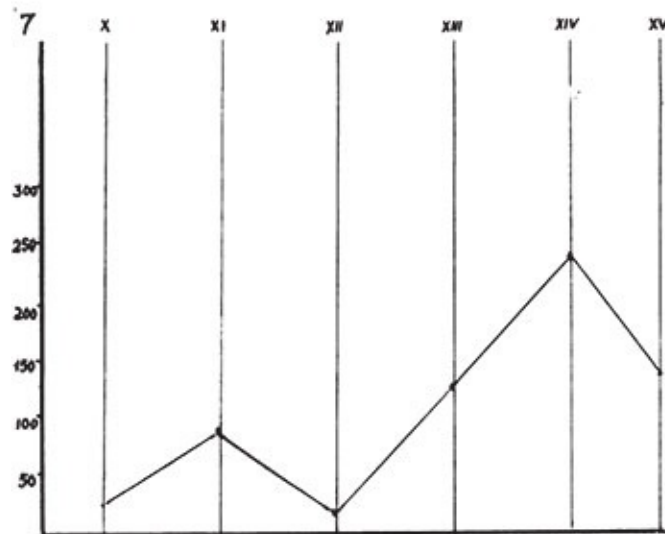
Карта 2. Находки острог

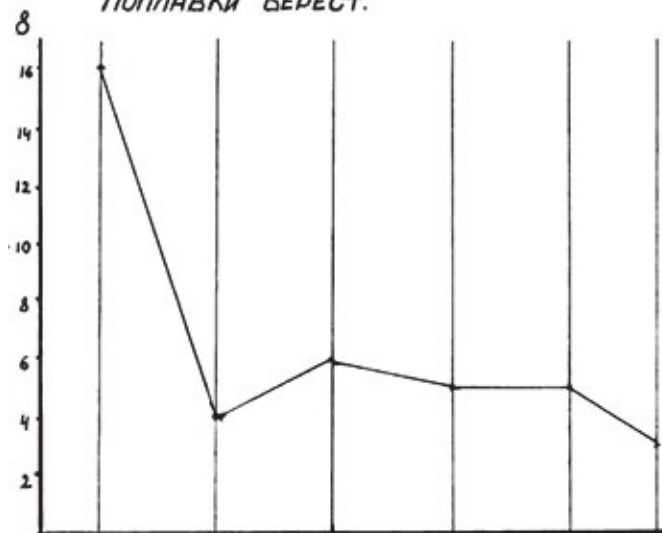
- 1 ● РЫБНИКИ И РЫБОТОВЫ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ
- 2 ● ТОРГОВЛЯ РЫБОЙ
- 3 ● РЫБОЛОВНЫЕ СЛОБОДЫ
- 4 ▨ ПРОМЫСЛОВЫЕ РАЙОНЫ

Карта 3. Развитие рыбного промысла на Руси в XVI в.

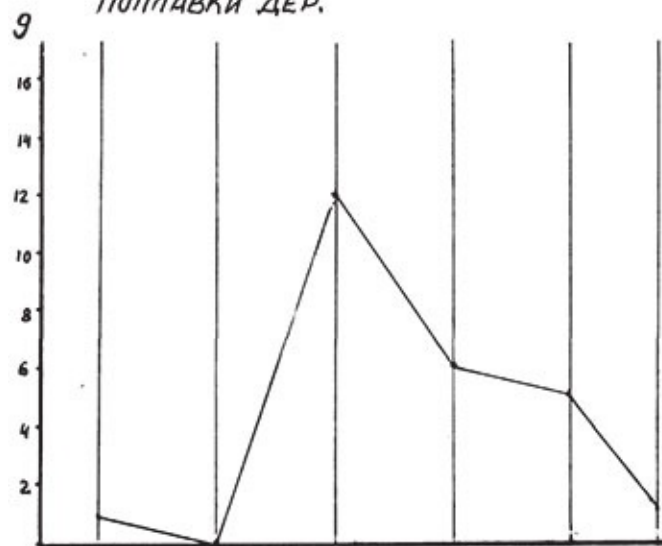

ПОПЛАВКИ БЕРЕСТ.

ПОПЛАВКИ ДЕР.

ПЕТЛИ ОТ СЕТЕЙ

Графики распределения находок в слоях Новгорода

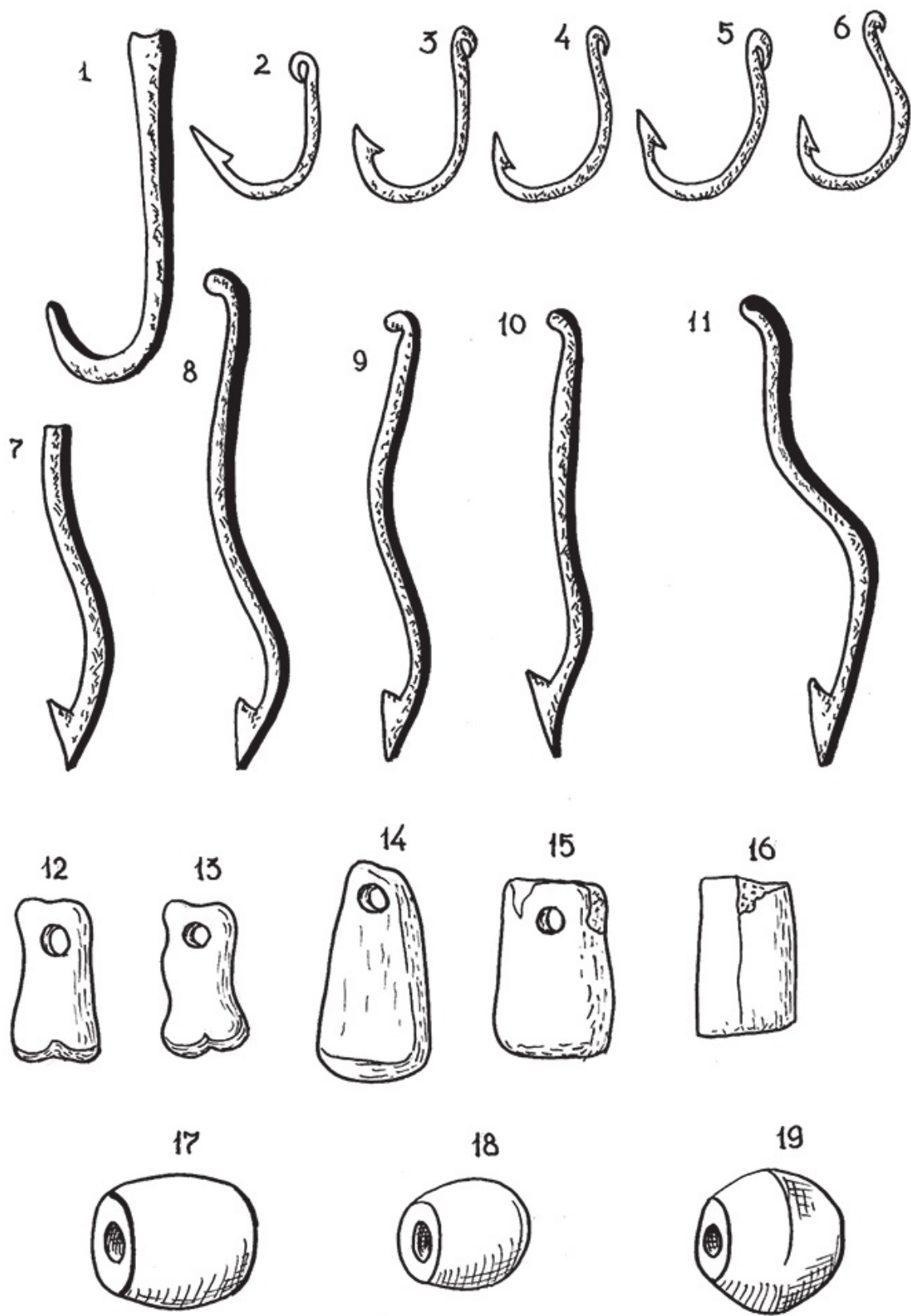
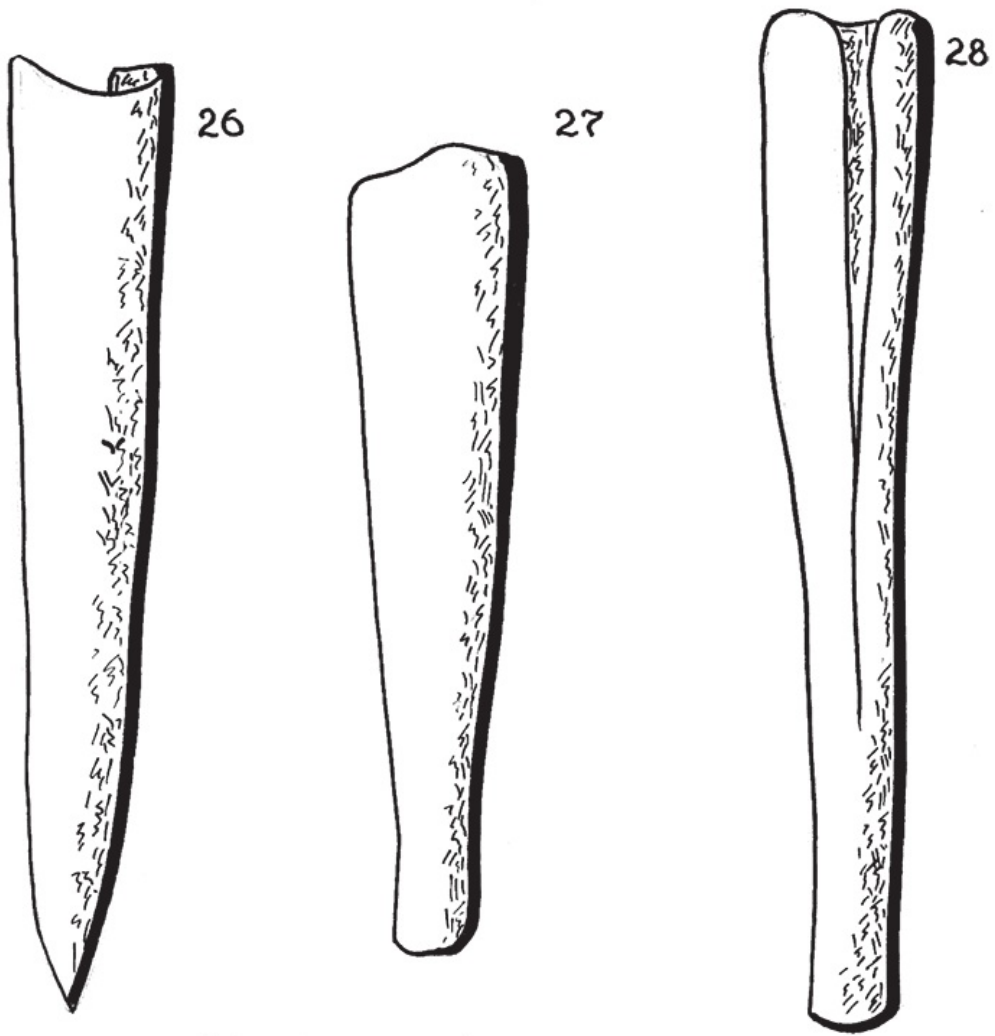
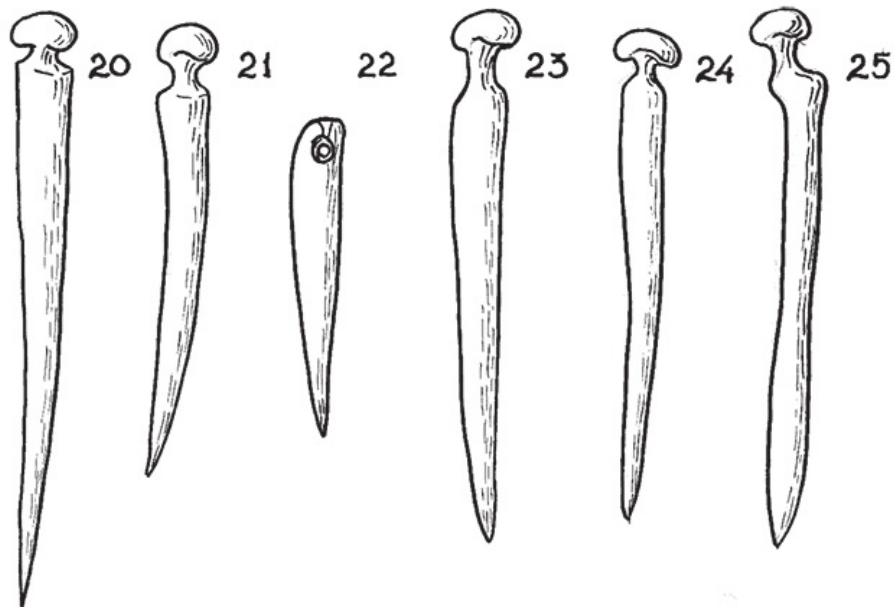
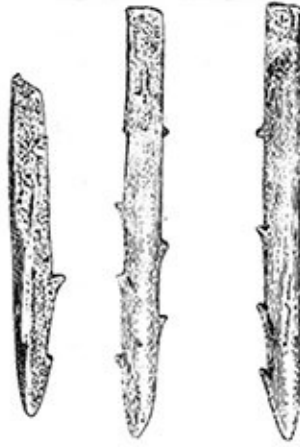

Рис. 1. Рыболовные орудия славян II половины I тыс. н. э.

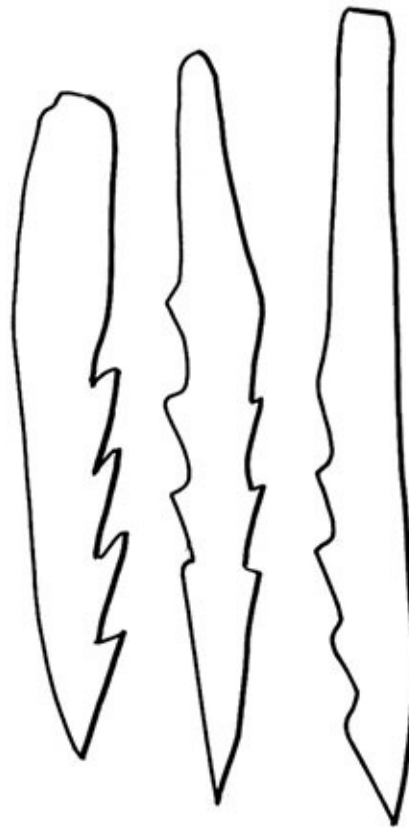

1

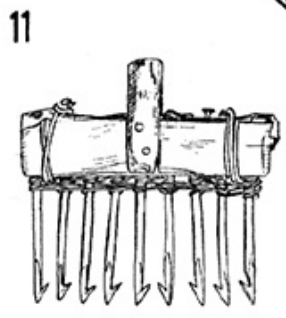
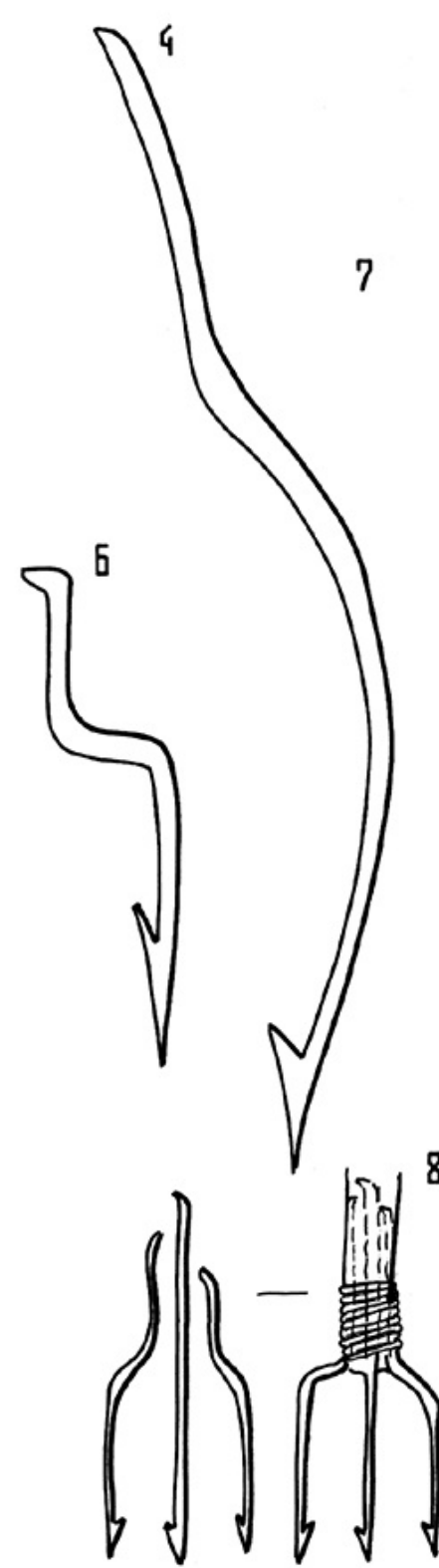
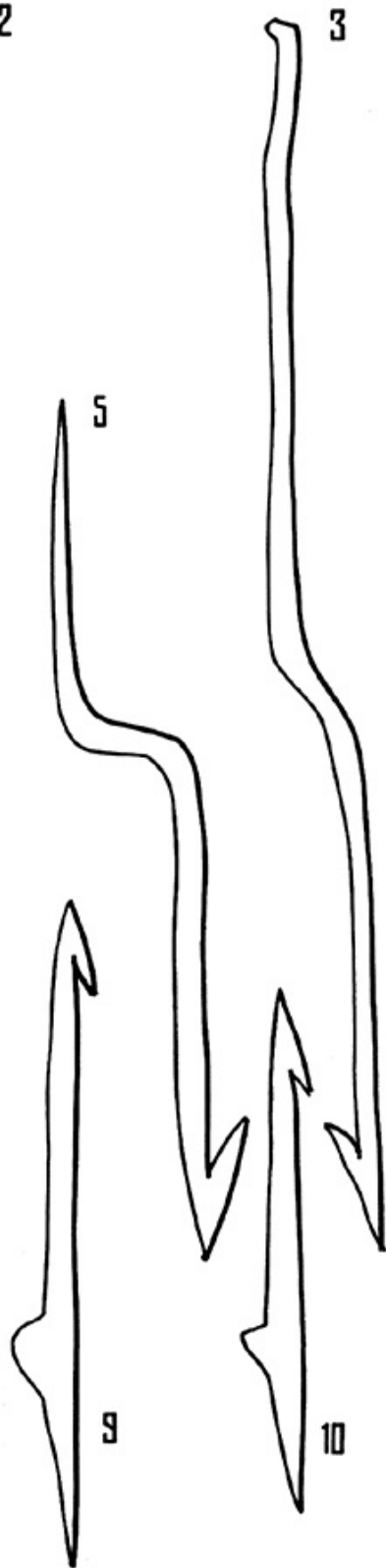
2

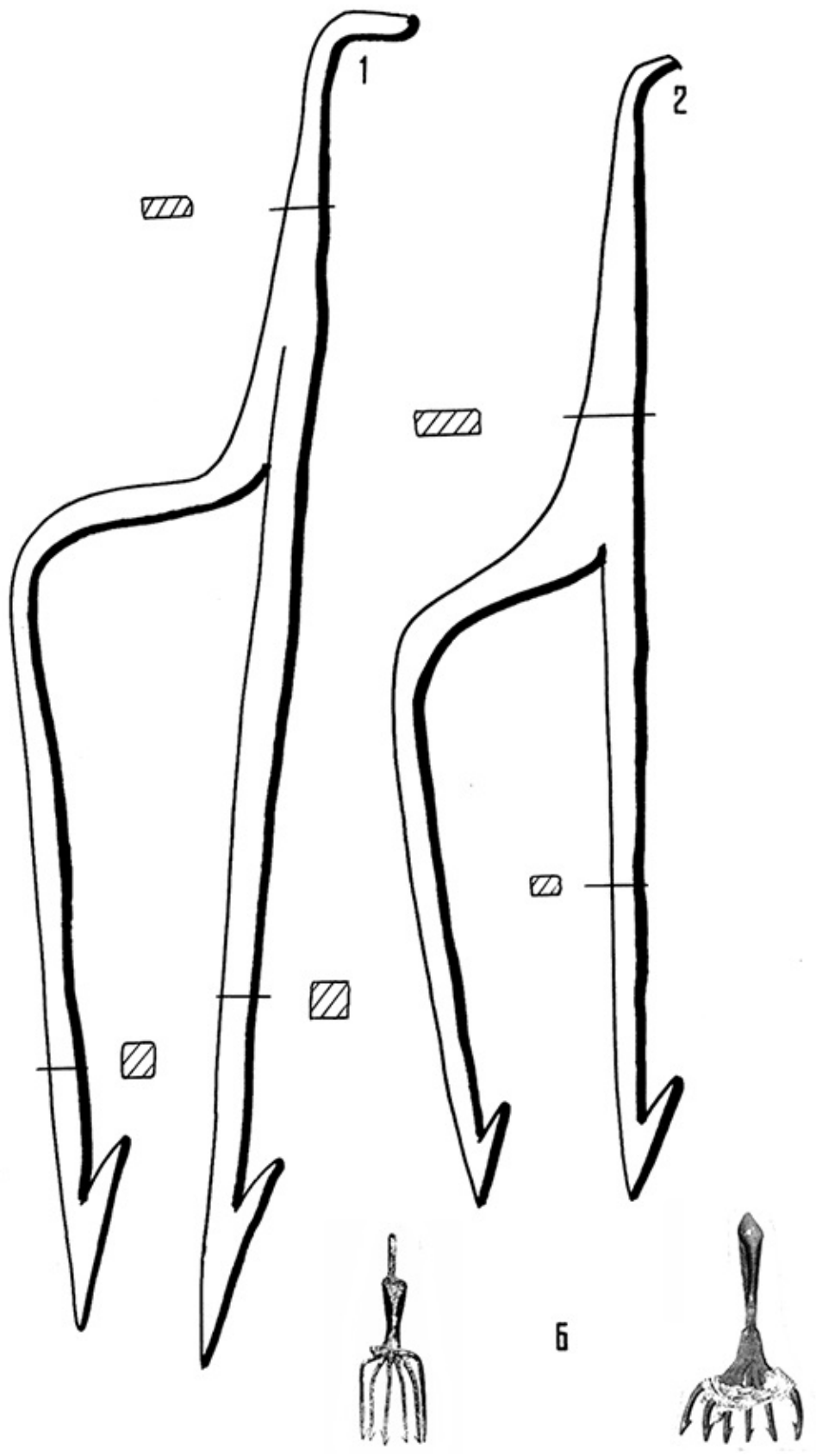
3

Рис. 2. Остроги железного века

Острогу I мина

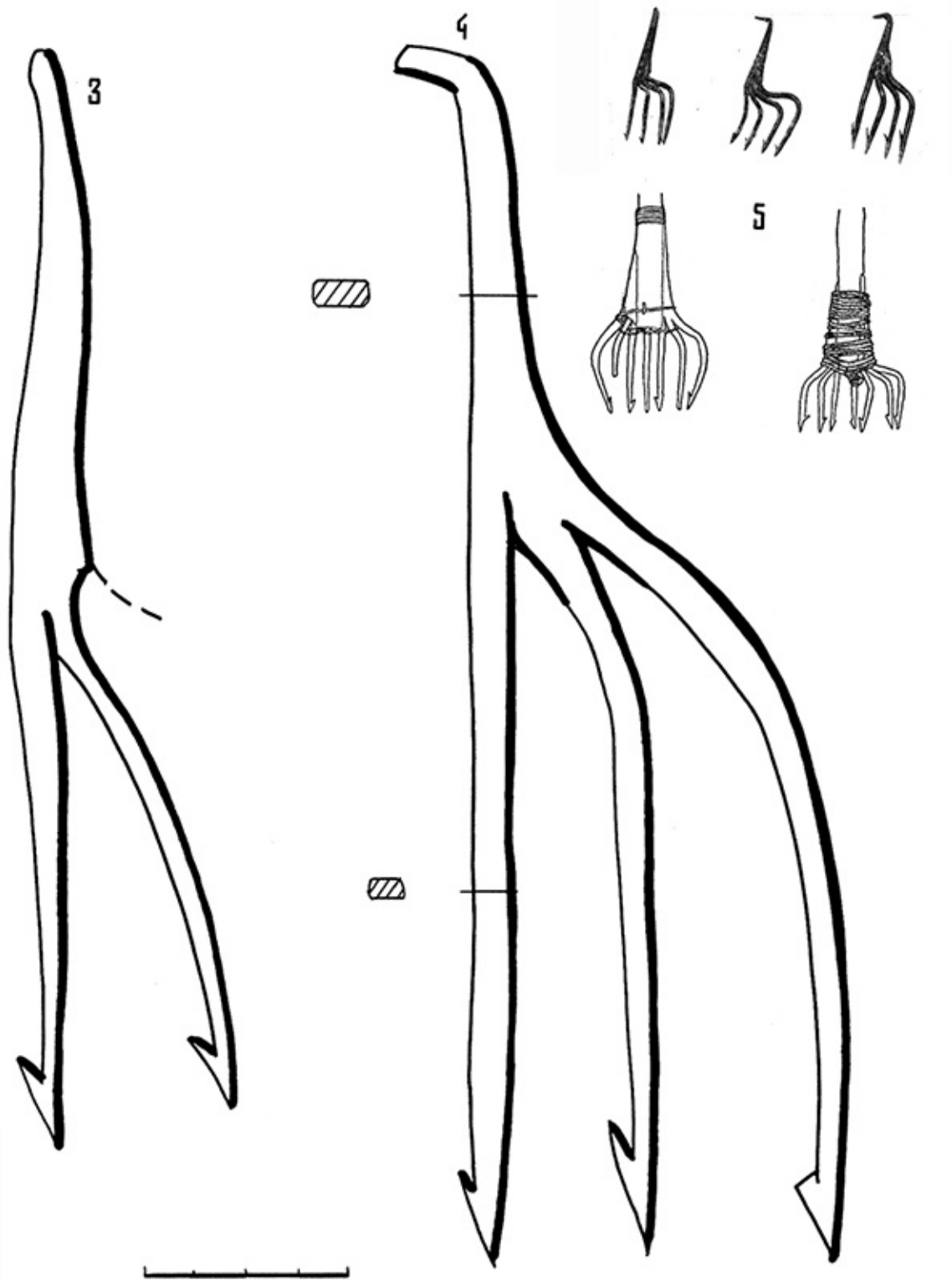

Рис. 3. Острогу II мунга

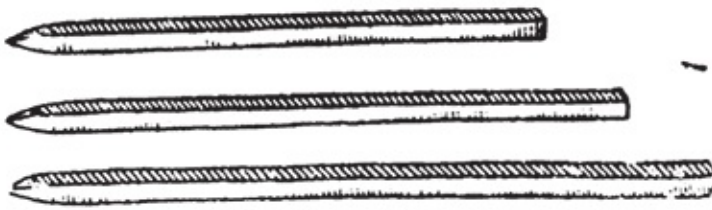
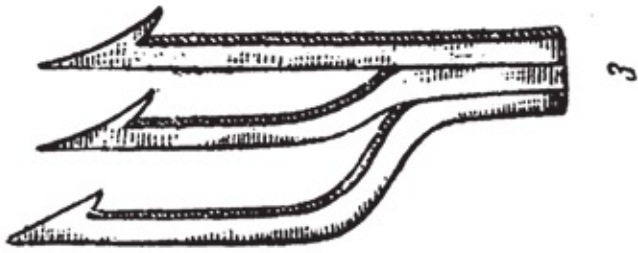

Рис. 4. Изготовление острог II типа по Б.А. Рыбакову

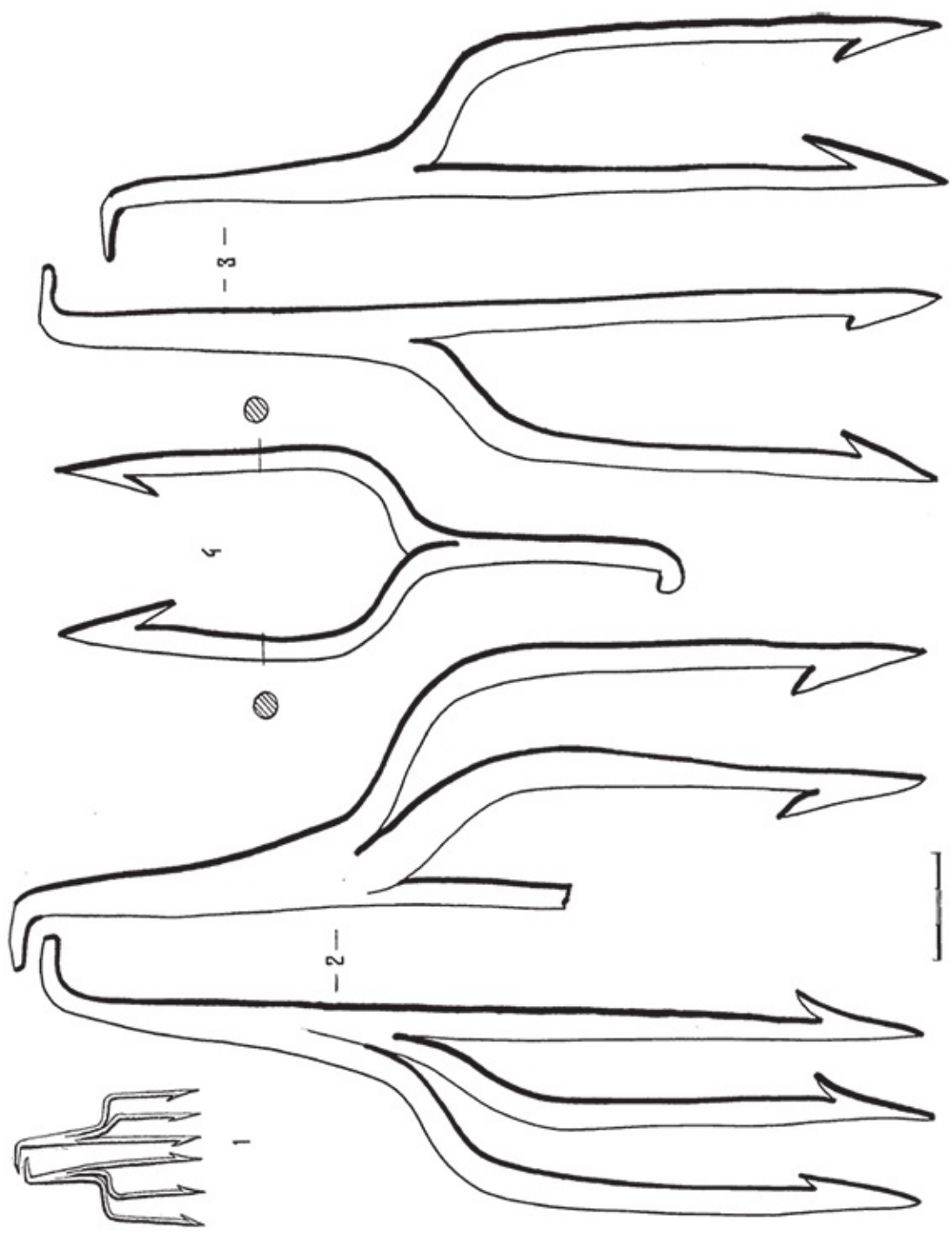

Рис. 5. Целые остроги

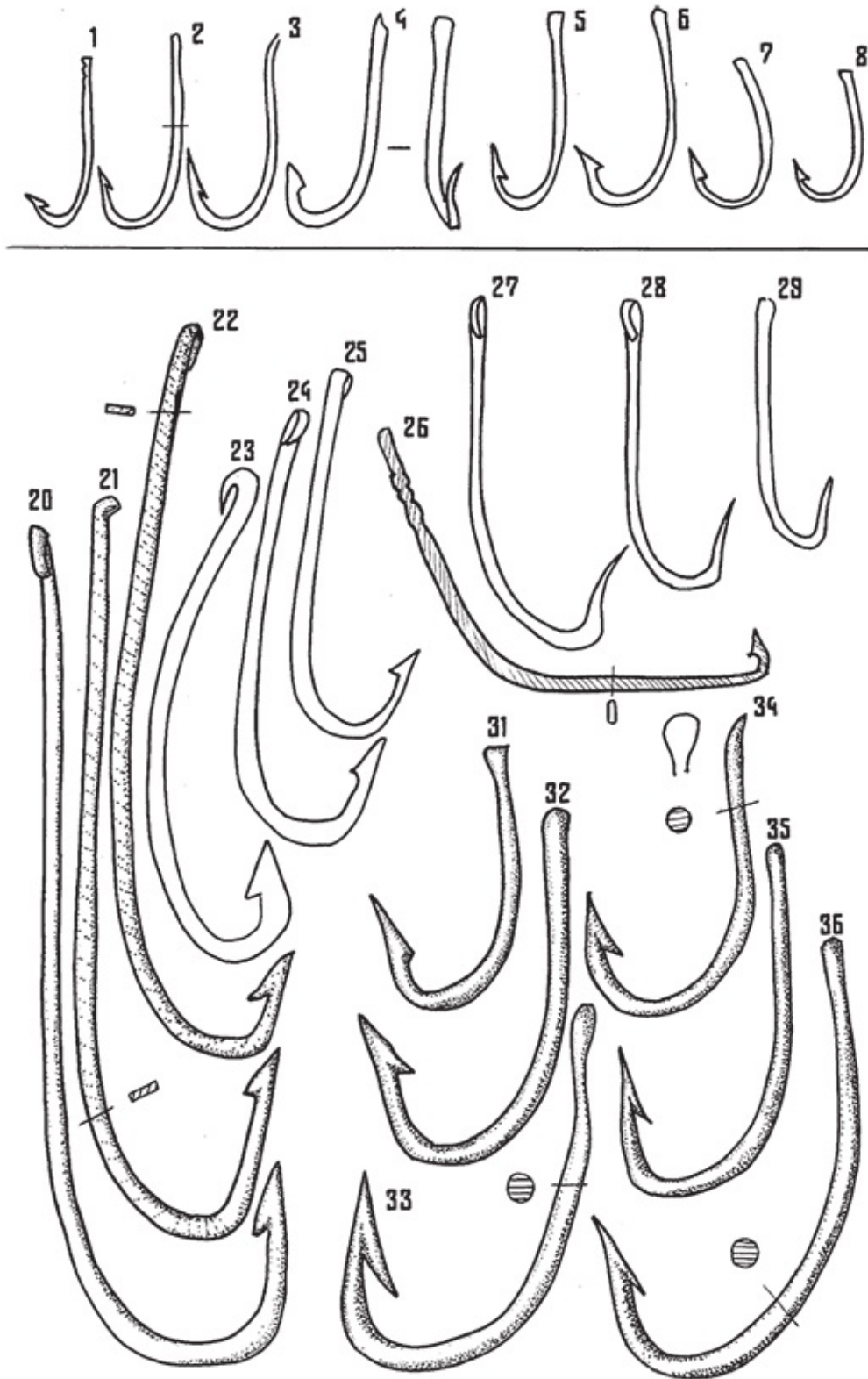
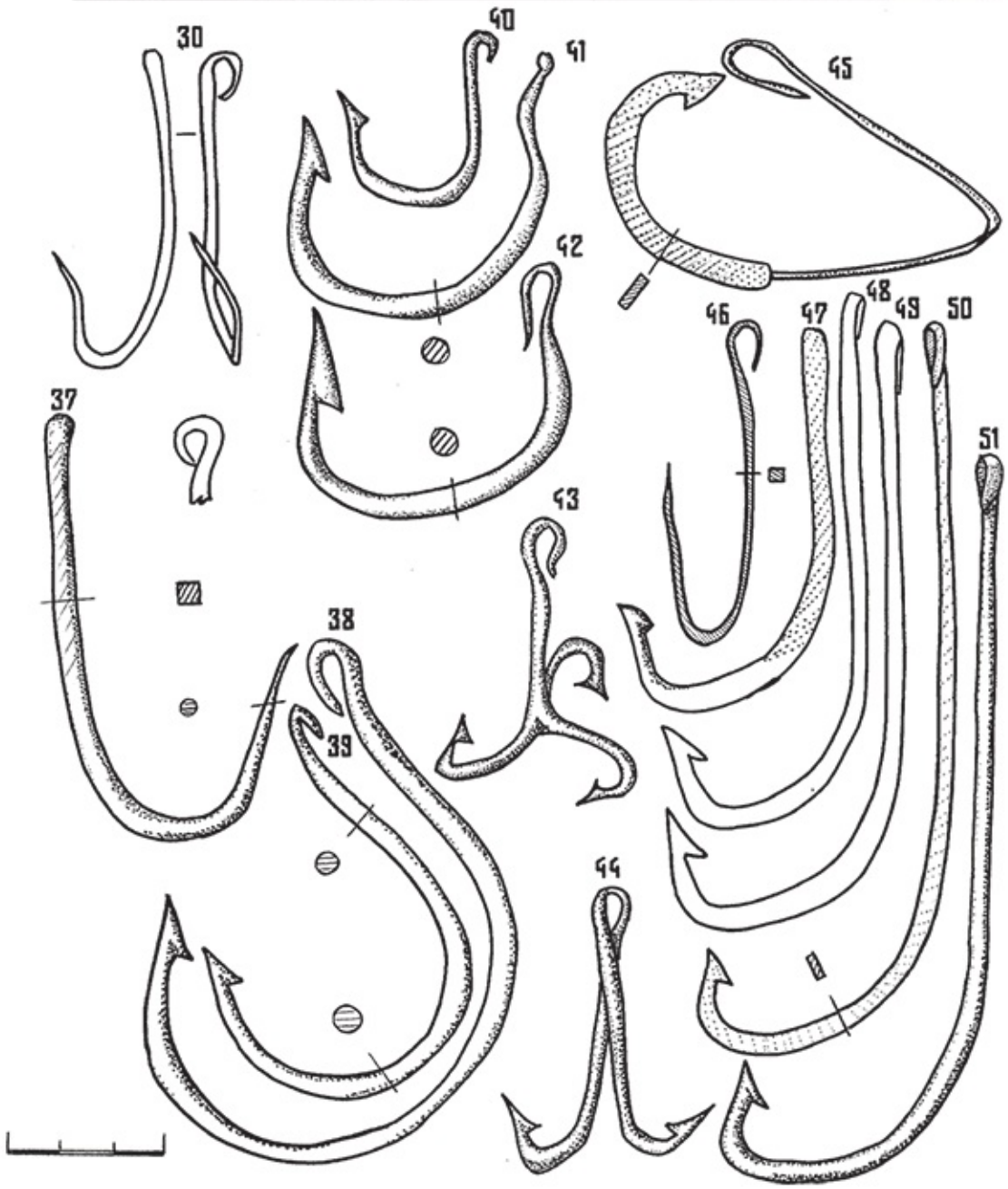
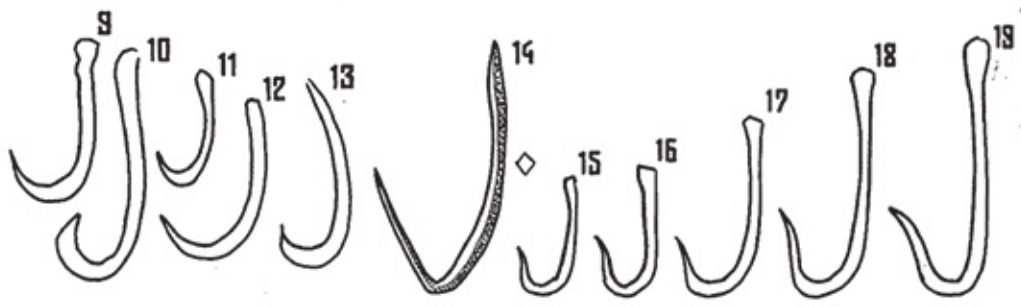
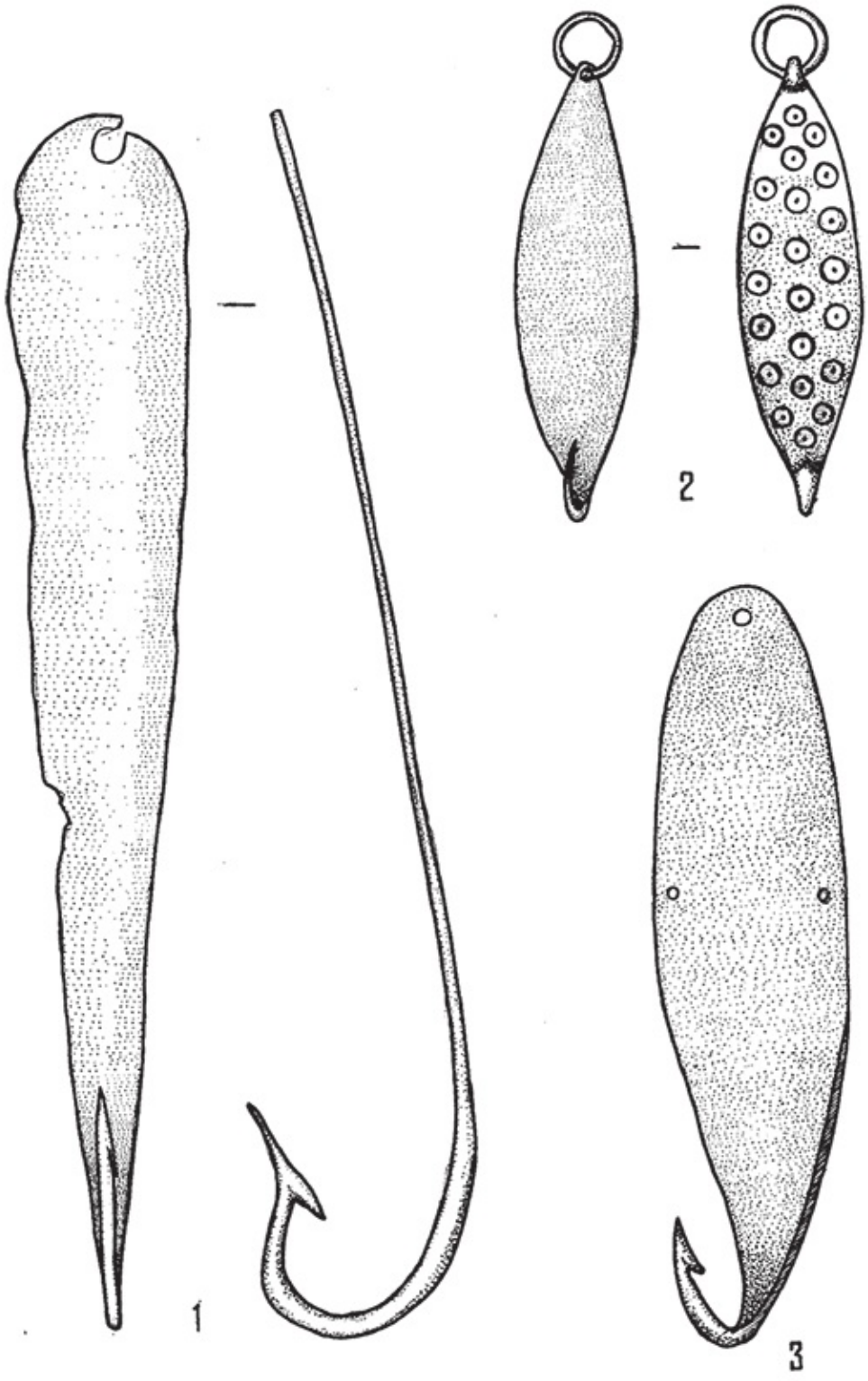

Рис. 6. Рыболовные крючки для удочек (1–19) и жерлиц (20–51)

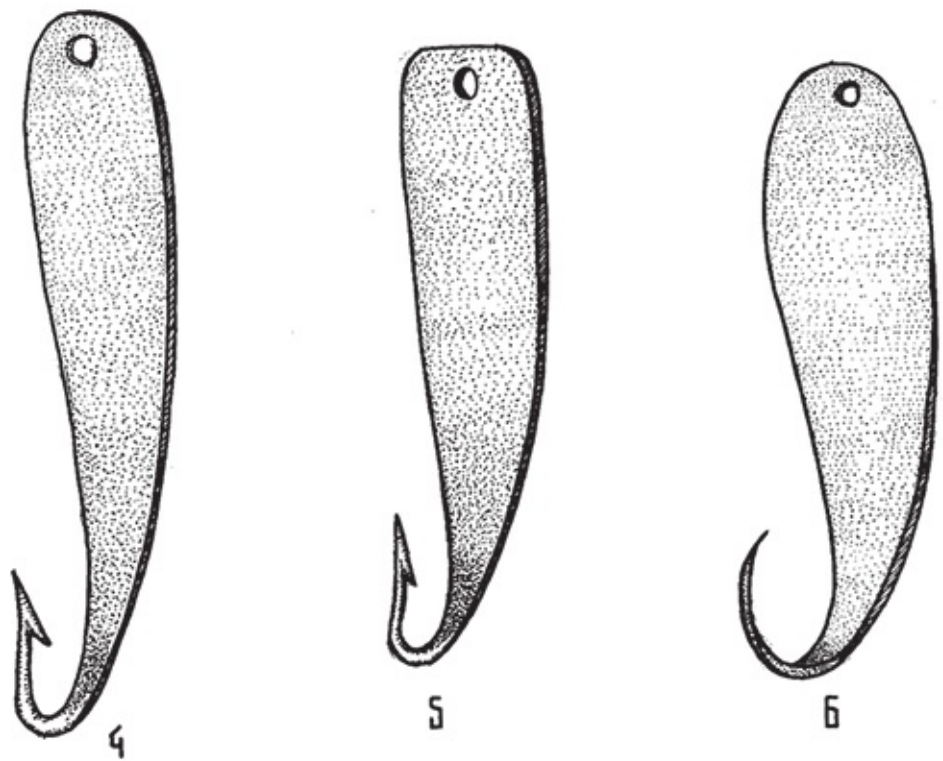
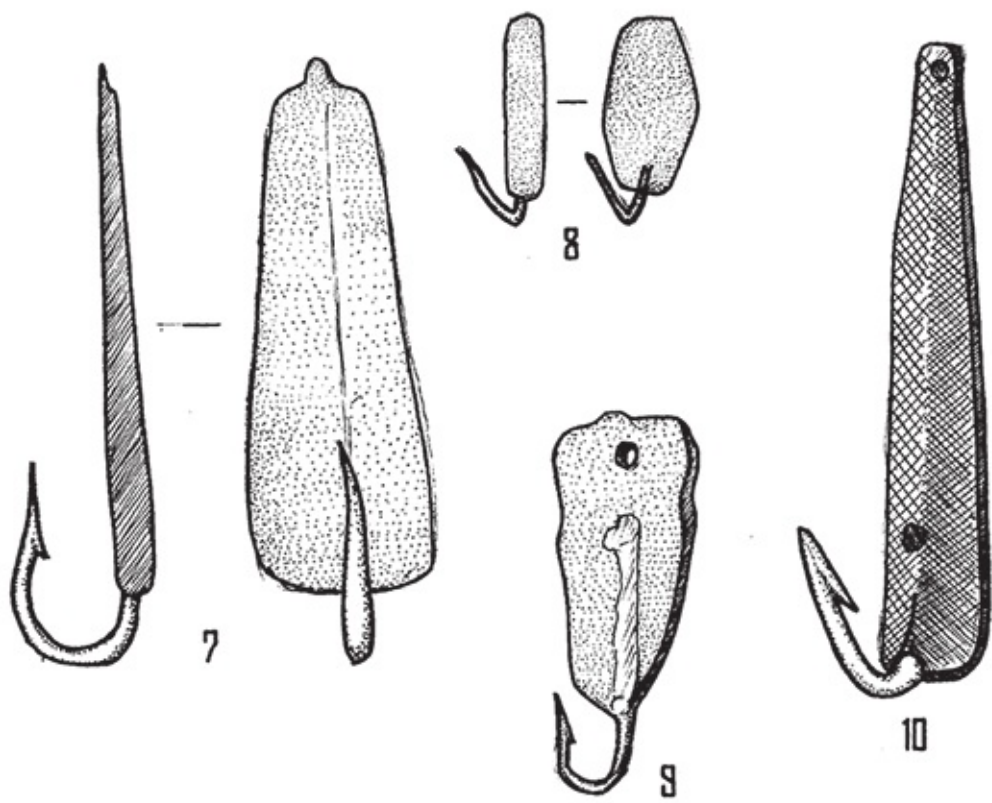

Рис. 8. Блѣсны

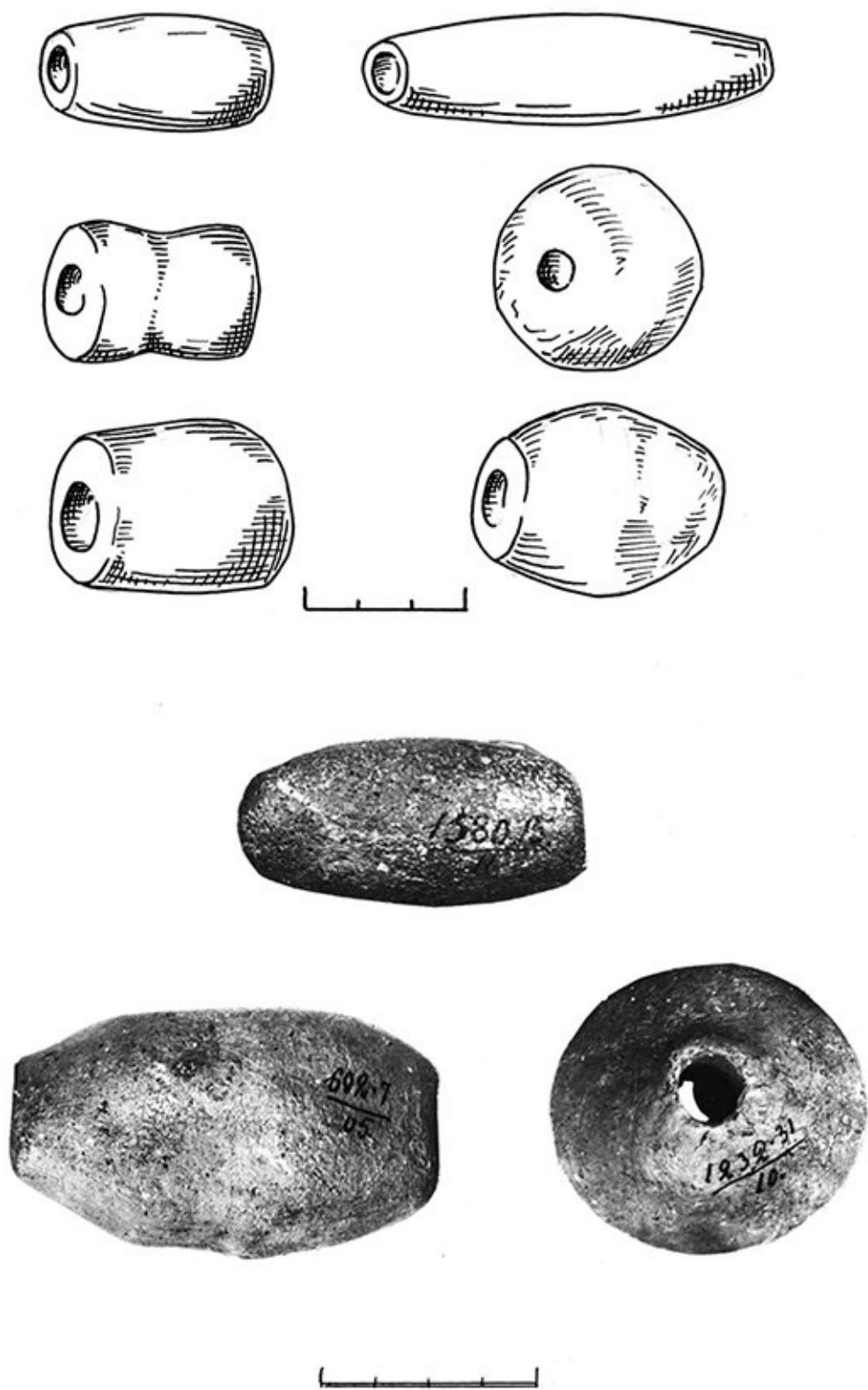
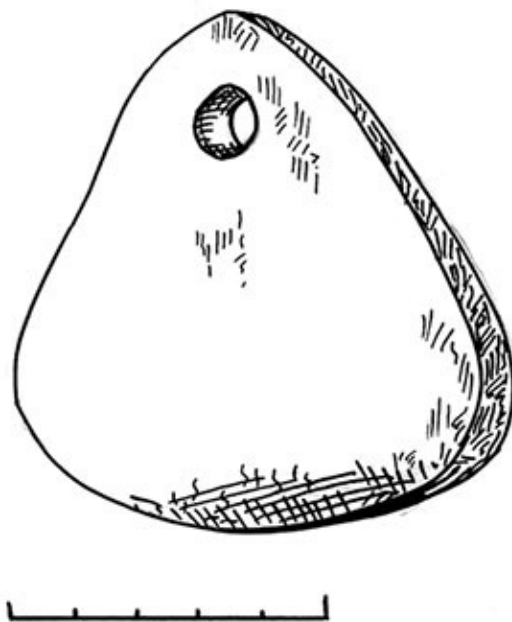
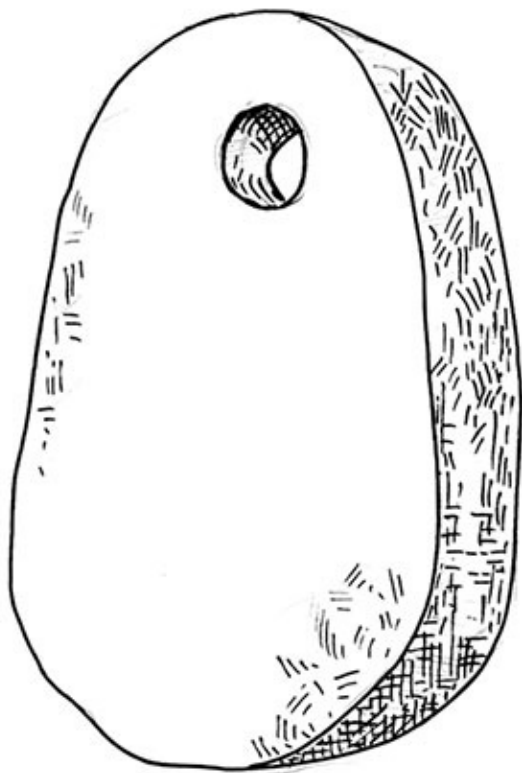
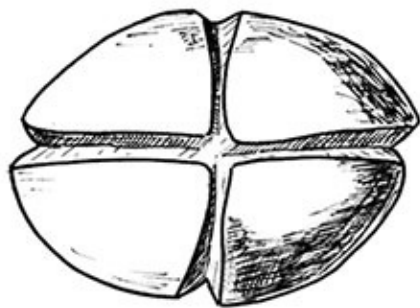
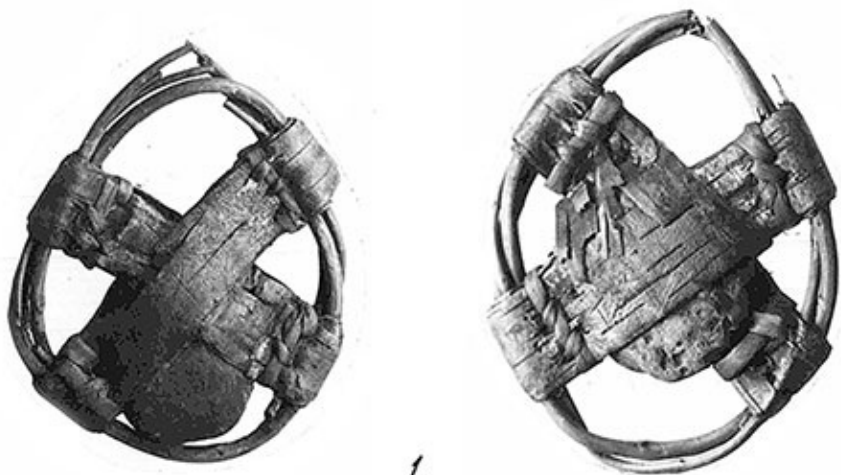
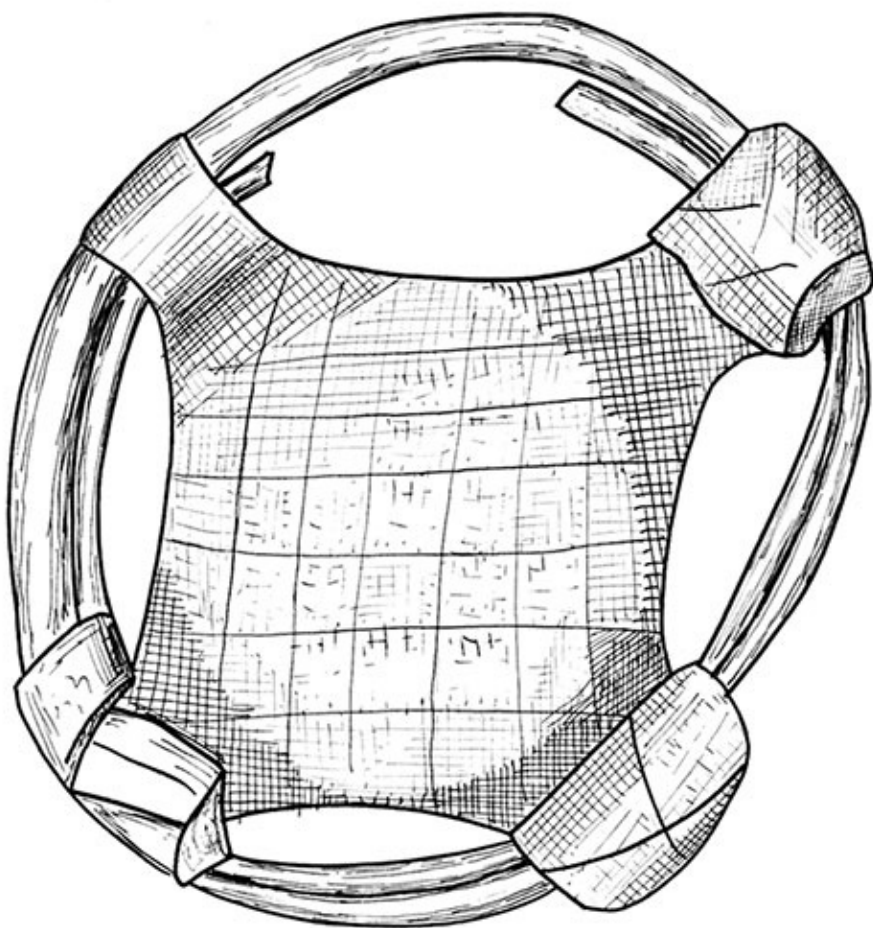

Рис. 9. Грузила для сетей: глиняные (слева) и каменные (справа)

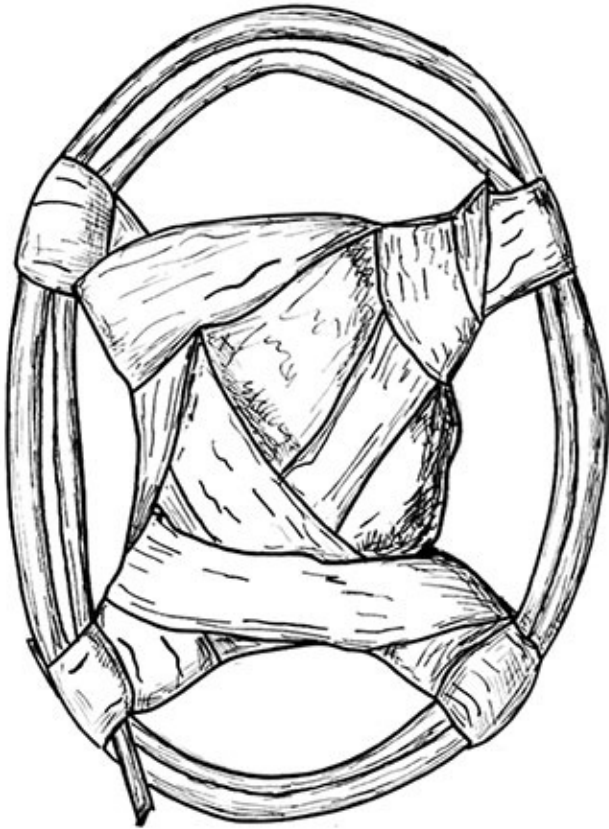
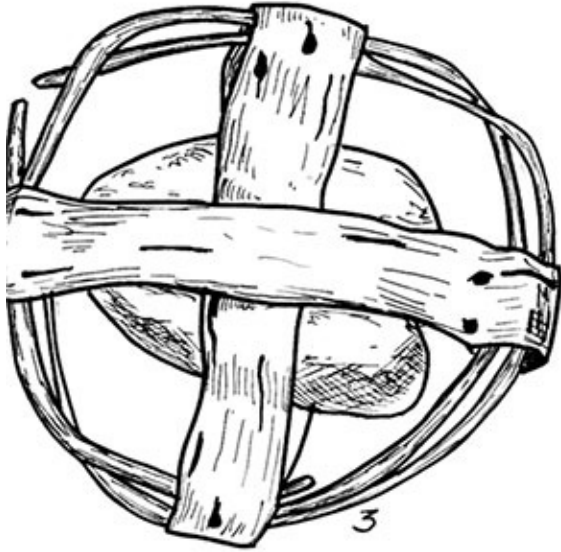

1

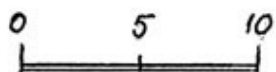
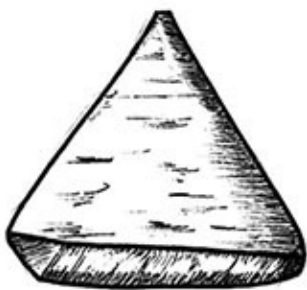
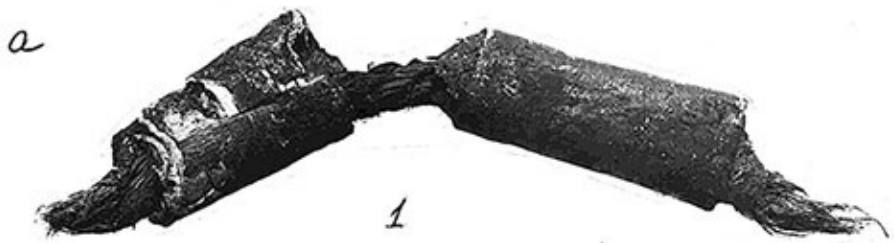
2

4

Рис. 10. Грузила для сетей

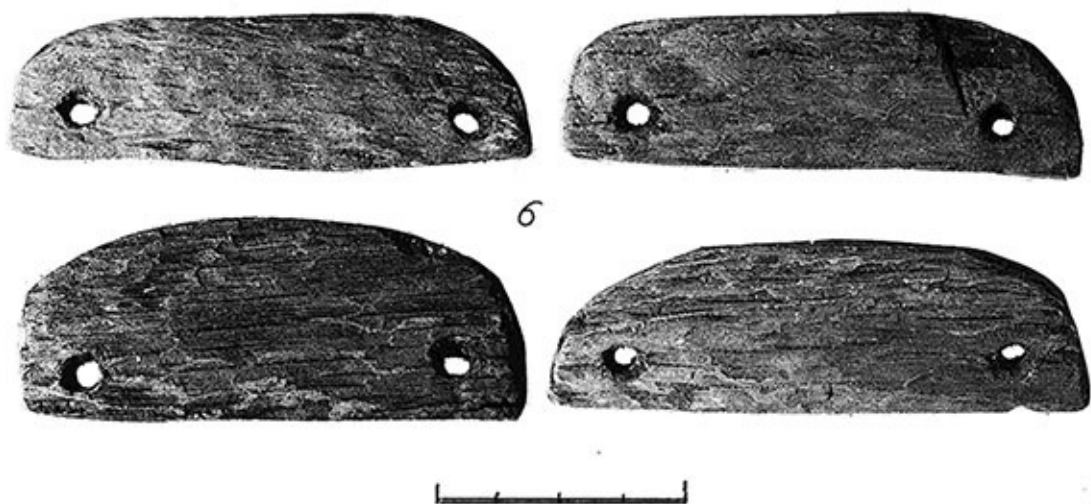
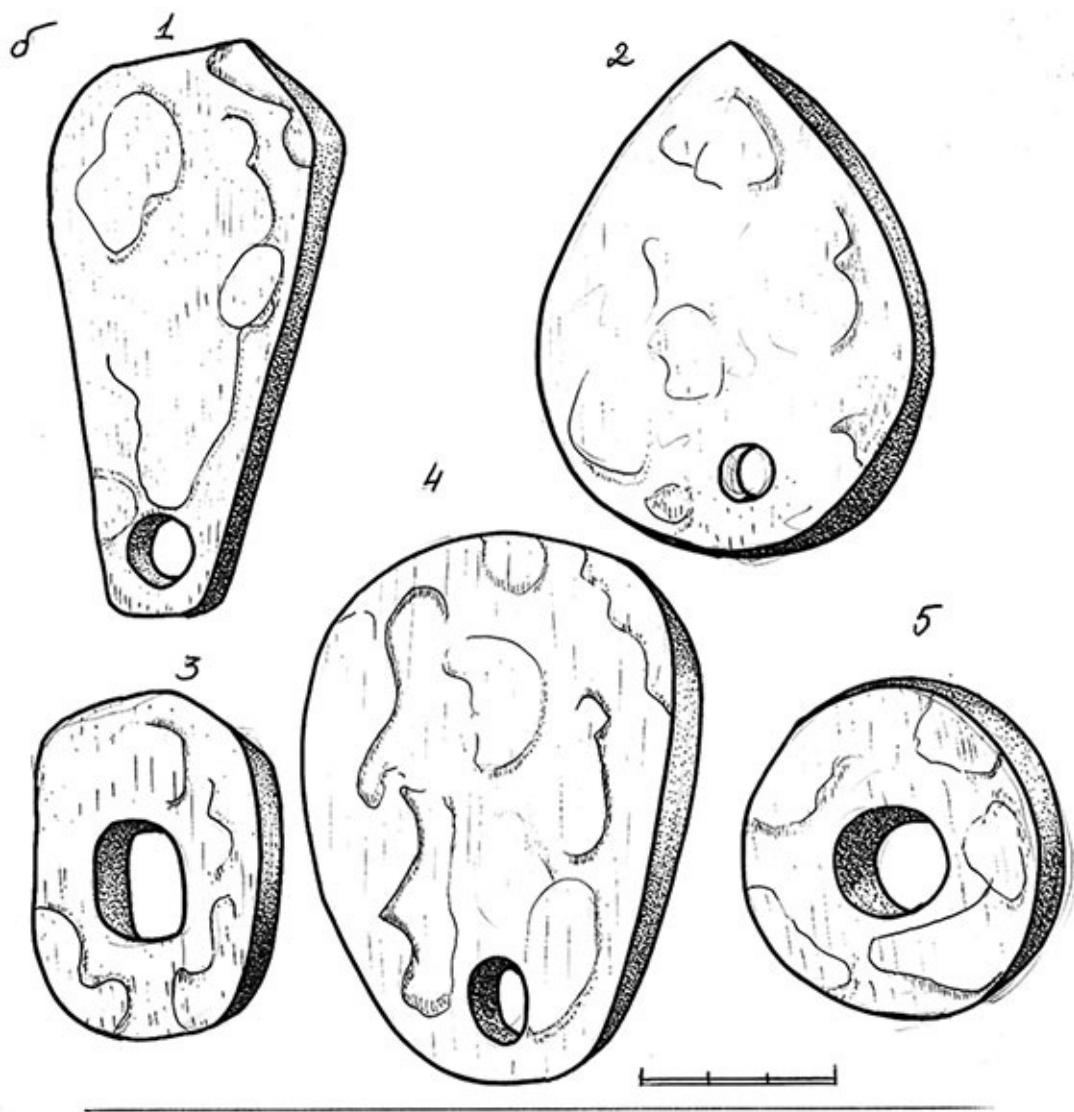

Рис. 11. Поплавки из бересты (а) и сосновой коры (б)

a

БОТАЛА

в

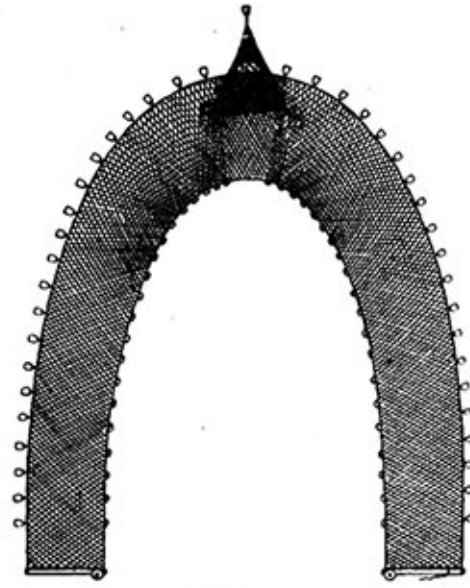

Рис. 12. Поплавки (а), буйки (б) и ботала (в). Дерево

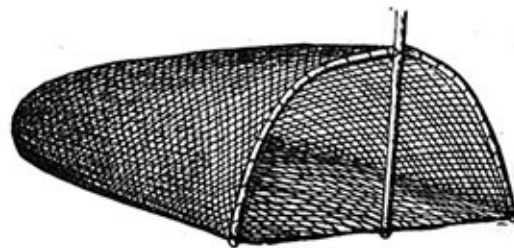
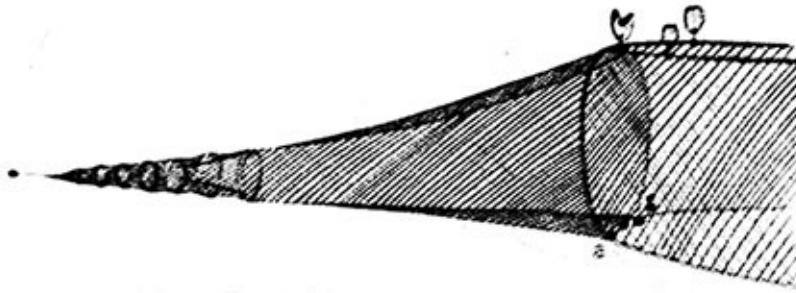

Рис. 13. Орудия изготовления сетей

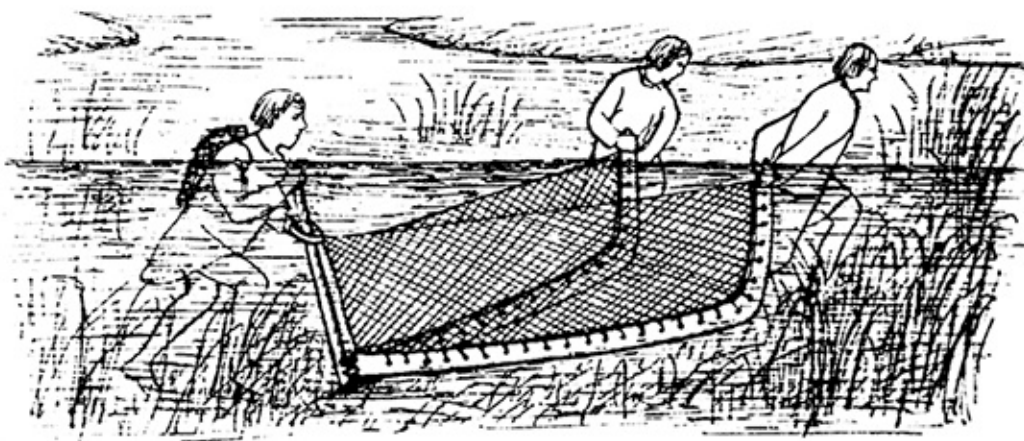

НЕВОД

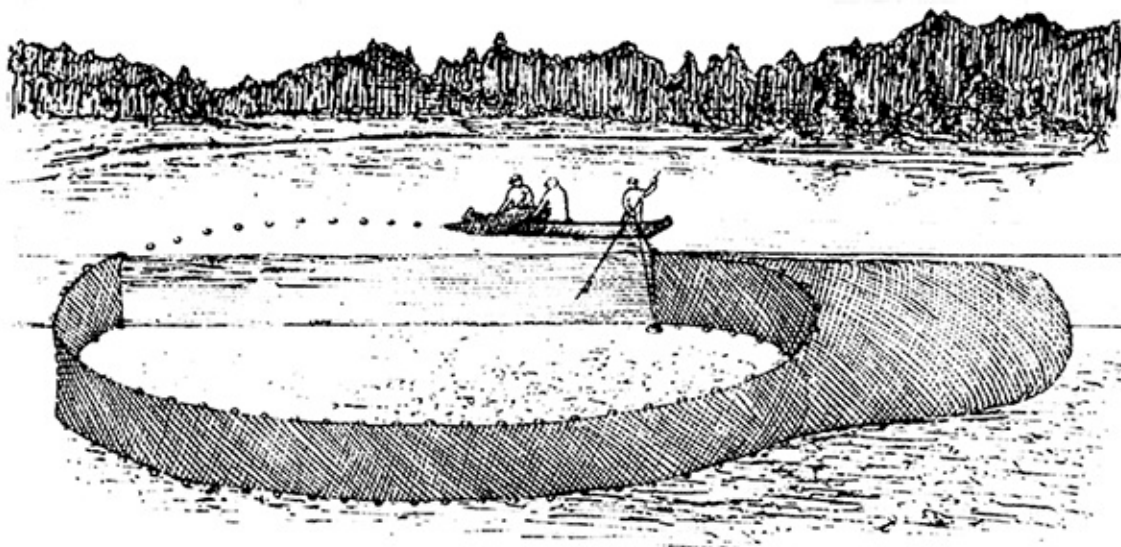

САК

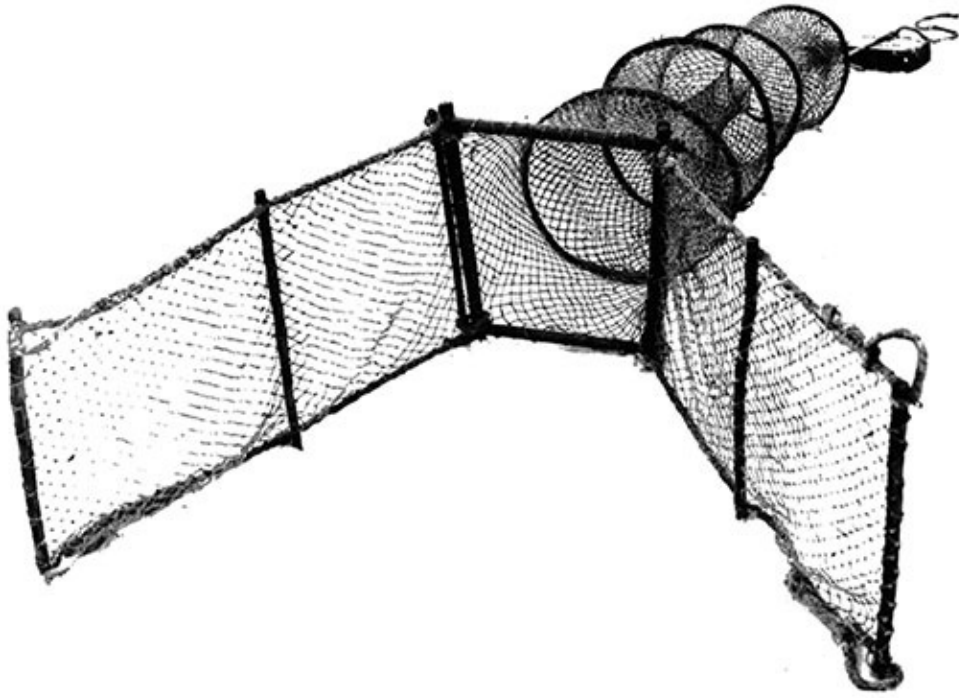
Рис. 14

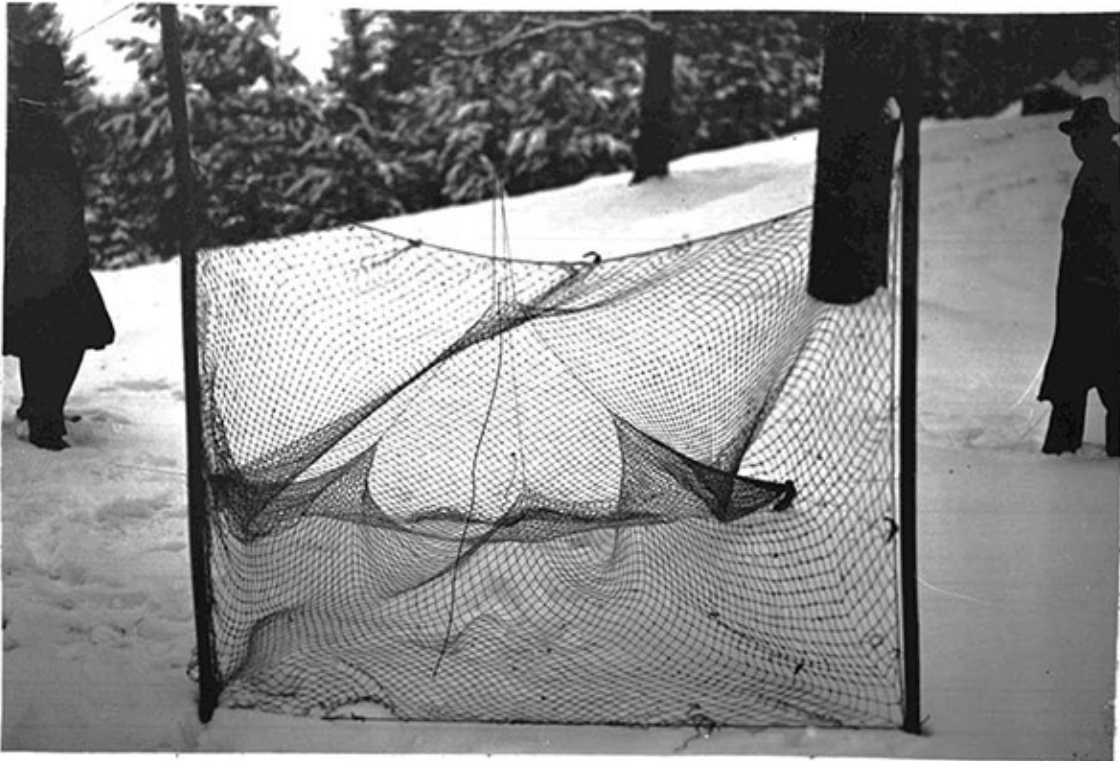
КУРИЦА

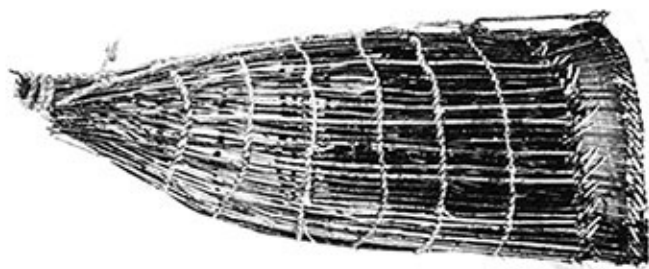
КЕРЕВОД

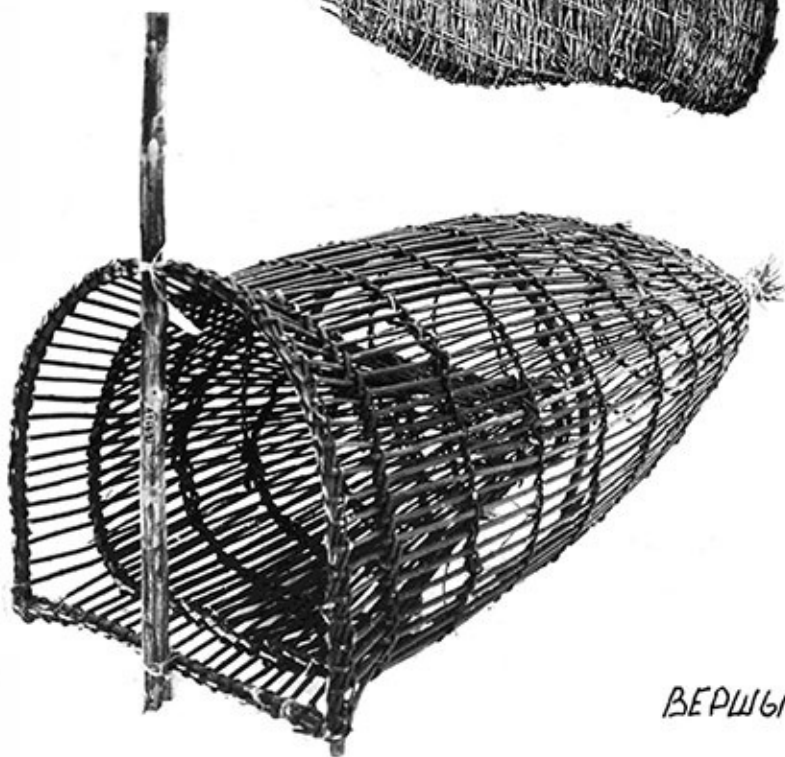
МЕРЕЖА

СЕЖА

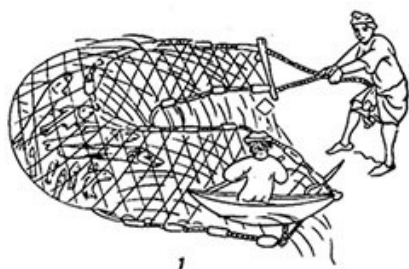

МОРДЫ

ВЕРШЫ

Рис. 15

іхъ , направлюци мѣ мрежа сѣла ѿ

акѣ ѿстапакше мрежа по сѣдопаніиѣ

ѿ сѣлѣнъ аплѣкъ стрегъ , пѣцѣрѣнъ краіпѣ

пѣцѣрѣнъ аплѣкъ стрегъ , пѣцѣрѣнъ краіпѣ

Рис. 16. Изображения сетей в древних рукописях

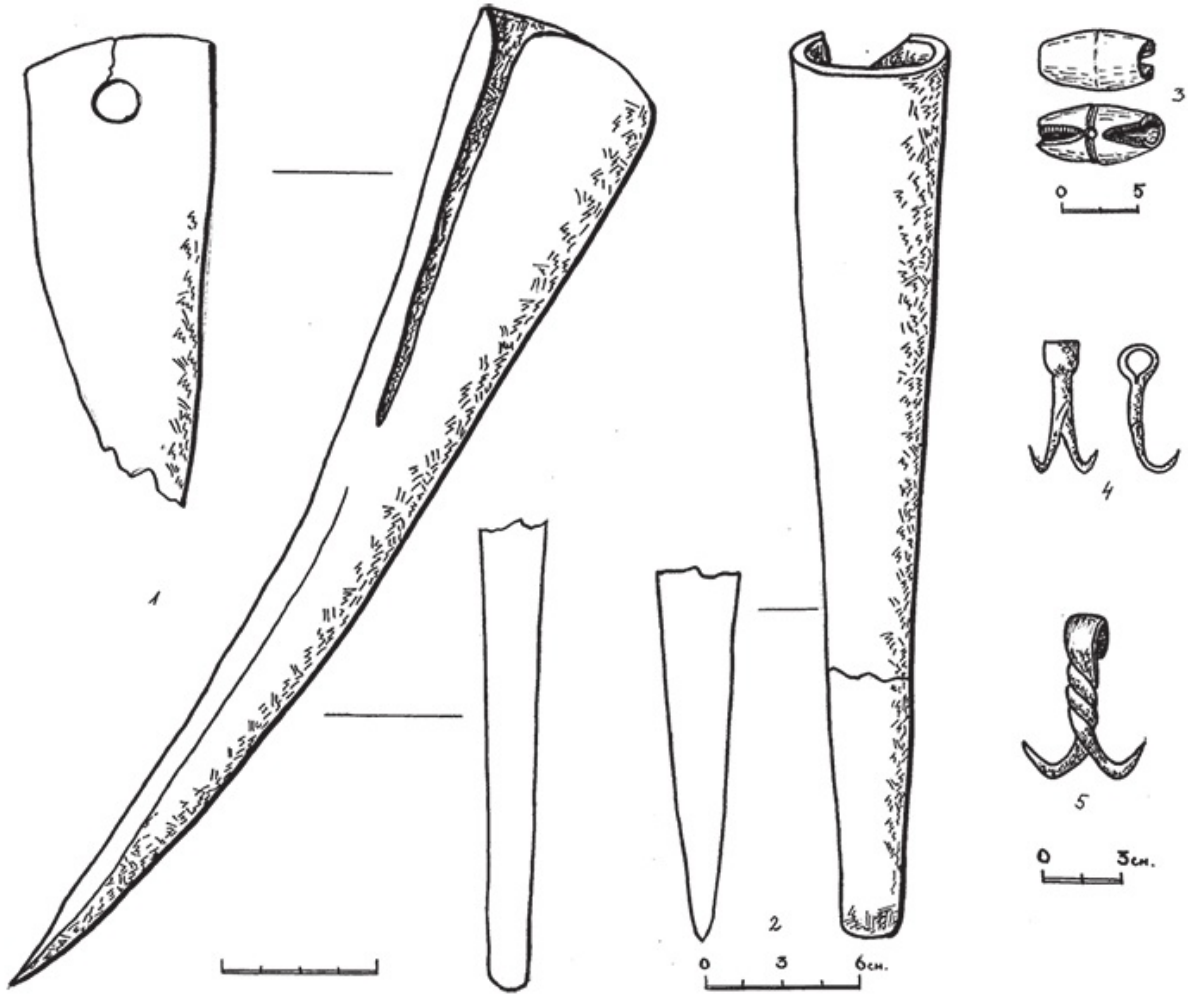
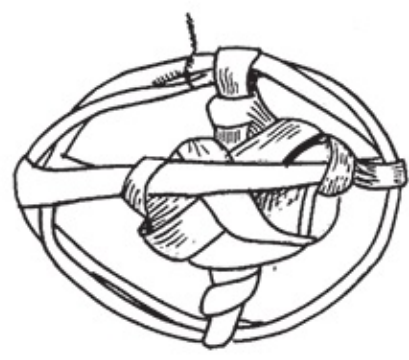
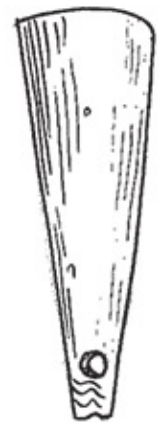

Рис. 17. Вспомогательное снаряжение

1

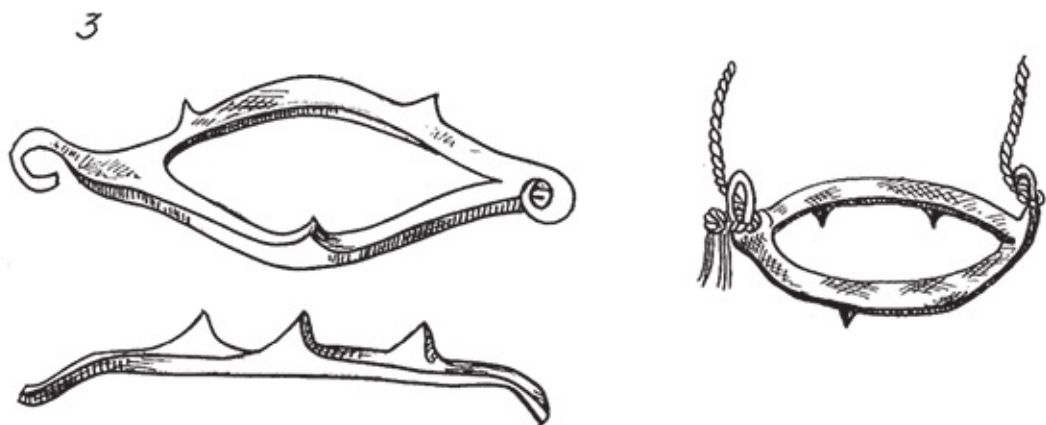
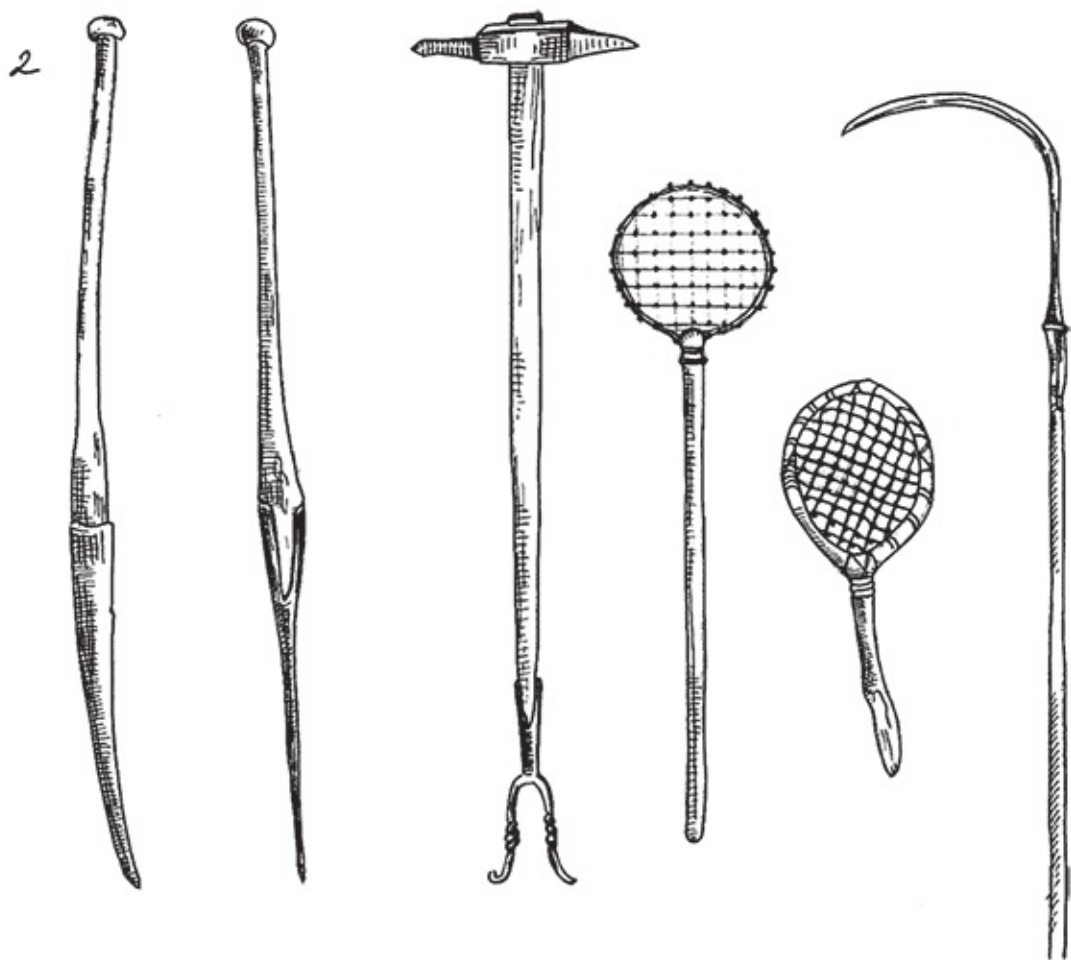

Рис. 18. Снаряжение современных рыбаков

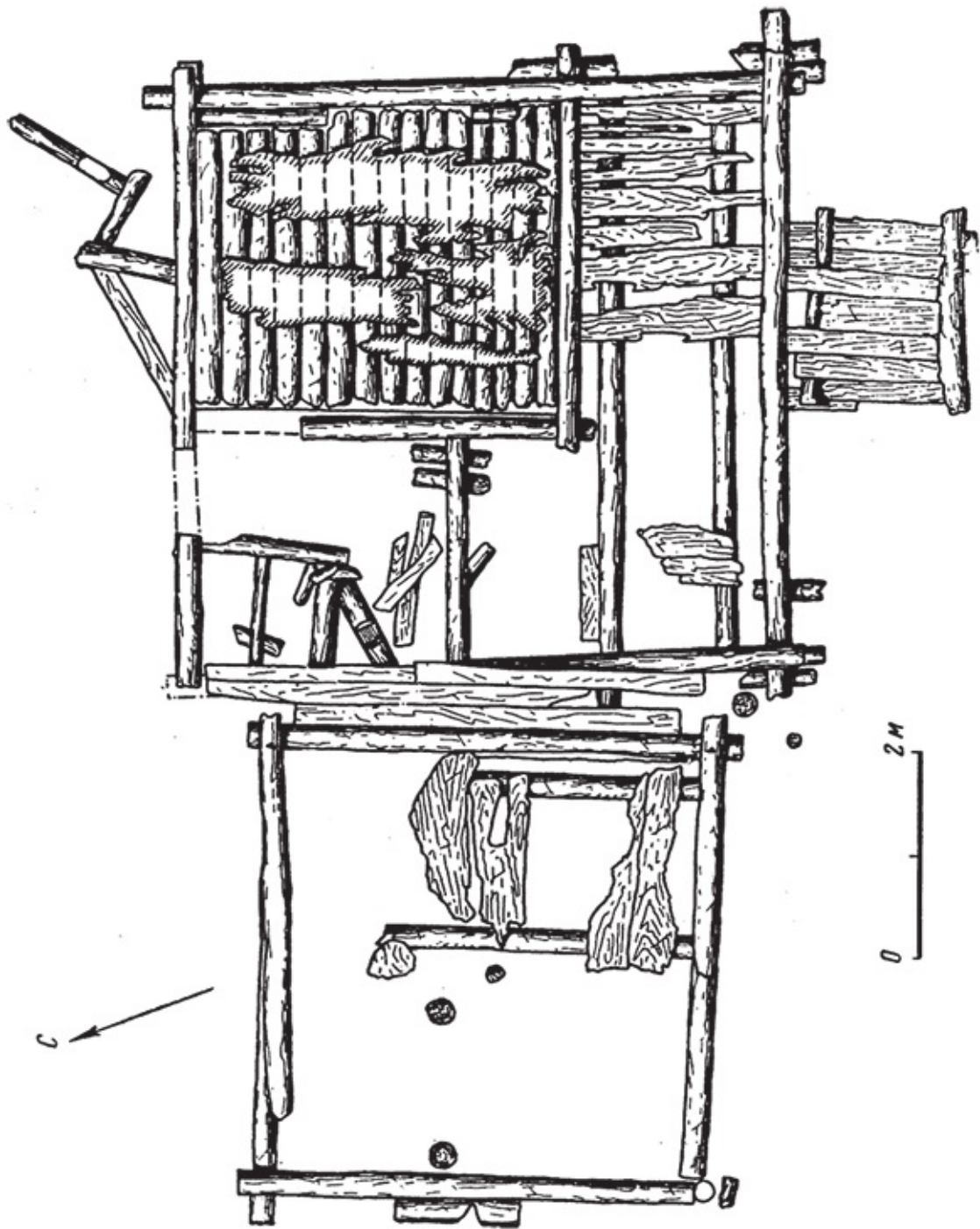

Рис. 19. Рыбокопильня. Новгород, XIII в.

notes